

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1819-2653

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

METHODOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGY

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научный теоретико-методологический и историко-психологический журнал
«МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»
Издается с 2006 года (перерегистрирован в 2009 году)

Сайт журнала: <http://mhp-journal.ru>

Международный стандартный номер периодического издания: ISSN 1819-2653
Свидетельство о государственной регистрации: ПИ ФС77-35640 от 17.03.2009

Журнал выходит четыре раза в год

Редакционная коллегия

В. Ф. Петренко (гл. ред., Москва), Ю. И. Александров (Москва),
В. М. Аллахвердов (Санкт-Петербург), А. А. Демидов (Москва),
И. Н. Карицкий (зам. гл. ред., Москва), Д. А. Леонтьев (Москва),
В. А. Мазилев (Ярославль), С. П. Сеньюшков (Краснодар),
А. В. Юревич (зам. гл. ред., Москва)

Международный консультативный совет

Ч. И. Абрамсон (Стиллуотер, Оклахома, США), Я. Вальсинер (Альборг, Дания),
Х. Люк (Хаген, Германия), Р. Смит (Ланкастер, Великобритания),
К. Шигемасу (Токио, Япония), В. А. Янчук (Минск, Беларусь)

Попечительский совет

И. Л. Сурат, Л. И. Сурат

Адрес редакции: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект,
д. 34, стр. 14, ком. 300, e-mail: ignikkar@mail.ru

Журнал «Методология и история психологии» издается
Московским институтом психоанализа,
адрес: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14,
тел.: (495) 782-3443, e-mail: inpsycho@inpsycho.ru, сайт: <http://inpsycho.ru>

Все публикуемые статьи прошли процедуры рецензирования,
экспертного и конкурсного отбора.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© «Методология и история психологии», 2018

На первой странице обложки фотография В. С. Мерлина, материалы,
посвященные 120-летию со дня рождения ученого, опубликованы на стр. 127–150.

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА, ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 3

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

2018

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY
MOSCOW INSTITUTE OF PSYCHOANALYSIS

METHODOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGY

METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY

Issue 3

JULY — SEPTEMBER

2018

С О Д Е Р Ж А Н И Е

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ	5	<i>В. Ф. Петренко</i> Космические истоки религиозного чувства
	28	<i>М. М. Решетников</i> Методологические предпосылки и основания нематериальной теории психики
	47	<i>С. В. Маланов</i> Генетический анализ психологических явлений в теоретическом контексте системно-деятельностной культурно-исторической психологии
	62	<i>Т. К. Рулина, Е. В. Бакутлова</i> Методологический ресурс категориального анализа группового сознания
ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА	72	<i>Л. Я. Дорфман</i> Индивидуальность человека: свойства, составы, структуры
	96	<i>Д. А. Леонтьев</i> Синергетика и личность: к неравновесной персонологии
	105	<i>П. А. Мясоед</i> Человек в теории познания и психологическое познание человека (к вопросу о соотношении эпистемологии и психологии)
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. С. МЕРЛИНА	127	<i>Б. А. Вяткин, М. Р. Щукин</i> История и методология исследования стилей человека в школе В. С. Мерлина (к 120-летию со дня рождения ученого)
	151	Аннотации статей на английском языке
	174	Сведения об авторах

C O N T E N T S

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY	5	<i>V. F. Petrenko</i> The cosmic origins of religious feeling
	28	<i>M. M. Reshetnikov</i> Methodological background and foundations of the non-material theory of the psyche
	47	<i>S. V. Malanov</i> Genetic analysis of psychic phenomena in the system-activity cultural-historical psychology
	62	<i>T. K. Rulina, E. V. Bakshutova</i> Methodological resource of categorical analysis of group consciousness
HUMAN PSYCHOLOGY	72	<i>L. Ya. Dorfman</i> A human individuality: traits, compounds, and structures
	96	<i>D. A. Leontiev</i> Synergetics and personality: toward a non-equilibrium personology
	105	<i>P. A. Myasoed</i> The human in the theory of knowledge and the psychological knowledge of human (on the relationship between epistemology and psychology)
W. S. MERLIN'S 120th ANNIVERSARY	127	<i>B. A. Vyatkin, M. R. Shchukin</i> History and methodology of studying human styles in the theory of W. S. Merlin (to the 120th anniversary of the birth of a scientist)
	151	Abstracts & References (in English)
	174	Information about Authors

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

КОСМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЧУВСТВА

В. Ф. Петренко

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: victor-petrenko@mail.ru*

Статья посвящена взаимоотношению науки и религии как важных составляющих человеческой культуры и человеческой ментальности. Утверждается, что наука тесно связана с сознанием и описывается на языке жестких формализмов. Язык религии метафоричен, принадлежит к «мягким языкам» и тесно связан с образами и архетипами коллективного бессознательного. В плане мировосприятия наука и религия находятся в отношении дополнительности. Отмечается ценность форм «религиозного многообразия» человеческой культуры. Отмечается, что благодаря феномену ЭПР (или квантовой телепортации) возможна передача (нельзя сказать информации, возможность которой ограничена в силу огромных космических расстояний) квантовых состояний в форме синхронии. Выдвигается гипотеза, что источником религиозного чувства является космическое коллективное бессознательное инопланетных цивилизаций, опередивших земную в сроках возникновения и имплицитно влияющих на земную эволюцию.

Ключевые слова: наука, религия, космос, коллективное бессознательное, религиозное чувство, феномен ЭПР, квантовая телепортация, синхрония.

DOI: 10.7868/S1819265318030019

Исследования проводятся при финансовой поддержке РФН, грант № 17-18-01610

Для цитаты: Петренко В. Ф. (2018) Космические истоки религиозного чувства // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 5–27.

Пытаясь осмыслить истоки собственного существования, Человечество устремляло свой взгляд в Небо, однако исследований психики в контексте глобальной космической эволюции исчезающе мало. Отчасти этот вектор представлен гуманитарно-антропологическими направлениями «философии жизни»

в работах западных мыслителей, таких как Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Вильгельм Дильтей, Анри Бергсон, Освальд Шпенглер, Георг Зиммель, Эдуард Шпрангер, Уильям Джеймс, Генрих Риккерт.

Мировая наука, оплодотворенная идеями «русского космизма» Николая

Федорова, Константина Циолковского, Владимира Одоевского, Сергея Булгакова, Павла Флоренского развивала идеи трансформации человеческой цивилизации в контексте космической эволюции. В современной науке эта проблематика представлена в исследованиях Big History Дэвида Кристиана, Универсального эволюционизма Иосифа Шкловского и Никиты Моисеева, Мегаистории Акопа Назаретяна. Глобальные модели взаимоотношения человека и природы присутствуют в работах таких родоначальников системного анализа как Людвиг фон Бергаланфи, Владимир Вернадский и Александр Богданов. Естественно, такое интегральное мировоззрение требует и глобальной творческой фантазии. Так, например, идею Циолковского о переходе в будущем человечества в лучистую форму невозможно ни эмпирически проверить, ни теоретически доказать. Но такие глобальные идеи открывают веер потенциальных возможностей развития, без целеобразующей функции которых корабль человеческой цивилизации не имеет направленности. О генералах, ориентированных только на опыт прошлого, говорят, как о готовящихся к прошедшим войнам, но ученый, ориентированный только на принципы сегодняшней науки обречен на догматизм и стагнацию своего творчества. Как заявил великий физик Нильс Бор молодому коллеге на одном из научных семинаров: «Ваша теория несомненно безумная, но достаточно ли она безумная, чтобы быть верной?» Не забудем в этом контексте идею о самореализующихся прогнозах, когда самая безумная фантазия может оказаться руководством к действию.

Если наука конструирует возможные модели бытия и развивает технологическое могущество Человечества, то религия как идеология — задает возможные смыслы такого бытия и смыслы человеческого существования. Разделяя методоло-

гию конструктивизма, исхожу из того, что любая метафора, притча или мифологема содержит элемент истины. Как говаривал Пол Фейерабенд (2010), «сгодится все». В течение всей человеческой истории во всех культурах и на всех континентах существовали религиозные и квазирелигиозные культы (начиная от шаманизма и кончая монотеистическими религиями — иудаизмом, христианством и исламом), а также мистическим индуизмом, философским и психотехническим буддизмом, социально ориентированным конфуцианством, системно-интегративным даосизмом, анимистическим синтоизмом, предельно аскетичным и экологичным джайнизмом и еще великим «многообразием религиозного опыта», накопленного человечеством (Джеймс, 1993). Очевидно, что религиозное чувство, как и тяга к трансцендентальному — неизбежные составляющие человеческого менталитета, выступают некими инвариантами человеческой природы, присущими также и выдающимся ученым: Исааку Ньютону, который был также и глубоким теологом, епископу Беркли, выдвинувшему онтологический принцип «быть — значит быть наблюдаемым», Альберту Эйнштейну с его рассуждениями о месте религии в познании, академику Ивану Павлову, жестко разводявшему физиологию и учение о духе, — список можно продолжать, внося в него множество славных имен. Европейская наука отпочковалась от теологии, стремясь найти законы божественного мира («Мир как книга»).

Само понятие «истина», столь любимое в научном лексиконе, имеет явно «религиозно-мифологическое происхождение» (Назаретян, 1995) и подразумевает констатацию того «что есть на самом деле» (Аллахвердов, 2003; 2009). Это представление об истине как соответствии нашего познания «объективной реальности» (еще один мифологический термин) разделяется и отечественной «ле-

нинской теорией отражения» и западной корреспондирующей теорией истины, а на обыденном уровне не только разделяется массовым сознанием, но неосознанно пронизывает ментальные установки большинства ученых. Ф. Энгельс выразил это в представлении о том, что познание по асимптоте стремится ко все большему соответствию самой действительности. Но есть ли сама эта действительность, безотносительно к особенностям восприятия наблюдателя, его языка и менталитета? Не имея возможности лицезреть «объективную действительность», или то, что Иммануил Кант называл «вещью в себе», человек, согласно принципу альтернативистского конструктивизма Дж. Келли (2000) познает мир (и себя как часть этого мира) как ученый, строя альтернативные гипотезы и модели. Великий греческий философ Платон выразил эту мысль, дав образ человека, живущего в пещере, где по отраженным теням на стенах этой пещеры он пытается строить гипотезы о мире, простирающемся за стенами этой пещеры.

Различные науки ставят вопросы и получают ответы на достаточно конкретные аспекты мироустройства, но мы не знаем однозначных ответов на самые глобальные экзистенциальные вопросы нашего бытия типа: есть ли Бог? Есть ли «жизнь» после смерти и возможна ли реинкарнация? Есть ли во Вселенной разумная жизнь на более высоких ступенях разума, чем земная (что почти эквивалентно вопросу: а есть ли Бог)? Есть ли смысл жизни помимо биологического и не объясняется ли «молчание» космоса тем, что, достигнув определенного социального и материального благополучия («миром правят любовь и голод»), развитая цивилизация просто утрачивает мотивацию и желание жить (как в романе Джека Лондона «Мартин Иден» достижение желаемого ведет в тупик мотивации)? Жить ради чего? Что такое судьба

и насколько наша жизнь предопределена? Что такое свобода воли и каковы ее рамки? Где границы моей свободы воли и есть ли она (как это у Ф. М. Достоевского: «Тварь ли я дрожащая или право имею?»)? На основе чего возможны пророчества и можно ли заглянуть в будущее или прошлое, не через рациональный прогноз, а через непосредственное усмотрение еще не свершившегося или, наоборот, навсегда ушедшего? Как, например, в философии православного экзистенциализма (Л. И. Шестов, Н. И. Бердяев, Н. С. Трубецкой) есть представление о том, что Бог, находясь вне пространства и времени, созерцает «одновременно» начало и конец причинно-следственной цепочки и для него нет прошлого и будущего.

Можно полагать, что в случае пророчества медиум способен войти во вневременное состояние, приписываемое в православном экзистенциализме Богу. Возникает также вопрос, а насколько будущее уже задано и предопределено: от суждения «и волос с головы не упадет без воли Отца вашего Небесного» Евангелия до суждения о том, что «Бог в своей любви не ограничивает свободу выбора человеком добра или зла» в православном экзистенциализме (Бердяев, 2003), и насколько сам человек ответствен за этот выбор? Онтологично ли зло? Другими словами, есть ли силы зла: типа дьявола в христианстве, шайтана в исламе? Или же зло не персонифицировано и представляет собой просто неведение, незнание, как в буддизме или в христианской версии Августина? Таких базовых экзистенциальных вопросов множество, но ни на один из них мы не имеем однозначного ответа. И в роли пророков, дающих если не решение этих базовых вопросов бытия, то хотя бы ощущение приближения к ним, часто выступают «духовно талантливые люди» (по Василию), черпающие из индивидуального и коллективного бессознательного смутные об-

разы или мироощущения, которые они выражают в «мягких языках» (Налимов, Драгалина, 1995), на которых разговаривают пророчество и искусство.

Между наукой и теологией есть некие общие моменты. Научный текст (в отличие от текста графомана или шизофреника) существует «как текст в тексте» (Лотман, 2001), будучи наполненным как прямыми, так и косвенными ссылками на работы коллег, философов и методологов науки. Но и теологическая литература помимо опоры на канонические тексты (Типитака, Ветхий и Новый Завет, Талмуд, Коран и т.п.) содержит огромную перекличку интерпретаторов канонических текстов, подчас объемом превосходящую на несколько порядков сами сакральные тексты. Далее, специфику науки обычно связывают с наличием эмпирического опыта, а также с возможностью экспериментально проверять исходные гипотезы. Но и в рамках духовной культуры возможны мысленный эксперимент, пророчества, как подтверждаемые или неподтвержденные гипотезы, духовная работа, сомнения и терзания, внутренний самоанализ, ощущение безусловной достоверности, что, конечно, отличает религиозный опыт от естественно-научного, но оказывается близким к психоаналитическим или трансперсональным вариантам психологической науки, которую все же принято считать гуманитарной наукой, хоть и отличной от естественно-научной.

Познание человека мира и самого себя в истории человеческой культуры осуществлялось с того, что В. В. Налимов обозначил как фигуры «мягкого языка»: мифы, легенды, притчи. Российский ученый, философ, гуманист А. А. Богданов (1989) в фундаментальной монографии «Тектология: Всеобщая организационная наука» (которая многими учеными рассматривается как предвестница кибернетики, предвосхитившая ряд положений «Теории систем» Л. Бергаланфи (1969))

показывает, что «основной метафорой» в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого общества, как материал наиболее близкий и освоенный людьми. Русский язык несет в своей грамматике и синтаксисе огромный пласт архаичного мышления и миропонимания, доставшегося нам от далеких предков.

В свое время мы (Ермолаев, Петренко, 1976) ввели понятие «псевдодействие» для обозначения присущего русскому языку феномена описания предметной ситуации по аналогии с человеческим действием. Рассмотрим, например, предложение «Книга лежит на столе». Мало того, что в ситуации пространственного взаимоотношения двух объектов меньшему по размеру (книге) приписывается роль подлежащего, т.е. субъекта, который совершает антропоморфное действие (разлеглась, понимаешь!), этому субъекту (книге) приписывается еще и половая принадлежность (книга — она) при полном отсутствии каких-либо половых признаков. Описание окружающей реальности через ее антропоморфизацию, т.е. наделение природных процессов человекоморфными свойствами и использование в качестве объяснительной модели природных процессов собственные, т.е. человеческие действия в мире, и составляет первую базовую метафору житейской психологии.

Древний человек по аналогии с самим собой одушевлял природу, приписывая природным процессам субъектность. Сравним предложения: «Я иду домой» и «Идет дождь»; «Ветер качает деревья», «Мать качает колыбель с младенцем»; «Анастасия выглянула из-за плетня» и «Солнце выглянуло из-за туч». В этих предложениях как человек, так и разного рода природные процессы и стихии выступают в роли подлежащего, обозначающего активный агент действия. Отметим, что для снятия этого архаиче-

ского, уходящего в седую древность феномена антропоморфизации неживой природы, присущего нашему языку, в падежной грамматике Ч. Филмора (1981) вводится глубинный уровень смысловых ролей («семантических падежей»), соответствующий современным представлениям о человеческой деятельности и природных процессах. Так, в падежной грамматике Ч. Филмора в предложении «Мальчик разбил окно камнем» на роль агента действия будет отнесен «мальчик», на роль объекта — «окно», а «камню» будет приписана падежная роль «инструмента». В предложении «Музыка взволновала меня» — «я» не будет являться агентом, поскольку это переживание не было произвольным и волевым, и «мне» в падежной грамматике Ч. Филмора приписывается роль пациента. По сути дела, лингвист Филмор пытается построить свой вариант теории деятельности и отразить процесс категоризации как процесс, затрагивающий мотивацию, целоеобразование, осознаваемые и бессознательные уровни регуляции деятельности субъекта. Так, одна из чрезвычайно интересных попыток структурной лингвистики (Апресян, Мельчук, Жолковский и др.) — создать язык смыслов, представляющий собой связанные ориентированные графы, в узлах которых стоит универсальная лексика данного языка, а ребра графов заданы обобщенными предикатами.

Не только древние люди переносили человеческую субъектность на природные процессы. Так, персидский царь Ксеркс, перед сражением с греками, в результате которого получил поражение, приказал высечь море, виновное в шторме, разбившем понтонную переправу и утопившем часть войска. Отдаленный от нашего настоящего дня всего на несколько столетий, царь Иван Грозный приказал вырвать язык у вечегого колокола Великого Новгорода и отравить колокол в ссылку.

Ощущая присутствие неких высших сил, влияющих как на судьбу конкретного единичного человека, так и определяющих жизнь всего человечества, последнее категоризовало эти силы в представлениях о духах (шаманизм), поклонялось им в звероподобных образах богов Древнего Египта, или же в человеко-совершенных образах бессмертных богов Древних Греции и Рима, царящих над людьми, но и принимающих участие в жизни смертных. Монотеистическая идея единого бога прошла эволюцию от племенного бога Яхве, лепящего человека (Адама) из глины, и имеющего в иудаизме чисто человеческие качества, как то способность гневаться, карать отступников (как в случае наказания жителей Содомы и Гоморры), ревниво проверять на верность себе (как в случае с Иовом), через парадоксальную идею Бога, воплотившегося во Христе, принявшем крестные муки, и тем самым искупившем первородный грех («смерть смертью поправ»), через более позднюю версию Троицы в христианстве — к идее «Бог везде и нигде, Бог в сердце твоём» в протестантизме. Можно сказать, что идея Бога, последовательно освобождаясь от антропоморфных представлений, становилась все более трансцендентальной, выражаясь в религиозном чувстве присущем пророкам, поэтам, «духовно талантливым людям». Источник религиозного чувства — индивидуальное и коллективное бессознательное. Но выразить и осознать религиозное переживание можно только категоризовав его. «В начале было слово». Язык как «дом бытия» (Хайдеггер) задает и границы нашего мира (Витгенштейн). Поэта Николая Гумилева можно характеризовать как романтика и мистика. Он предсказал насильственную причину и условия своей собственной гибели. Мироощущение присутствия Бога у Н. Гумилева представлено, в частности, в его стихотворении «Шестое

чувство» (1920), написанном за год до его расстрела:

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь
 для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;

Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

То есть, согласно Гумилеву, помимо пяти чувств, дающих нам радость и страдания, исходящие от земного бытия, у человека хотя бы в зародыше имеется шестое чувство — ощущение присутствия трансцендентального, присутствия Бога. Природа шестого чувства, наиболее сильно выражена у всех «духовно талантливых людей» (термин Ф. Василюка), и в первую очередь — у основателей религий: Будды (буддизм), Махавиры (джайнизм), Заратустры (зороастризм), Моисея (иудаизм), Христа (христианство), Бодхидхармы (дзен-буддизм), Лао-Цзы (даосизм), Мухаммеда (ислам), Конфуция (конфу-

цианство), Нанак (сикхизм), а также у множества святых и пророков-паломников трансцендентального мира. Я исхожу из того, что всем им было ведомо погружение в измененные формы сознания. Эти непредметные формы бессознательного содержат опыт в докатегориальных ощущениях, которые духовный сталкер выражает уже в сознательном плане в виде неких сакральных текстов, в которых он способен (в силу национальной культуры и языка) выразить. Так появляется множество религий и пророчеств, на мой взгляд, имеющих общие корни в коллективном бессознательном, и, как полагал Карл Юнг (1991), имеющих не только земное, но и космическое происхождение. Полагаю, что важно развести религиозное чувство как форму индивидуального прорыва к трансцендентальному и религию как устоявшийся социальный институт, поддерживающий консервативные установки общества в форме техно-гуманитарного баланса (Назаретян, 2001; 2003; 2017).

Если использовать биологическую аналогию по отношению к человеческой культуре, то можно сказать, что религиозное чувство реализует изменчивость, а религиозные тексты (Махабхарата, Библия, Талмуд, Коран) выступают носителями консерватизма наследственности человеческой культуры. Религии возникают как формы духовного творчества «духовно талантливых людей» и первоначально несут революционные идеи в системе ценностей, подчас выступая в форме ереси по отношению к предыдущей вере. Например, как христианство по отношению к иудаизму, или протестантизм по отношению к католицизму. Но будучи институционализированными и став доминирующей идеологией, облеченной властью и собственностью, социальные институты (государственная идеология, церковь) подчас реализуют диаметрально противоположные изначальной вере ценностные

установки. Так, например, христианство, возникнув как идеология сострадания и любви, в эпоху абсолютизма породило институт инквизиции, чьи установки представляли полную противоположность раннему христианству. История Человечества показывает, что практически любая идеология (религиозная или светская) оборачивается в какие-то моменты истории своей противоположностью. Во имя любви к Богу горели костры инквизиции, из любви к освобожденному человечеству «рыцари революции» в лице НКВД загоняли людей в концлагеря и на «стройки века». Ф. М. Достоевский пророчески описал в притче о великом инквизиторе осуждение Христа на смерть при его гипотетическом Втором пришествии.

«Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит ему: — Это ты? Ты? — Но, не получая ответа, быстро прибавляет: Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать, и сам это знаешь. Но, знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это, или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли, знаешь ты это? Да, ты, может быть, это знаешь, — прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника... Имеешь ли ты право возвестить нам

хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел?.. Нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Все, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: “Хочу сделать вас свободными”. Но вот ты теперь увидел этих “свободных” людей, — прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. — Да, это дело нам дорого стоило, — продолжает он, строго смотря на него, — но мы dokonчили, наконец, это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не достаиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой свободы... Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, — говорит он ему, — ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать, и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?... Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то,

что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя».

При наличии для всех религий общего трансцендентального источника, коренящегося в коллективном бессознательном, различные религии достаточно сильно отличаются друг от друга, будучи выраженными на уровне сознания в сакральных текстах. Они различаются по системе ценностей, содержанию допустимых форм поведения, характеру психотехнических практик, позволяющих вхождение в измененные состояния сознания. Эти различия эволюционируют и порождают многообразие национальных культур, выступающих как «сад расходящихся тропок» (Борхес). При этом можно говорить об уровне развития той или иной религии. Например, шаманизм, как наиболее древняя форма религиозной практики, чрезвычайно психотехничен (Торчинов, 1998), ибо он впитал многотысячелетний опыт вхождения в измененные состояния сознания и работы с ними. В то же время в нем практически отсутствует развитая этическая система, присущая, например, буддизму или христианству. Современная практика мировых религий во многом утрачивает психотехнический компонент, замещая им религиозный ритуал, который подчас представляет собой пустую оболочку бывших ранее психотехнических практик. В этом плане можно полагать, что на смену традиционным религиям, в той или иной мере породившим антропоморфных богов, приходит квази-религиозное мироощущение Всеединства бытия (Соловьев, 1988), мистическое познание через вселенское чувство (Лапшин, 1905; Большакова, 2006), присутствия трансцендентальной реальности в нашей жизни и ощущение включенности как отдельного человека, так и всего Человечества в космическую эволюцию Духа. Можно полагать, что Космос —

это не толькоместилище низко организованной материи (согласно Э. Чайсону (Chaisson, 2001), «сорная травинка во дворе сложнее самой причудливой туманности Млечного пути»), но включает и трансцендентальные духовные уровни, которые влияют на нас и которые мы можем ощутить через прорывы в бессознательное с помощью духовных психопрактик, через медитативное прочтение сакральных текстов, через пиковые (термин А. Маслоу (1999)) переживания любви, страдания, восторга или через творческое вдохновение при занятии искусством или наукой. Западная философия зиждется на бинарной оппозиции субъекта как творческого начала и пассивной материи как объекта творения. В авраамических религиях личностного Бога (иудаизм, христианство, ислам) человек как подобие Бога противопоставлен тварному миру, который он (человек) трансформирует и совершенствует, как субъект совершенствует объект. В роли объекта совершенствования может выступать не только внешний мир, но и сам человек, его собственное тело, его внешность, совокупность умений и интеллект и даже черты характера и духовность. В мире конкуренции самосовершенствование становится средством борьбы за место под солнцем, приобретая гипертрофированный характер. В восточной, буддийской философии имеется понятие анатмана (отрицание личности или иллюзорности эго). Индуистской и буддийской философии несвойственно субъект-объектное противопоставление. Медитативные и дыхательные практики, отшельничество призваны снять выделенность человека из мира и интегрироваться с ним. Нирвана и есть полное растворение в мире, снятие «двойственности».

Рассмотрим в качестве примера экзотичной формы медитации «медитацию на трупах» (Ньянапоники, 1994), связанную с культивированием непривязан-

ности к телу (практика «чод» — отсечение страха). Практика «чод» признана показать иллюзорность «я» (см. также: Петренко, Кучеренко, 2007). Внушается переживание тяжести в теле, нет возможности двигаться, ощущение как будто тебя засасывает жирная, зловонная тряпина. Болотная жижа сдавливает тело все сильнее и сильнее. Пузыри болотного газа скользят по телу. В кожу впиваются болотные пиявки. В рот попадают остатки гниющих растений и разлагающиеся останки животных. Захлебываясь, человек ощущает судороги, конвульсии. После переживания предсмертной агонии возникает ощущение разлагающегося трупа. На теле возникают трупные пятна. Разлагается мясо, стекая с костей. Все тело как бы растворяется в болоте, а с растворением, исчезновением тела (для буддистов это переживание равносильно утрате эго) человек освобождается от страха смерти. «Я», утратившее физическую оболочку, оказывается внутри гораздо более обширного и богатого объема (пространства). Элементами схемы тела (оболочки «я») выступают движения воздушных потоков, потоки солнечного света, водные и лесные просторы. Жизнь во всех ее проявлениях. Остается опушка леса на краю болота, покрытая яркой зеленью. Яркое солнце. Белоснежные облака плывут по синему небу. Слышится пение птиц. Все наполнено движением звуков, красок. Все полно движением жизни, и ты и есть этот мир...

На этом примере можно почувствовать, что работа по визуализации в измененных состояниях сознания связана с изменением категоризации, со снятием субъект-объектной оппозиции «я» и мира, или, говоря языком буддизма, «снятием двойственности». Меняются границы самоидентификации. В состоянии медитации физическое тело как бы растворяется и сознание резонансно всему миру. В измененных состояниях сознания изменя-

ется категоризация себя, других существ, мира, а в состояниях, близких к нирване, в пределе снимаются сама категоризация и сознание. На наш взгляд, в результате медитации человек выходит в бесконечномерное пространство коллективного бессознательного. Термин «коллективное бессознательное» ввел Карл Юнг (1991), весьма интересовавшийся буддизмом и индуизмом. Он сравнивал коллективное бессознательное с мангровой рощей. Мангровые деревья растут на берегах тропических морей, завоеывая новые пространства, пуская побеги, идущие от ствола, которые, опускаясь под тяжестью собственного веса, при соприкосновении с водой и дном превращаются в корни. На поверхности отдельные деревья кажутся самостоятельным растением, но на глубине, под землей их корни переплетены. Их индивидуальное существование является иллюзорным, и мы имеем дело с мангровой рощей, образующей единый организм.

Коллективное бессознательное, по-видимому, имеет многоуровневый и многослойный характер; наряду с личностным бессознательным Зигмунда Фрейда (Турецкий, 2006), содержащим индивидуальный опыт, существуют архетипы, присущие представителям определенных рас, этнических культур, а также общечеловеческие архетипы (Турецкий, 2008). Но вместе с чисто человеческим коллективным опытом в коллективном бессознательном содержится и опыт наших эволюционных предков. Именно поэтому в гипнозе можно вызвать переживания, присущие тем или иным животным, находящимся на различных ступенях эволюционной лестницы. Помню собственные переживания в трансовом состоянии в образе тигра. Вернее, то, как я «был тигром». Помню, как чуть ли не со скрипом раздвигались кости черепа и увеличивалось расстояние между моими глазами (у тигра оно шире, чем у человека, но я

об этом не знал, знало об этом мое «звериное» коллективное бессознательное).

Мой друг, ученик и коллега В. В. Кучеренко описывает интересный случай из своей практики гипнотерапии. Его пациентка страдала сочетанием анорексии и булимии, заключавшемся в том, что она или чувствовала отвращение к еде, или же, начав есть, не могла остановиться, так как не ощущала насыщения. Худошащая и иззящная она воспринимала себя непомерно развешшейся. Как выяснилось в ходе гипнотического погружения в прошлое, наша пациентка занималась в далекой молодости (или даже в детстве) в балетной студии и пережила весьма негативный опыт. Ее партнер, застав ее за тайным поеданием каких-то пирожных (что было нарушением пищевого режима), назвал ее «жирной коровой» и дал оплеуху (ведь поднимать ее в ходе балетного танца приходилось ему). Все это не могло не вызвать сильного эмоционального стресса и стало причиной мощной психологической травмы, вылившейся в болезнь. Владимир Кучеренко решил в ходе гипнотерапии дать возможность пациентке испытать чувство насыщения, которое она не получает из-за болезни (как табу на удовольствие от пищи). Он последовательно погружал ее то в иллюзорную реальность римского пира («симпозиума» — на языке Древней Греции), то в ситуацию барского застолья русской усадьбы. Но во всех случаях что-то мешало пациентке пережить насыщение. В последнем случае ее погрузили в ситуацию первобытного племени, успешно завалившего мамонта и празднующего добычу. Вкусно пахнущий костром кусок мамонтиатины у нее грубо отнял какой-то амбал, одетый в звериные шкуры, и ей осталось только жалобно скулить по поводу незаслуженной обиды. Отметим, что это типично для невротичных людей. Катаясь в гипнотическом трансе на лыжах с горы, они обязательно врежутся в воображаемое дерево;

ухаживая в фантазийной реальности за противоположным полом, неизбежно потерпят фиаско; будучи в образе животного, будут ощущать проплешины на шкуре или больную лапу. Тогда психотерапевт решил создать такую ситуацию, в которой пациентка не будет чувствовать себя связанной с социальными нормами и запретами. Он превратил пациентку в летающего ящера-птеродактиля. Планируя на своих перепончатых крыльях над доисторическим пейзажем, пациентка испытывала неизъяснимое чувство хищника: «моя территория, моя добыча». Увидав сверху какое-то существо, похожее на гигантскую лягушку, она спланировала на добычу и разорвала ее. Поглощая «дымящуюся» плоть, она испытала ни с чем несравнимое чувство удовольствия и насыщения. Болезнь отступила.

В этом примере для нас важен тот архаический опыт животного пласта бессознательного, в который смогла погрузиться пациентка и который, впрочем, доступен любому человеку. Сходные феномены в измененных состояниях сознания, вызванных пребыванием в космосе, описывает летчик-космонавт С. В. Кричевский. «Я знаю троих космонавтов, которые пережили такие фантастические видения. Наиболее яркий сюжет касался превращения человека в динозавра. Космонавт ощущал себя древним ящером, бегущим в стаде по склону горы, преодолевающим овраги. Он видел у себя трехпалые лапы вместо ног, чешую на них, перепонки между пальцами, огромные когти. Чувствовал, как вздыбливаются роговые пластины на хребте. Из его пасти вырывался пронзительный крик, который он ощущал, как собственный. Были описания и других трансформаций: человек превращался в иную личность: рыцаря в средневековом замке или в инопланетное существо-гуманоида. Переносился в иное пространство-время, в том числе на неизвестные ему небесные тела,

даже на планету, где было два Солнца. Но окружающая обстановка воспринималась как нечто родное, привычное. Слышались звуки, незнакомая речь, которая была понятна сразу, без всякого обучения» (Кричевский, 2014). В научной статье «Космонавтика и гражданское общество» (1995) С. В. Кричевский обозначил эти космические феномены как «фантастические сновидения-состояния». По сути, это измененные состояния сознания (ИСС) человека в космосе.

Можно предположить, что помимо животного пласта коллективного бессознательного могут существовать и уровни более высокие, чем человеческое бессознательное. Эти уровни «космического бессознательного» открываются святым, эзотерикам, «духовно талантливым людям». Остановимся на этом подробнее. При понимании жизненного мира как означенного и осмысленного пространства бытия человека сознанию отводится конструктивно-порождающая роль. Оно рассматривается не как копирующая одномомерная «прокладка» между субъектом и действительностью, а как сложнейшая многомерная и многоуровневая открытая эволюционирующая система (пожалуй, самая сложная из всех рассматриваемых наукой систем), порождающая новые смысловые миры. Сознание — «космический странник» — находится на острие творческой эволюции Вселенной. Не исключено, что человеческое сознание задействовано в пластах более высоких уровней сознания и мы способны улавливать отблески космического разума. В конце концов, нашей человеческой цивилизации по космическим масштабам отроду нет и одного дня. Вселенная же существует миллиарды лет.

Гипотеза о предшествующих формах существования жизни и разума не менее научно корректна, чем гипотеза об уникальности и единичности земной жизни и цивилизации. Так, применительно

к проблеме возникновения жизни существует гипотеза «панспермии» (см., напр.: Панов, 2008), согласно которой эстафета передачи жизни в виде молекулярных структур, на базе которых возникают ее простейшие формы, осуществляется посредством странствующих космических тел (комет, метеоров). Сознание, понимаемое широко как способность ощущать, переживать, чувствовать, т.е. как качество, присущее в той или иной степени всем живым существам, также может быть рассмотрено как имеющее космическое происхождение. В своих фоновых формах оно может выступать камертоном Вселенной, эволюционируя и дифференцируясь в земных условиях к уровню связанного с языком человеческого сознания. Если верна гипотеза о предсуществовании сознания, то «братьев по разуму» можно искать не только с помощью телескопов или запуская в космос космические корабли, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного. Именно этим и занимались адепты буддизма, индуизма, практик суфизма и исихазма. Разница только в концептах, в которых они обосновывали «многообразие религиозного опыта» (в терминологии У. Джеймса). Практики науки и религии здесь сближаются, и история религии проникнута опытом «пиковых» состояний сознания (Маслоу, 1999; Фрейджер, Фейдимен, 2008; Еремеев, 2008; Козлов, 2016; и др.), на научное осмысление которых выходит психология. «Не следует ли нам предположить, — полагает В. Франкл, — что над человеческим миром, в свою очередь, расположен превосходящий и недоступный человеку мир, смысл, точнее, «сверхсмысл» которого только и может придать смысл всему человеческому страданию? Человек может постичь сверхмир не больше, чем животное из своей среды может

понять более широкий человеческий мир. Он, однако, может уловить его в предчувствии — в вере» (Франкл, 2009, с. 42).

Представление о предсуществовании космического сознания содержится, к примеру, в индуизме. Индивидуальное сознание (атман) является частью (искрой божьей) целостного океана космического сознания (брахмана), с которым сливается после смерти. В рамках этих представлений единое интегральное сознание предшествует индивидуальному. Интегральное выступает как некоторый базисный фон, как «несущая волна», на основе которой моделируется более дифференцированно-индивидуальное. У. Джеймс (Джеймс, 1993) сравнивал взаимосвязь индивидуальных сознаний с образом корней деревьев, которые переплетаются в подземной тьме, или с дном океана, который соединяет острова друг с другом. «Подобным же образом, — пишет он, — существует и континуум космического сознания, в которое как в материальное море погружены наши разделенные умы» (цит. по: Карпенко, 2001). Индивидуальное сознание ограничено, по-видимому, из-за возможной перегрузки и нервных срывов при адаптации к окружению. Самосознание, механизмы самоидентичности при таком понимании отсекают, ограничивают индивида от чужого сознания, чужих переживаний (иногда прорывающихся, возможно, в феноменах телепатии, дежавю, синхроничности). На такую трактовку интегрального сознания также хорошо ложится гипотеза Б. Ф. Поршнева (1979) о причине возникновения многообразия естественных языков как следствии контрсуггестии, вызванной необходимостью отделиться барьером собственного языка от чужеродных влияний.

Одной из особенностей современной эпохи, на мой взгляд, является происходящая конвергенция позиций науки и религии. Так, протестантскими теоло-

гами сотворение мира за 7 дней, описанное в Ветхом Завете, интерпретируется как метафора длительных эпох становления. От Большого взрыва — момента образования нашей Вселенной до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 миллиардов лет. Земля как космический объект существует не менее 5–6 миллиардов лет, а жизнь на Земле возникла 3–4 миллиарда лет назад. Когда я читаю студентам лекции по проблемам сознания, то напоминаю один впечатляющий факт: наш организм содержит атомы углерода и металлов, которых нет в плазме Солнца. Там только водород и гелий. Все элементы тяжелее водорода — продукты взрыва сверхновых звезд: выгорая, они коллапсируют и сжимаются до объема немыслимой плотности и состояний сверхвысоких температур, а затем взрываются, выбрасывая в космос преобразованную материю. Планеты нашей Солнечной системы возникли из этой звездной пыли. В нашем сердце стучит пепел погасших звезд. И, может быть, мы наследники эволюционирующей Вселенной не только, так сказать, в материальном плане? Если перефразировать слова Шарля де Костера, можно сказать: «Пепел потухших звезд стучит в нашем сердце». Солнечная система вобрала в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности, железо, как компонент гемоглобина. Мы дети космоса, и наша эволюция — звено в «Глобальной эволюции» (или Big History; см.: Назаретян, 2018).

При этом, согласно вертикали Снукса–Панова (Панов, 2008), показавших экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале), в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности — к своеобразной точке «бифуркации», когда она либо исчезнет, ли-

бо примет иную, возможно, нематериальную форму. «Великое молчание» космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Либо, дойдя до определенного уровня развития, цивилизация уничтожает саму себя, например, захлебнувшись в отходах собственного производства, либо переходит в другую форму. Еще великий космический мыслитель Эдуард Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших материальный уровень, образует «Космическое сознание» или «Интегральный разум». «Жизнь — это творческая эволюция. Жизненный порыв состоит, по существу, в потребности творить, т.е. вносить в жизнь наибольшую сумму неопределенности и свободы. Жизнь относится к порядку психологическому, а психологическое охватывает нераздельную множественность взаимопроникающих элементов жизни. Мое сознание утверждает, что каждое из моих состояний жизни (ощущения, вкус, мысли) включает все другие, я являюсь и множественным единством, и единой множественностью» (Бергсон, 2001).

В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не по проявлениям артефактов материальной культуры, а, скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах нашего собственного бессознательного. Эти мысли я и выразил в неизбежной замене компьютерной метафоры психики человека в когнитивной психологии на метафору «квантового компьютера с космическим интернетом», понимая всю условность этой технической метафоры и несводимость психики ни к какому техническому устройству в рамках «искусственного интеллекта» (Петренко, 2013).

В рамках методологии психосемантического подхода к сознанию, личностному и коллективному бессознательному,

мы исходим из имплицитной включенности субъекта познания в конструируемую им картину мира и невозможности вывести его (субъекта познания) за рамки изучаемой реальности, описав ее в виде независимой от познающего «объективной действительности». Этот постулат неустрашимости позиции субъекта познания из процесса познания разделяют квантовая физика (Гейзенберг, Пенроуз, Менский), современная философия в форме «постнеклассической рациональности» (Степин, Лекторский, Касавин, Аршинов, Буданов, Микешина), психологическая наука (Келли, Петренко, Назаретян, Знаков, Митина, Супрун). Картина мира, конструируемая познающим субъектом (как в рамках житейской психологии наивного наблюдателя, так и рефлексирующего ученого) имеет многослойную организацию и содержит как сознательные, так и бессознательные пласты психического (Фрейд, Юнг). С позиции психосемантики для описания этих уровней психического требуется как минимум два различных языка описания. Проблема в том, что мир, представленный в сознании, «живет» по законам классической физики в «естественном» трехмерном пространстве и времени, а квантовая реальность коллективного бессознательного существует в бесконечномерном пространстве Гильберта и мнимом времени (Петренко, Супрун, 2015; 2017). Причем если «классический мир» оперирует процессами, то квантовый — целостными состояниями. Ситуация крайне напоминает ту, которую описывал Л. С. Выготский в своей работе «Мышление и речь», где он сравнивал мысль с «нависшим облаком», которое «проливается дождем слов». С точки зрения физики мысль, установка, аттитюд — это состояния, содержание которых реализуется в соответствующих процессах. Поскольку содержание каждого состояния финитно и не может изменяться непрерывно (в отличие от реализующего его

процесса), то квантовый характер этого мира вполне естествен. Переход в описании от пространства состояний (спектрального представления в квантовой механике) к «классическому миру» пространства-времени, описываемом нашим сознанием, требует определенной трансформации, известном как Фурье-преобразование. Переход из целостного бесконечномерного состояния коллективного бессознательного в осознаваемую реальность выступает как редукция волновой функции в квантовой физике или как процесс категоризации в психологии.

На коллективное бессознательное, существующее в гильбертовом пространстве, распространяется феномен ЭПР (Эйнштейна, Подольского, Розена) — связности или спутанности, заключающийся в нелокальности бытия и синхронической связи компонентов опыта, генетически связанных в эволюции. Синхроническая связь (описанная в психологии Юнгом) согласно квантовым феноменам ЭПР не требует переноса энергии и осуществляется мгновенно. Гипотетически можно предположить, что именно принципы квантовой физики лежат в основе таких малоисследованных и ставящихся под сомнение многими исследователями феноменов, как телепатия, предчувствие, прорицание.

Бессознательное имеет и другую, не менее интригующую особенность. Как показали клинические наблюдения А. Р. Лурии и В. В. Кучеренко (Лурия, 1968; Кучеренко, 1996; 1997;), человек помнит практически все, что он наблюдал в течение всей своей жизни. В книге «Маленькая книга о большой памяти» А. Р. Лурия описывает феномен пациента Шерешевского, помнившего на протяжении многих лет громадные матрицы цифр или бессмысленных буквенных сочетаний. При всей уникальности его память, обусловленная обостренным сочетанием синестезии и эйдетизма, тем не менее

потенциально присуща всем людям и может быть актуализована с помощью гипнотического трансa. Приведу пример из практики Кучеренко работы со свидетелем, который предположительно мог случайно видеть машину преступника. Кучеренко поэтапно погружал свидетеля во все больший гипнотический транс, и, наконец, он (свидетель) как в замедленной съемке смог увидеть движущуюся в его воображении машину и смог прочесть цифры ее номерного знака. Так был найден убийца, совершавший кровавые преступления. Как полагает Кучеренко, восстановить можно практически любую информацию. У взрослого человека можно актуализовать воспоминание того, как он был одет в трехлетнем возрасте и чем его кормили в тот день.

Карл Прибрам (1975) для объяснения неисчерпаемости памяти разработал ее голографическую модель (любая самая малая часть голограммы содержит всю информацию о целом). Проблема только в «энергетической накачке» для актуализации следов памяти, которая тем больше требует психологической энергии, чем меньше фрагмент голограммы. И если личное бессознательное хранит практически всю информацию, связанную с жизнью индивида, то коллективное бессознательное, по-видимому, содержит всю информацию не только всего человеческого рода и всех живых существ, но даже переходных форм от неживого к живому. При этом возникает вопрос о формах ее хранения. Гипотеза о гильбертовом пространстве бытия коллективного бессознательного снимает проблему пространственно-временной локализации коллективной памяти (поскольку категории пространства и времени к нему неприменимы), но требует новых моделей для ее осмысления. Высказав гипотезу о вневременном и внепространственном характере коллективного бессознательного, мы, следуя логике рассуждения, долж-

ны допустить и возможность извлечения из этого «хранилища» опыта предыдущих эпох и допустить возможность «ментальной» археологии, позволяющей в транс-овых состояниях погружаться в исторические пласты минувшего. А отсюда недалеко и до тезиса о возможных контактах с ушедшими из этого мира людьми.

Рассмотрев явление переживания шестого чувства, мы значительно раздвинули рамки проблемы идентичности, придав ей космический характер. В рамках этого масштаба можно характеризовать иллюзорность индивидуального «эго» с помощью метафоры листьев дерева, которые осенью опадают, но при этом целое, т.е. дерево (аналог коллективного бессознательного), продолжает жить. Или представить индивидуальное бытие как кратковременные пузыри, возникающие на поверхности своеобразного Соляриса (океана бессознательного). Однако ограниченность этой метафоры связана с тем, что этот кратко живущий «пузырь» — человеческое «эго» — обладает пусть ограниченной, но свободой воли и творческой креативностью, вносящими свою лепту в эволюцию океана.

Попробуем дать свою версию шестого чувства, оперируя естественно-научными представлениями. Известно, что возраст нашей вселенной 13,8 миллиарда лет, а возраст нашего отчего дома Земли где-то более 5 миллиардов. Мы — дети космоса, и уже практически доказано, что жизнь на Земле имеет космическое происхождение и была занесена на нашу планету в виде простейших микроорганизмов метеоритами и кометами, массивно бомбардировавшими ее в ту пору, когда она еще не обладала защитной воздушной оболочкой. Дарвиновская теория происхождения видов как борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных дала мощный толчок концепции эволюции и способствовала ее переносу Г. Спенсером в социологию.

Совсем иначе выглядит биологическая история при рассмотрении биосферы как единой системы, существовавшей и изменяющейся на протяжении миллиардов лет. Согласно теории «панспермии» и представлениям Г. Рихтера, Г. Гельмгольца, У. Томсона, жизнь была занесена на Землю из космоса.

В соответствии с данным предположением, жизнь возникла не в форме отдельной первичной клетки, а, как полагает биолог Ю. В. Чайковский (2006), в форме совокупности («ценоза») биохимических реакций; позже ценоз разделился на отдельные организмы (на множество разнородных первичных клеток). Органические реакции одна за другой встраивались в неорганические геохимические круговороты, постепенно делая их органическими, точнее биогеохимическими. По мысли академика А. С. Спирина (2003), через какое-то время после остывания Земля представляла собой Солярис — гигантский организм. Спустя еще какое-то время Солярис начал дробиться на плавающие и растущие организмы. Произошел переход от целостной системы к раздробленной, в которой образовавшиеся организмы стали поедать друг друга. Отметим эту удивительную гипотезу возникновения жизни на Земле, представленную синтезом идей С. Лема, Ю. В. Чайковского и А. С. Спирина, которая противоречит нашим школьным познаниям.

Тем не менее эти идеи, на мой взгляд, переключаются с гениальным трудом Анри Бергсона «Творческая эволюция», где существование эмпатии и интуиции переживаний одного живого существа другим (на примере осы, безошибочно наносящей парализующий укол в ганглии насекомого, поскольку она интуитивно чувствует местоположение этих ганглий) объясняется тем, что живые существа имеют общее родство в происхождении. Но, поскольку Солнце — вторичная

звезда, а, как полагает современная астрофизика, только в нашей галактике насчитываются сотни тысяч звезд, имеющих планеты, то биологическая жизнь, а затем и разумная могли возникнуть на некоторых из этих планет намного раньше земной. Учитывая ускорение эволюционного процесса (Панов, 2008; Назаретян, 2017), можно полагать, что при отсутствии самоуничтожения, вызванного экологическими причинами или иными, связанными с утратой смысла жизни и т.п., некоторые из этих гипотетических цивилизаций, возникших много раньше земной, могли достичь такого уровня развития, что в состоянии выступать по отношению к земной цивилизации в роли богов. Можно представить себе, как бы воспринимали древние египтяне, ассирийцы или шумеры наши города, транспорт и средства связи, имея они возможность взглянуть на современную жизнь. В качестве исторической аналогии можно вспомнить культ «карго»: когда в недавнем прошлом американцы после окончания Второй мировой войны ушли с островов Полинезии, местные жители стали строить из стволов пальм макеты самолетов, надеясь, что «божественные благодетели» еще вернутся и принесут с собой многие полезные для островных жителей вещи (Назаретян 2017).

Что касается «великого молчания» космоса и отсутствия каких-либо сигналов от этих гипотетически более высоко развитых, чем земная, цивилизаций, то я уже писал о том, что наивно экстраполировать наш уровень технологий на иные цивилизации. В научной фантастике Жюль Верна каких-то чуть более 100 лет назад будущие космонавты летели на Луну на пушечном ядре, и великий фантаст вряд ли мог додуматься, например, до Интернета или геной инженерии. Наивно полагать, что будущие инопланетяне прилетят на Землю в космическом корабле и будут напоминать своим видом со-

временных землян. Возможно, прав гениальный Станислав Лем, описавший в научно-фантастическом романе «Солярис» одну из возможных форм разумной жизни в виде мыслящего океана. Скорее, возможен контакт с гипотетическими собратьями по разуму в форме глубинной медитации и выхода в сферу бессознательного.

Затронем в этом контексте проблему взаимосвязи сознания и бессознательного. Специфику сознания в современной психологии связывают в первую очередь с языком, несущим в своих значениях совокупный общественный опыт. Как пишет М. М. Бахтин (1979), сознание возникает при коммуникации и общении с другими людьми, а самосознание выступает как автокоммуникация, т.е. общение человека с самим собой. Помимо вербальных значений инструментами сознания могут выступать и иные знаковые системы: визуальные символы, образы, имеющие устойчивые значения, ритуальные действия, символические фигуры балета, мимика, жесты и т.п. В наших публикациях (Петренко, Кучеренко, 2007) мы описывали гипнотические феномены, когда блокировка вербальных значений приводила к тому, что человек видел объект, но не осознавал его. Так, например, при гипнотической инструкции не видеть конкретного человека, испытуемый вел себя, полностью игнорируя присутствие значимого для него человека, вплоть до нарушения принятых форм приличия. Но в то же время он не пытался пройти сквозь «невидимого», ставшего у него на пути, или задеть его рукой. То есть видел другого человека, но не осознавал этого.

Помимо гипноза в психологии и религии используется множество психопрактик вхождения в измененные состояния сознания. Измененные состояния сознания, или ИСС (altered states of consciousness), возникают при воздействии на личность человека, пребыва-

ющего в обычном состоянии сознания, различных факторов: стрессовых, аффектогенных ситуаций, сенсорной депривации или длительной изоляции, интоксикации. Психоделические феномены возникают на фоне высокой температуры, гипервентиляции легких или, напротив, длительных задержек дыхания, острых невротических и психотических заболеваний, когнитивно-конфликтных ситуаций, выбивающих сознание субъекта из привычных форм категоризации (например, необычное поведение наставника в чань-буддизме, применение коанов — парадоксальных изречений, используемых буддизмом), использования парадоксальных инструкций, невыполнимых в логике обычного состояния сознания и приобретающих осмысленность для субъекта лишь в «логике ИСС», медитации и др.

В литературе ИСС определяется как психическое состояние, вызванное тем или иным физиологическим, психологическим или фармакологическим агентом, субъективно описываемое индивидом в терминах внутреннего опыта, а при объективном наблюдении за ним характеризующееся как отклонение от определенной нормы функционирования психики (Гордеева, 2009; Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998; Спивак, 2000). Ч. Тарт (2003) определяет ИСС как качественную перестройку в индивидуальном паттерне психического функционирования. Наиболее ранней формой фиксации и развития в человеческой культуре сознательного индуцирования ИСС и их активного применения с различными целями является шаманизм. В этнографии описаны измененные состояния, известные под названиями «шаманская болезнь», «шаманский транс», состояния коллективного транса, например, в процессе проведения шаманского обряда камлания и т.д. В дальнейшем ИСС и приемы их навешения нашли свое место как в различных

религиях, так и в «народной» культуре: в знахарстве, гаданиях, деревенской магии, карнавалах и др. Привлечение внимания науки к феноменам ИСС и способам их регуляции связывается с эпохой месмеризма, когда Ф. А. Месмером (1733–1815) были заложены основы гипноза и начато его активное терапевтическое использование.

Для того чтобы осознанно воспринимать что-либо, необходимо наличие периферических органов чувств и когнитивных схем, эталонов распознавания, а для осознания воспринимаемого еще и наличие некоего языка, понимаемого в широком семиотическом плане, например, «языка искусства» или, вернее, «языков искусства» (Петренко, 2014). Из-за отсутствия ряда специфических органов чувств для восприятия идущей из внешнего мира информации психика человека содержит ряд «слепых зон». Например, она не воспринимает электромагнитные излучения в диапазоне ультрафиолетового, рентгеновского и гамма-излучения, а в низкочастотной области не «ловит» радиоволны. Восприятие человека нечувствительно и к статичному магнитному полю, и, конечно, к нейтринному излучению. Ограничено человеческое восприятие также относительно быстротекущих и сверхмедленных процессов. Но помимо работы периферийных органов процесс восприятия включает в себя по принципу «рефлекторного кольца» регулируемую роль когнитивных структур мозга (модель «потребного будущего» в терминах Н. Бернштейна (1990) или «акцептор действия» П. Анохина (1970)).

На языке психологической науки этим физиологическим механизмам управления (Александров, 2008) соответствуют перцептивные эталоны, когнитивные карты, когнитивные схемы, системы значений и семантические пространства. Блокировка или неразвитость двух последних приводит к «слепоте»

восприятия. Расширить диапазон восприятия можно за счет различных психотренингов, таких как «тренинг сензитивности», медитация (Далай-лама XIV, 2010; Шивананда Свами, 2001; Чогьял Намкай Норбу, 2009; Нида Ченагцанга, 2010), аутотренинг (Шульц, 1985), йога (Айенгар, 2010; Саи Баба, 2009; Сидерский, 1998), холотропное дыхание (Гроф, 2007; Козлов, Майков, 2004), метод сенсомоторного психосинтеза (Петренко, Кучеренко, 2007), гипноз (Шойфет, 2006) и мягкий эриксоновский гипноз (Эриксон, 1995), различных религиозных практик: динамической медитации в форме монотонных телодвижений или повторения мантр, текстов, имеющих сакральный характер (Хоружий 1993), поста, молитвы (Василюк, 2005), созерцания (Акопов, 2009; Карицкий, 2011; Шестун, Подоровская, 2011), затворничества (Феофан Затворник, 2010), ретрита (Сопа Ринпоче, 2012).

Психопрактики и медитация не только снижают пороги чувствительности, открывая области, ранее недоступные ощущениям и переживаниям, но, главное, они расширяют сознание, снимая субъект-объектную оппозицию, интегрируют индивидуальное сознание с космическим, трансперсональным, божественным (возможны разные термины). Изучение феноменологии ИСС позволяет переосмыслить проблему сознания, расширить границы традиционного понимания личности. Трансперсональными психологами предложены ряд классификаций, систематизирующих и описывающих необычные переживания личности в ИСС, и модели психики, на них основывающиеся. Наиболее известные из них: спектр сознания К. Уилбера (2004), картография внутренних пространств С. Грофа (2003), основанная на философии буддизма модель личности Р. Уолша (2006). В отечественной психологии в рамках психосемантического подхода ИСС рассматриваются

через изменение форм категоризации сознания субъекта, трансформации его семантических пространств. В результате исследований влияния эмоций на процессы категоризации при построении семантических пространств в измененных состояниях сознания были выделены определенные критерии ИСС (Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998). В измененных состояниях сознания происходят изменения:

- 1) формы категоризации субъекта, сопровождающиеся переходом от социально нормированных культурой форм категоризации к иным «точкам сборки» (нестандартным способам упорядочения внутреннего опыта и переживаний); этот процесс включает переход от преимущественной опоры на вербально-логические, понятийные структуры к отражению в форме наглядно-чувственных (довербальных) образов;

- 2) эмоциональной окраски отражаемого в сознании внутреннего опыта (например, возникают интенсивные эмоциональные переживания новизны, необычности, ирреальности, сопровождающие переход к новым формам категоризации);

- 3) процессов самосознания, рефлексии, проявляющиеся в том, что некоторые элементы феноменологии измененных состояний сознания переживаются субъектом не как продукты собственной психической активности, а как нечто объективное и независимое от него, например, интерпретация внутреннего опыта как откровения свыше: «было мне видение», «слышал я голос» и т.п.;

- 4) восприятия времени, последовательности происходящих во внутренней реальности событий, частичная или полная их амнезия, обусловленная трудностью, а иногда и невозможностью перевода внутреннего опыта, полученного в измененных состояниях, на язык социально нормированных форм категоризации, например сложность воспроизведе-

ния последовательности событий сновидения в бодрствующем состоянии.

Возможен и другой критерий различения сознания и бессознательного, связанный с измененными состояниями сознания. Согласно И. Канту, категории (или, как писал Кант, «интуиции») времени и пространства являются не онтологическими характеристиками «вещи в себе», а категориями сознания субъекта (будь то человек или животное), создающего мир объектного видения. Адекватным языком для описания предметного мира является язык декартовских пространств, или четырехмерный мир А. Эйнштейна, включающий в качестве одной из координат категорию времени. В этом предметном языке любая материальная сущность имеет пространственные и временные координаты и представляется неким объектом. Но предикторы трансовых состояний: медитация, молитва, гипноз, холотропное дыхание, ритмические танцы, особые ритуальные действия, различные природные психоделики (грибы, растения, алкоголь и т.п.) могут выводить человека в некий иной мир вне времени и пространства. На эту тему имеется большой феноменологический материал (см. работы К. Юнга, А. Маслоу, С. Грофа, А. Минделла, Р. Фрейджера, М. Мерфи, К. Уилбера, В. Козлова, В. Майкова и др.), в котором описываются трансовые состояния.

Измененные состояния сознания, как состояния вне времени и пространства, лучше описываются на языке гармоник гильбертова пространства (Петренко, Супрун, 2015), которые не имеют начала и конца. Язык гильбертова пространства используется в квантовой физике для описания волновых процессов. Квантовой физике принадлежит и феномен ЭПР (Эйнштейна, Подольского, Розена), сформулированный в ходе дискуссии Нильса Бора и Альберта Эйнштейна как возможность связности и нелокальности бытия. Суть его в следующем: соглас-

но конструктивистской позиции Гейзенберга, свойства элементарных частиц не существуют до их измерения и проявляются только при взаимодействии прибора в «руках» исследователя и самого объекта наблюдения, что по мысли физиков Р. Пенроуза и М. Б. Менского необходимо требует участия сознания наблюдателя в процессе редукции волновой функции. Согласно феномену ЭПР, или, как его еще называют, «квантовой телепортации», измерение, например, направления спина одной элементарной частицы ведет к тому, что становится одновременно известным противоположное направление спина его генетически связанного «близнеца». Пусть и удаленного на космические расстояния от первого. Передача информации (в шенноновском понимании) или любого другого воздействия, по мнению А. Эйнштейна, здесь невозможна, так как она ограничена скоростью света. Тем не менее физики А. Аспект и Дж. Белл эмпирически подтвердили существование этого феномена, из которого следует нелокальность бытия квантового мира. Сверхсветовые скорости «передачи информации» приводят к нарушению принципа причинности и открывают возможности мгновенной телепортации состояний. То есть взаимосвязь «всего и вся» и возможность мгновенного отклика на воздействие (измерение одного из них) эволюционно связанных элементов, независимо от расстояний между ними.

Феномен ЭПР по-своему оказался ответом на вопрошание Эйнштейна: «Меняется ли что-либо во Вселенной, если на звезду смотрит мышь?» Ответ (конечно, очень упрощенный): да, меняется! И это связано с феноменом нелокальности бытия и взаимосвязанностью всего сущего. Все это позволило Р. Пенроузу высказать мнение: «Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект

во Вселенной... Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории... почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем» (Пенроуз, 2005, с. 464). Этот своеобразный вариант Всеединства бытия позволяет предположить, что феномены синхронии, предвидения и телепатии имеют основание в физике квантового мира. Кстати, и выдающийся российский психофизиолог Е. Н. Соколов был солидарен с идеей С. Хаммероффа и Р. Пенроуза о существовании на молекулярном уровне нейронных трубочек, позволяющий человеческому мозгу работать как своеобразный квантовый компьютер (Соколов, 2010).

Подводя итог нашим рассуждениям об отношениях науки и религии, сделаем несколько, даже не выводов, а скорее гипотетических утверждений. Наука и религия находятся в отношениях взаимодополнительности, что ведет к интегральному мировосприятию, где рации и вера создают многомерную мировоззренческую картину, включая в нее и смысл бытия, и место в нем самого человека. То что наука не может выразить в присущих ей жестких языках формализации, религиозное чувство схватывает в мягких метафорических и интуитивных языках поэтических образов измененного состояния сознания. Религия выражает религиозное (шестое) чувство в сакральных текстах, но ритуализация этих текстов в массовом сознании приводит к значительной утрате тех самых психопрактик и того трансцендентального чувства, которые и привели к рождению этих сакральных текстов. В отличие от науки, обогащающей человеческий мир технологическими, облегчающими жизнь новшествами, религии и возникшие на их базе этические системы

задают смысл человеческому существованию, определяя техно-гуманитарный баланс между достижениями науки и техники, расширяющими возможности Человечества, и моралью и этикой, ограничивающими вмешательство человека в исходные природные процессы. Исходя из космического происхождения жизни на Земле, можно предположить также космический источник земного сознания, полагая не прямой перенос информации о мире Человечеству из космических источников, а резонанс психических состояний коллективного бессознательно (бытие в состоянии потока), когда на основе синергии и синхронии осуществляется квантовая телепортация (божественных состояний интуиции), благодаря которым пророк, поэт, ученый или музыкант порождает, создают тексты, идеи, поэзию и музыку. То есть присутствие космического сознания (вернее, коллективного космического бессознательного) во все века биологической и социальной эволюции Человечества задавало направление вектора эволюционного развития (или наличие телеономической, целевой функции), что на языке религиозного менталитета являло собой божественное присутствие.

Литература

Айенгар Б. К. С. (2010) Свет жизни: йога. М.: АНФ.

Акопов Г. В. (2009) Классическая и/или неклассическая психология сознания // Методология и история психологии. № 1. С. 130–136.

Александров Ю. И. (2008) Эмоция и мораль // Методология и история психологии. № 3. С. 186–208.

Аллахвердов В. М. (2003) Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь.

Аллахвердов В. М. (2009) Сознание — кажущееся и реальное // Методология и история психологии. № 1. С. 137–150.

- Анохин П. К. (1970) Теория функциональной системы // Успехи физиологических наук. № 1. С. 19–54.
- Бахтин М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература.
- Бергсон А. (2001) Творческая эволюция. М.: Канон-Пресс.
- Бердяев Н. (2003) Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Фолио.
- Бернштейн Н. А. (1990) Физиология движений и активность. М.: Наука.
- Берталанфи Л. фон (1969) Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс. С. 23–82.
- Богданов А. А. (1989) Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. М.: Экономика.
- Большакова В. В. (2006) И. И. Лапшин о психологии мистического познания и «вселенского чувства» // Методология и история психологии. 2006. Вып. 2. С. 82–93.
- Василюк Ф. Е. (2005) Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования) М.: Смысл.
- Гордеева О. В. (2009) Измененные состояния сознания и культура: основные проблемы и направления исследования в современной психологии // Измененные состояния и культура: Хрестоматия. СПб.: Питер. С. 4–28.
- Гроф С. (2003) Холотропное сознание: три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь. М.: АСТ.
- Гроф С. (2007) Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М.: АСТ.
- Далай-лама XIV (2010) Учение Его Святейшества Далай-ламы XIV для буддистов России. Посвящение Гухьясамаджи. Комментарии к тексту Гьялсэ Тогме Сангпо «37 практик Бодхисаттвы». Дхарамсала, Индия.
- Джеймс У. (1993) Многообразие религиозного опыта. М.: Наука.
- Еремеев В. Е. (2008) Представления о структуре психики в древнеиндийском учении санхья // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 162–174.
- Ермолаев Б. А., Петренко В. Ф. (1976) К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир. С. 107–129.
- Карицкий И. Н. (2011) Психологические практики внутреннего созерцания реальности // Созерцание как современная научно-теоретическая проблема / отв. ред. Г. В. Акопов. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. С. 112–126.
- Карпенко М. (2001) Вселенная разумная. М.: МАИК «Наука / Интерпериодика».
- Келли Дж. (2000) Психология личности. СПб.: Речь.
- Козлов В. В. (2016) Психология буддизма: четвертое колесо дхармы. Вологда: Древности Севера.
- Козлов В. В., Майков В. В. (2004) Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М.: Ин-т трансперсональной психологии.
- Кричевский С. В. (1995) Космонавтика и гражданское общество // Общественные науки и современность. № 2. С. 149–158.
- Кричевский С. (2014) Интервью с ним «Эффект соляриса. Что снится космонавтам в полете?» // Аргументы и факты. № 51.
- Кучеренко В. В. (1996) Техника экспликации неосознаваемых субъектом знаний // Индивидуальность как субъект и объект современной жизни. Смоленск: Смоленский государственный университет. С. 214–221.
- Кучеренко В. В. (1997) Методика извлечения информации из пассивного запаса памяти // Методы психологии. Сб. науч. трудов. Т. 3. Ростов-н/Д.: Ростовский государственный ун-т. С. 155–158.
- Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россихин А. В. (1998) Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. № 3. С. 70–78.
- Лапшин И. И. (1905) Мистическое познание и вселенское чувство // Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому... СПб.: Имп. акад. наук.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001.
- Маслоу А. Г. (1999) Мотивация и личность. СПб.: Евразия.
- Менский М. Б. (2007) Человек и квантовый мир. Странности квантового мира и тайна сознания. Фрязино: Век 2.
- Назаретян А. П. (1995) Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. № 4.

- Назаретян А. П. (2001) Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: ПЕРСЕ.
- Назаретян А. П. (2003) История и психология антропогенных кризисов, гипотеза техно-гуманитарного баланса // Мат-лы междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М.: Ин-т микроэкономики.
- Назаретян А. П. (2017) Нелинейное будущее. М.: Аргмак-Медиа.
- Назаретян А. П. (2018) Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН.
- Налимов В. В., Драгалина Ж. А. (1995) Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного М.: Мир идей; АО «Акрон».
- Нида Ченагцанга (2010) Медитация Будды Медицины в окружении четырех Дакинй. Улан-Удэ: Юток Линг.
- Ньянапоника (1994) Внимательность как средство духовного воспитания (буддийский метод сатипаттхана) // М.: Медитация.
- Панов А. Д. (2008) Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М.: ЛКИ.
- Пенроуз Р. (2005) Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Ижевск: Ин-т компьютерных исследований.
- Петренко В. Ф. (2013) Базовые метафоры психологических теорий // Психологический журнал. № 1. С. 121–131.
- Петренко В. Ф. (2014) Психосемантика искусства. М.: МГУ.
- Петренко В. Ф., Кучеренко В. В. (2007) Медитация как непосредственное познание // Методология и история психологии. № 1. С. 164–189.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. (2015) Методология психосемантики в контексте философии постнеклассической рациональности и квантовой физики // Вестник РАН. Т. 85, № 10. С. 896–905.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. (2017) Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.: СПб.: Нестор-История.
- Прибрам К. (1975) Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс.
- Поршнев Б. Ф. (1979) Социальная психология и история. М.: Наука.
- Саи Баба С. (2009) Йога и медитация. М.: Амрита-Русь.
- Сидерский А. (1998) Йога восьми кругов. Киев: Ника-Центр.
- Соколов Е. Н. (2010) Очерки по психофизиологии сознания. М.: МГУ.
- Соловьев В. С. (1988) Сочинения: в 2 т. М.: Мысль.
- Сопа Ринпоче лама (2012) Для чего нужны затворы? URL: <http://khurul.ru/2012/11/lama-sopa-rinpoche-dlya-chego-nuzhny-zatvory/>
- Спивак Д. Л. (2000) Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента.
- Спирин А. С. (2003) Рибонуклеиновые кислоты как центральное звено живой материи // Вестник РАН. № 2. С. 117–127.
- Тарт Ч. (2003) Измененные состояния сознания. М.: Эксмо.
- Торчинов Е. А. (1998) Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение».
- Турецкий М. И. (2006) Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 113–137.
- Турецкий М. И. (2008) Строитель Боллингенской башни // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 108–120.
- Уилбер К. (2004) Интегральная психология. Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: АСТ.
- Уолш Р. (2006) Пути за пределы «эго». М.: Открытый мир.
- Феофан Затворник (2010) Письма о духовной жизни. М.: Отчий дом.
- Филлмор Ч. (1981) Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10.
- Франкл В. (2009) Десять тезисов о личности // Психология личности: Хрестоматия. М.: АСТ-Астрель. С. 36–53.
- Фрейджер Р., Фейдимен Дж. (2008) Личность: теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак.
- Хоружий С. (1993) Исихазм и история // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука.
- Чайковский Ю. В. (2006) Наука о развитии жизни. М.: ИИЕТ.
- Чогьял Намкай Норбу (2009) Практика долгой жизни бессмертной дакини. Шанг Шунг: Институт Шанг Шунг.

Шестун Г. (игумен Георгий), Подорожская И. А. (2011) Святоотеческое понимание созерцания // Созерцание как современная научно-теоретическая проблема / отв. ред. Г. В. Акопов. Самара: ПГСГА. С. 95–112.

Шивананда Свами (2001) Медитация на Ом. М.: София.

Шойфет М. С. (2006) Нераскрытые тайны гипноза. М.: Рипол классик.

Шульц И. Г. (1985) Аутогенная тренировка. М.: Медицина.

Эриксон М. (1995) Мой голос останется с вами. СПб.: Петербург-XXI в.

Юнг К. (1991) Архетип и символ. М.: Ренессанс.

Chaisson E. J. Cosmic evolution: The rise of complexity in nature. Cambridge: Harvard Univ. Press 2001.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПСИХИКИ

М. М. Решетников

*Восточно-европейский институт
психоанализа, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: veip@yandex.ru*

Проблема психики и сознания на протяжении двух последних тысячелетий остается одной из самых загадочных и все еще нерешенных. Сейчас уже мало кто вспоминает, что лишь Аристотель считал психику структурой, не принадлежащей к телу. Но эта идея имела очень короткую жизнь. Гиппократ похоронил ее и на все последующие столетия провозгласил, чтоместилищем всех психических процессов является головной мозг. Даже такой гений, как Рене Декарт поверил Гиппократу безоговорочно и потратил месяцы, пытаясь найти память и эмоции в извилинах и желудочках мозга. По этому же пути — поиску материальных структур психики пошли И. М. Сеченов, И. П. Павлов и многие другие. В последующем рождались, объявлялись новыми и революционными и умирали, не успев состариться, аналогичные ошибочные идеи. Но умирали не только идеи, но и пациенты, которых пытались лечить гипотетическими методами. Автором формулируется идея о мозге как биологическом интерфейсе и обосновывается нематериальная теория психики, которая претендует на роль открытия и потребует смены ряда основных парадигм в науках о человеке.

Ключевые слова: биологический интерфейс, информация, мозг, нервы, психика, психопатология, психофармакология, структуры мозга, структуры психики.

DOI: 10.7868/S1819265318030020

Для цитаты: Решетников М. М. (2018) Методологические предпосылки и основания нематериальной теории психики // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 28–46.

Ты никогда не решишь проблему, если будешь думать так же, как те, кто ее создал.

Альберт Эйнштейн

Часть I

Введение.

Идеи имеют самостоятельную жизнь

Геоцентрическая система мира Клавдия Птолемея, согласно которой Земля находится в центре мироздания, а все небесные тела обращаются вокруг нее, родилась во II веке нашей эры и гла-

венствовала пятнадцать веков. В 1530 году Николаем Коперником была обоснована гелиоцентрическая система мира, центральное положение в которой занимало Солнце. Однако эта идея выдвигалась гораздо раньше Аристархом Самосским — еще в IV–III вв. до нашей эры. За эту идею он был обвинен в непочитании богов и изгнан из Афин. Нечто подобное происходило и с революционным откры-

тием Коперника, так как новая система мира подрывала основы авторитета церкви — главного куратора науки в тот период. От преследования Коперника спасла только его ранняя смерть. Но преследование сторонников его теории продолжалось еще долго. За распространение учения Коперника в 1600 году по решению суда инквизиции был сожжен на костре ученый-монах Джордано Бруно.

Этим экскурсом в историю мне хотелось продемонстрировать, что идеи имеют самостоятельную жизнь, они рождаются, взрослеют, стареют и умирают, чаще всего в мучительной и жестокой агонии, цепляясь за жизнь через своих авторитетных или обладающих реальной властью приверженцев. Но даже умирающие идеи обладают огромной силой и способны убивать. Они способны убивать не только другие идеи, но и людей. Причем, в отличие, например, от астрономии, генетики или психоанализа, где реальной казни или остракизму подвергались отдельные ученые-новаторы, в медицине идеи способны убивать не только пропагандистов новых идей, но и тысячи ни в чем неповинных пациентов. Подробнее об этом будет сказано чуть ниже.

Нагруженность теорией

В современной науке такая приверженность устаревшим знаниям о тех или иных явлениях природы получила наименование «нагруженность теорией», которая влияет не только на интерпретацию фактов, но и на планирование новых экспериментов, которые в большинстве случаев исходно строятся под некую устаревшую теорию. Такие эксперименты закономерно не только подтверждают доминирующие заблуждения, но и служат основой для новых теоретических схем и объемного финансирования новых научных разработок, в ряде случаев не ведущих никуда.

В информационную эпоху для всех аспектов жизни общества самыми значимыми становятся идеи и представления о психике, от проблематизации и решения которых напрямую зависит развитие философии, социологии, политологии, соматической медицины, психиатрии, психологии, решение проблем информационного взрыва, субъектов высоких технологий, системы «промывки мозгов», искусственного интеллекта и т.д.

Подмена понятий

На протяжении двух последних тысячелетий проблема психики решалась в самом примитивном виде на основе гипотезы Гиппократов, провозгласившего, что вместилищем всех психических процессов является головной мозг. К последователям этих гипотетических представлений о психике, прежде всего, нужно отнести таких выдающихся ученых как Р. Декарт (1899), И. М. Сеченов (1953), И. П. Павлов (1949), которые на столетия определили основные направления развития физиологии, психологии и психиатрии. Не будем упоминать множество менее известных имен, но сразу отметим, что ошибки гениев — это великие ошибки, и к ним мы еще вернемся.

Благодаря авторитетной поддержке упомянутых выше гениев, гипотеза Гиппократов постепенно приобрела статус главенствующей научной доктрины, которая по мере развития науки и появления более тонкой аппаратуры для исследований постоянно уточнялась. Психику искали в коре головного мозга, в извилинах головного мозга, в желудочках мозга, в подкорковых образованиях, в условных рефлексах, в электрической, волновой и квантовой активности мозга и т.д. И наконец: «о, чудо!» — ее нашли в синаптической щели (Lapin, Oxenkrag, 1969), негласно признав обмен медиаторов новым эквивалентом психики и основной

мишенью практически всей современной психофармакологии.

Даже удивительно, что на протяжении двух тысячелетий ученые не замечали подмену понятий: они говорили и писали об изучении или о терапии психики, а изучали и «лечили» мозг, параллельно избравшая псевдофизиологическую и псевдопсихологическую терминологию для описания «мозговых механизмов психических процессов».

Несколько забегая вперед, попытаемся предельно просто объяснить это заблуждение. С таким же успехом можно было бы считать, что самым главным в компьютере является его аппаратная часть: клавиатура, экран, проводники и электронные блоки (обычно обозначаемые как hardware, или «железо»), — и при этом вообще забыть о существовании у компьютера программного обеспечения (software). А затем на основании изучения материалов, из которых сделаны экран и клавиатура, а также измерения напряжения и сопротивления на клеммах аппаратной части компьютера пытаться описывать: какое программное обеспечение сейчас работает и что именно оно делает?

То, что это нонсенс, вроде бы должно быть понятно любому здравомыслящему человеку. Но тогда к таким же бесплодным попыткам следует отнести еще недавно сверхпопулярные попытки расшифровки мыслей по электроэнцефалограмме (на чем специализировались десятки научных центров), так же как и сменившие их эксперименты по «распознаванию мыслей» с помощью компьютерной нейровизуализации. У этих идей и этих научных центров есть только один чрезвычайно поучительный исторический аналог — просуществовавшая десятки лет в Научно-исследовательском институте мозга Академии наук СССР специальная исследовательская программа по изучению анатомических препаратов мозга Ленина с целью найти матери-

альные (гистологические) основания его гениальности. Естественно, что автор ни в коей мере не отвергает находки и открытия, сделанные советскими учеными параллельно с этим заведомо бесперспективным направлением исследований, которые базировались на самом примитивном материализме. Но далеко ли мы ушли от последнего, когда переместили свои научные интересы и поиски психики в синаптическую щель?

Ложные идеи в медицине

Ложные идеи и теории периодически появлялись и появляются во всех науках. Но в отличие от всех других наук, в медицине ошибочные идеи о психике имели и все еще имеют свою особую специфику. В чем же эта специфика? Сразу после появления те или иные гипотезы о психике тут же трансформировались в некие умозрительные теории психопатологии, которые затем, как уже отмечалось, некритически внедрялись в практику терапии и даже хирургии психических расстройств. По сути, речь идет об экспериментах над миллионами людей. Анатомический подход к «структурам психики» стимулировал идеи лоботомии и рассечения мозолистого тела мозга; идея электрической активности вызвала тысячи «лечебных» экспериментов с электрошоком; затем появилось, и вскоре было отменено как сомнительное, «лечение» с помощью инсулинового шока, а новейшие (по историческим меркам) «биохимические теории психики» вызвали появление новой отрасли химической индустрии — психофармакологии. В итоге вся современная терапия психических расстройств осуществляется преимущественно с применением психофармакологии, которая направлена на коррекцию обмена нейромедиаторов в синаптической щели и, таким образом, — якобы на психику. Но вопрос о том, приводят ли эти «самые современ-

ные» методы терапии психических расстройств к выздоровлению пациентов, остается открытым.

Что объединяло и продолжает объединять всех упомянутых выдающихся ученых — от Гиппократов до наших современников? Их объединяет могущественная, заманчивая и предельно материалистическая идея: найти материальный субстрат психики. Подчеркнем — не материальные структуры, на основе которых реализуется психика, а именно материальный субстрат психики. Идея исходно порочная.

Качественно иные подходы к психике предлагались учеными весьма редко. В качестве таковых можно упомянуть всего несколько имен, в частности: З. Фрейда, который рассматривал психику как эпифеномен (Фрейд, 2006), В. М. Бехтерева, который, исходя из того, что психиатрия — это наука о духе, считал ее положение в естественно-научной медицине весьма сомнительным (Бехтерев, 1997). Из наших современников следует упомянуть Д. И. Дубровского, который в 60-х годах прошлого века опубликовал ряд философских работ по информационному подходу к объяснению субъективной реальности (Дубровский, 2015).

Гипотеза о биологическом интерфейсе

В противовес традиционным представлениям о психике (и развивая идеи своих предшественников, прежде всего — идею И. П. Павлова о второй сигнальной системе, к которой мы еще вернемся) в 2008 году автором вначале была выдвинута гипотеза о мозге как биологическом интерфейсе (Решетников, 2008; 2011). В рамках этой гипотезы проводилась уже упомянутая выше аналогия между мозгом и компьютером. Мозгу отводилась роль аппаратной части, или «железа» (hardware), а психика интерпретировалась

как программное обеспечение компьютера, обычно именуемое «софт» (software). Соответственно, процесс формирования у ребенка способности к языковому общению, воспитание и обучение рассматривались как вариант программирования. Подчеркнем — программирования, которое, как и в технических системах, осуществляется на конкретном языке.

Психическая деятельность в данном случае рассматривалась как вариант информационного обмена и взаимодействия, а также как процессы накопления и обработки информации, которые возникают и функционируют только в случае раннего погружения в социальную (информационную) среду, как своеобразную глобальную сеть. Напомню широко известный тезис Ж. Лакана (1995), что ребенок рождается в «купель языка», или — используя современную терминологию: его психика исходно подключается к информационной сети социума (как доказано современной наукой, это происходит еще в пренатальный период).

Одно из ключевых положений предложенной в 2008 г. гипотезы состояло в следующем: со временем особая роль мозга будет пересмотрена и в новой системе представлений ему будет отведена более скромная, но не менее значимая роль — связующего звена между идеальным и реальным, или, выражаясь современным языком — биологического интерфейса (Решетников, 2008).

Никто не будет оспаривать, что головной мозг и нервная система — это материальные структуры, которые осуществляют регуляцию деятельности всех внутренних органов, рефлекторных реакций и адаптивных функций *организма*, также как и то, что *на основе этих структур* осуществляется психическая деятельность.

Но суть собственно психической деятельности несколько иная. Мы получаем информацию, накапливаем, перерабатываем и верифицируем информацию,

производим информацию — это и составляет содержание психических процессов, пока доступных для исследования только с помощью самонаблюдения или внешнего наблюдения по их косвенным проявлениям, символизируемым в речи и идеомоторике. Однако не стоит забывать, что мысли и речь подчиняются разным законам. В итоге нужно признать, что не только в процессе бытового общения, но даже в наших научных обобщениях то, что мы думаем, и то, что мы говорим, — не совпадает гораздо чаще, чем нам кажется.

Часть II

Нематериальная теория психики

Последующее развитие предложенной автором гипотезы (Решетников, 2018; Reshetnikov, 2017a; 2017b; 2018a; 2018b; 2018c) было связано с одним чрезвычайно важным положением, которое долго ускользало от внимания психологов, физиологов и психиатров и никак не учитывалось в их теоретических построениях и гипотезах. *Информация современной академической наукой общепризнанно характеризуется как нематериальный фактор.* Напомню, что еще создатель кибернетики Н. Винер обосновывал, что информация это не материя и не энергия, информация — это информация (Винер, 1968). Общепризнанным фактом в академической науке это стало несколько позднее. Материальны только носители информации (биологические, бумажные, электронные и т.д.). Нужно признать, что определение Н. Винера далеко не самое лучшее. Точнее было бы сказать, что информация — это структура, принадлежащая к категориям идеального (к этому термину мы еще вернемся ниже).

Тем не менее, являясь нематериальной, любая информация обретает (именно обретает, а не имеет исходно!) ряд количественных и качественных характе-

ристик. Она может быть нейтральной, эмоционально насыщенной, устрашающей, правдивой, ложной и т.д., но все эти характеристики появляются только при наличии субъекта восприятия информации, причем у разных субъектов одна и та же информация может вызывать абсолютно разные психические реакции (вспомним 11 сентября 2001 г.: траур в США и ликующая толпа в Ливии).

Само по себе информация на каком-либо носителе (вне субъекта или при отсутствии субъекта) — фактически не существует. Лишь живые существа (и в самой высокой степени — человек) могут являться одновременно и субъектами восприятия, и производителями, и носителями, и хранителями, и верификаторами нематериальной информации.

Заблуждения, извращающие научные истины

Укоренившиеся представления о мозге как вместилище всех психических функций породили массу заблуждений, которые давно вошли в обиходную речь, а в науке привели к известному феномену «нагруженности теорией» (когда все, что лежит за пределами главенствующей научной доктрины, исходно отбрасывается). Совершенно привычными стали фразы о том, что «у кого-то не все в порядке с нервами», хотя нервы — это просто проводники; другой вариант: «мне пришлось в голову», но приходит не в голову, а «на ум» и т.д. В целом, идентификация нервного и психического на уровне обывденного сознания и даже научного знания — запредельна. С удивлением читаю труды современников — физиологов, психологов и психиатров, где сплошь и рядом фразы: «мозг опознал», «мозг дал команду», «мозг проанализировал» и т.д. В целом, фраза о том, что «человек думает головным мозгом», звучит столь же нелепо, как если бы кто-то утверждал, что

мы ходим спинным мозгом, исходя из того что все двигательные импульсы замыкаются именно на этом уровне.

Обратимся еще раз к метафорическому объяснению: не компьютер что-то помнит, находит, считает или анализирует. Все это делает нематериальное программное обеспечение, без которого компьютер это просто железо. Точно так же мозг (без сформированной под воздействием социума психики) это просто биологический субстрат, ткань (а при наиболее частом подходе — синапсы, химические медиаторы, нервные центры и проводники нервных импульсов, не более того).

При этом всеми современными науками о человеке вообще не замечаются коренные отличия нервной системы от психики. Их несколько, но главное: здоровая психика способна отличать воображаемые стимулы от реальных. Нервная система и на те и на другие может реагировать практически одинаково. На этом основаны все техники внушения и самовнушения, когда, например, представление о том, что рука погружена в горячую воду, тут же сопровождается повышением температуры кожных покровов кисти, а представление спринтерского бега на 100 метров тотчас сказывается на частоте пульса.

Здесь уместно вспомнить уже хрестоматийные опыты Ж. Шарко с внушенными параличами, которые поражали руку (не владеющей медицинскими знаниями) пациентки не в соответствии с зонами иннервации, как это бывает при реальных параличах, а как руку в целом — т.е. так, как она была представлена в индивидуальном сознании пациентки. Странно, но ни Ж. Шарко, ни З. Фрейд и В. М. Бехтерев (наблюдавшие эти опыты) не сделали естественного и даже напрашивающегося вывода: не нервная система управляет психикой, а (по крайней мере, применительно к этому конкретному случаю) психика управляет нервной системой.

Мозг — это тоже сома

Идеи о возможности влияния психики на соматические функции (сформулированные Й. Гейнротом в 1818 г.) были революционными, категорически противоречили представлениям о неких «мозговых структурах психики» и именно поэтому так долго (более ста лет) не принимались официальной наукой, существуя преимущественно на уровне обыденного сознания (Губачев, Станиславский, 1981). Образно говоря, там, где врачи терялись в вопросах этиологии заболевания, сам пациент или его родственники легко диагностировали наступление «болезни от горя» или «из-за несчастной любви». Постепенное признание концепции психосоматической патологии, казалось бы, дезавуировало почти утвердившиеся в медицинской науке представления об идентификации психических феноменов и их материальных носителей — мозга, физиологических и биохимических процессов. Однако это открытие долгое время осталось как бы незамеченным ни в психиатрии, ни в медицине в целом.

В 30-е годы XX века признание влияния психики на сому все-таки состоялось, появились психосоматические общества врачей и специализированные психосоматические отделения. Но за пределами психосоматических клиник это не так уж существенно повлияло на сложившиеся в течение двух тысячелетий подходы к терапии психических и психосоматических расстройств. Эта терапия по-прежнему осуществляется преимущественно путем лечения того или иного органа и психофармакологического воздействия на соматические структуры мозга. Фактически, этим как бы негласно признается, что психика — это таки набор неких химических реакций или некое производное мозговых структур, примерно такое же, как желчь относительно печени.

Психопатология и психофармакология

Обратимся к психопатологии. Как представляется, мы до настоящего времени не совсем точно выделили два ее принципиально различающихся типа и два принципиально различающихся подхода к терапии психопатологии. А именно:

1. Психопатология, которая развивается как следствие органических поражений головного мозга: вследствие инфекционных процессов, склеротических изменений, онкологических заболеваний и т.д. То есть речь идет о тех случаях, когда повреждается носитель информации — мозг (возвращаясь к примитивной аналогии с компьютером — поломка произошла в «аппаратной части», в «железе»). В этом случае даже по внешним признакам (чувствительным, двигательным, поведенческим и психическим реакциям) локализация поврежденной части мозга легко диагностируется, а подходы биологической медицины абсолютно адекватны: нужно лечить мозг, используя соответствующие препараты (химические вещества), с помощью оперативного вмешательства, с применением облучения или лазера и т.д.

2. Психопатология, которая развивается как следствие информационного поражения самой психики, т.е. когда один нематериальный фактор (например, индивидуально значимая психическая травма) повреждает другой нематериальный фактор (нормально функционирующую психику), точно так же как компьютерный вирус (информация) повреждает до этого стабильно функционирующее программное обеспечение (software).

Приведем самый простой и наглядный пример второго варианта. В октябре 2005 года (когда чеченская война уже окончилась) в электронных СМИ появилось сообщение о массовом отравлении каким-то нервнопаралитическим газом учащихся одной из школ в Чечне. Внача-

ле заболела одна девочка, потом две, затем еще три, затем двадцать девять. После показа сюжета об «отравлении» по телевидению такие же массовые «отравления» стали появляться в других школах, удаленных на десятки километров от первой. При серьезном изучении это «отравление» (с которым в октябре—декабре 2005 было госпитализировано 86 детей!) оказалось типичным вариантом массового психического заражения ложными идеями, или, как сейчас это иногда обозначается — «болезнями, передающимися информационным путем». В целом, по такому же (паранойальному) сценарию развиваются и межнациональные конфликты (Volkan, 2003).

В отличие от первой группы, психические нарушения в этом случае (в зависимости от индивидуальных особенностей того или иного субъекта) исходно могут реализоваться в самых различных вариантах: от легкой дисфории до тяжелой депрессии, аутизма или устойчивой паранойи (в сочетании с психосоматическими расстройствами). Терапия в таких случаях соответственно должна осуществляться путем информационного воздействия на поврежденные не мозговые, а психические структуры.

Химическое воздействие, еще раз прибегнем к образному сравнению — на «железо» («лечение» тканей мозга) в данном случае ничего не даст; психические содержания останутся неизменными. С таким же успехом можно пытаться избавиться от вирусного заражения компьютера поливая клеммы соединений его блоков (его «синапсы») щелочью или кислотой.

При наличии нескольких (более обобщенных и более подробных) классификаций психофармакологических препаратов их также можно условно разделить на две основные группы:

- 1) вещества, которые притупляют душевные переживания (возвраща-

ясь к используемым аналогиям — снижают яркость «интерфейса», т.е. экрана, на который проецируется информация), в эту группу входят все нейролептики, транквилизаторы и антидепрессанты;

- 2) или наоборот — вещества, которые стимулируют общую психическую активность и яркость восприятия (повышают энергетическое обеспечение всех мозговых процессов, в частности ноотропы и психостимуляторы).

Но ни первые, ни вторые никак не меняют содержательное наполнение психической сферы (саму информацию). Здесь нет негативизма к психофармакологии, успехи которой было бы неверно не замечать. И автор вовсе не является ее противником, но последовательно выступает против ее необоснованного назначения, длительного, изолированного и бесконтрольного применения.

Никто из психопатологов не будет возражать, что, если пациент поступает в психиатрическую клинику в крайне возбужденном (с галлюцинациями и бредом) или агрессивном состоянии, психоз нужно прерывать, так как чем дольше длится обострение, тем больше (с каждым таким обострением) усиливается эмоционально-волевой и интеллектуальный дефект. Но неотложная терапия не должна растягиваться на месяцы и годы, тем более что доказательных случаев полного излечения от тяжелой психопатологии медицинской науке пока не известно. Здесь уместно напомнить, что выдающийся французский ученый А. Лабори (1974), один из разработчиков хлорпромазина (первого нейролептика, который был рекомендован для лечения шизофрении в 1952 г.), на склоне лет сделал неожиданное признание, что все их разработки — это всего-навсего «химическая смирительная рубашка» (Решетни-

ков, 2008, с. 55). В целом, с этим трудно не согласиться.

Во всех других случаях психического расстройства, когда необходимости в смирительной рубашке нет (и если не выявлено признаков органической патологии мозга), главной задачей является исследование *психогенеза* страдания пациентов и психическое воздействие психиатров, психотерапевтов и психологов не на мозг, а на содержание их психической сферы.

Еще одно существенное примечание: в отличие от самых различных вариантов искусственного интеллекта, где все программы и параметры исходно заданы, ожидаемые результаты анализа и синтеза предельно точны, а их векторы относительно легко прогнозируемы, человеческий интеллект отличается высочайшей способностью к саморазвитию в сочетании как с непрогнозируемостью и субъективностью восприятия любой информации, так и с нестандартностью и широкой вариативностью принимаемых решений (Канеман, 2013). Второе отличие состоит в том, что повреждающая нормально функционирующую психику информация (острая или хроническая психическая травма) может как поступать извне (как и в случаях компьютерных вирусов), так и порождаться самой психикой в виде ложных идей, переживаний, подозрений и т.д., которые становятся для нее самотравмирующими факторами.

Часть III

Дополнительные аргументы

Здесь мы приведем ряд дополнительных аргументов, свидетельствующих в пользу изложенной теории. Изучение феральных детей (более известных как «Маугли») показывает, что при отсутствии раннего погружения в социальную среду (или, как уже отмечалось — при отсутствии языкового программирования

мозга ребенка социальным окружением) нормальная человеческая психика не формируется (Лубовский, 1978). Как известно, личность появляется только тогда, когда она «приобретает свое особое “телесное” бытие, отличающееся от “телесного” бытия индивида» (Петровский, 1992, с. 45). Именно поэтому в научной среде такие индивиды получили наименование, происходящее от латинского «feralis», что значит «мертвый» или «заживо погребенный» (в социальном смысле), в данном случае — в собственном теле, так как эти индивиды, безусловно, принадлежат к семейству гоминид и роду человека, но не являются *Homo sapiens*.

Однако такие дети усваивают типичные формы коммуникации («язык») того животного сообщества, где им удалось выжить. Это позволяет сделать вывод, что наличие здорового мозга является необходимым, но недостаточным условием формирования и адекватного функционирования человеческой психики — обязательно требуется погружение в социальную человеческую среду и языковое программирование их психики.

В научной литературе подробно описаны уже хрестоматийные случаи, когда феральные дети могли общаться только по-волчьи или по-собачьи, и даже только на птичьем языке — свистом. Как отмечалось в публикациях, затрагивающих проблемы феральных детей (Bartra, 1997), при длительном нахождении в животном сообществе они полностью перенимали повадки своих «приемных родителей», которые затем, фактически, не поддавались коррекции даже несмотря на все усилия психологов и врачей-реабилитологов.

Прежде чем будет сделан еще один вывод, приведем краткое описание одного недавнего случая. Широкую известность в 1992 году на Украине получил случай, когда был обнаружен (до этого нормально развивавшийся) малолетний ребенок, который несохранными роди-

телями-алкоголиками был передан «под опеку» домашней собаке и поселен в ее будке, где прожил до 7 лет. Девочка очень быстро начала не есть и пить, а лакать пищу, почти утратила уже сформированные навыки человеческой речи и начала выть и лаять по-собачьи и после периода прямохождения вновь стала передвигаться на четырех конечностях. Узнав об этом с большим опозданием, органы опеки поместили ее в интернат для детей с дефектами развития. В процессе наблюдения врачей и психологов в личной карточке Оксаны отмечалось, что она ходит исключительно на четвереньках, при этом может высоко прыгать, например запрыгнуть с пола на стол, людей подпускает к себе неохотно, скалит зубы, рычит и пытается укусить. Понимание примитивных фраз человеческой речи частично сохранилось, но сама девочка практически не говорила. Она нередко убегала из интерната и проводила время в сообществе собак, с которыми себя идентифицировала.

Это позволяет сформулировать еще одно предположение, что *структуры психики и культура в целом являются весьма хрупким образованием.* С этой точки зрения, современная тенденция все большей толерантности относительно всяческих субкультур и демонстрации снисходительной приемлемости в отношении того, что веками было под культуральными запретами, требует более внимательного и более осторожного отношения.

Вторая группа дополнительных аргументов

Особого упоминания заслуживает работа А. Р. Лурии «Маленькая книжка о большой памяти» (1968). В этой книге автор описал наблюдавшегося у него на протяжении тридцати лет мнемониста С. В. Шерешевского (журналиста по профессии), патология которого была связана с неспособностью забывать. В предисло-

вии к американскому изданию этой книги (1965) Дж. Брунер, отдавая дань научно-му предвидению автора, назвал А. Р. Лурию «пришельцем из будущего». И для этого были реальные основания, так как А. Р. Лурией со всей очевидностью было обосновано, что психика функционирует как самый современный видеоманитофон (которых в то время еще не было): в ней фиксируется все, что человек когда-либо видел или слышал. Кстати, у книги есть авторский подзаголовок «Ум мнемониста». Не все на это обращают внимание, но я думаю, что А. Р. Лурия этим хотел подчеркнуть одну из существенных идей его книги: речь идет не о «мозге мнемониста», а именно об «уме» (о психике).

Даже через десятки лет С. В. Шерешевский мог описать с мельчайшими деталями, как выглядел кабинет и что было, например, на столе у А. Р. Лурии при их первой встрече. При этом, если Лурия просил рассказать о чем подробнее, Шерешевский закрывал глаза и говорил, что сейчас он «обойдет вокруг стола и глянет...», как бы включая объемную запись с дополнительной портативной «кинокамеры» (которых в то время также не было).

Отто Петцл в уже хрестоматийных опытах по подпороговому (защитному) восприятию (см.: Годфруа, 1996; Гримак, 1989) обосновал, что глаз видит больше, а ухо слышит лучше, чем мы способны воспринимать сознательно, и, таким образом, подпороговые стимулы могут определять формирование оценочных суждений, идей, мотивов поведения и принятия решений. Но мы пока очень мало знаем о том, что еще может храниться в глубинных структурах психики.

Еще одним научным фактом, свидетельствующим в пользу информационной теории психики, являются новейшие исследования Дж. Риццоллатти по «зеркальным нейронам» (Rizzolatti et al., 1996; Rizzolatti, Fogassi, Gallese, 2006). Из обыденной жизни нам хорошо известны си-

туации, когда двое разных людей (а особенно — близких, «настроенных» друг на друга людей) в процессе их межличностной коммуникации вдруг одновременно вспоминают одни и те же имена, идеи или высказывают одни и те же мысли. Позднее в процессе уникальных психофизиологических опытов, вначале на обезьянах, а затем на людях, Дж. Риццоллатти было экспериментально обосновано существование зеркальных нейронов. Дж. Риццоллатти весьма осторожен в формулировках и выводах, полученных в результате этих исследований. Тем не менее он отмечает, что именно зеркальные нейроны задействованы в понимании действий и даже невысказанных (!) намерений других людей, а возможно, что и причин, повлекших за собой возникновение этих намерений. Однако эту идею можно сформулировать более конкретно: фактически, эти нейроны действуют в качестве передающих информацию «станций» и одновременно способны принимать невербализованную (мысленную) информацию в качестве «приемников», где нематериальная информация в одних случаях преобразуется в нечто подобное радиоволнам, а в других — наоборот (своеобразный биологический Bluetooth). В целом, надо признать, что все современные ИТ-системы так или иначе моделируют те психические процессы, которые существуют в природе.

Позволю себе высказать предположение, что, возможно, именно этот тип «взаимопонимания» (с помощью зеркальных нейронов) лежит в основе коммуникации в животном сообществе. Многократно просматривая видеозаписи охоты, например львов, я не имею иной возможности объяснить, каким образом 3—4 львицы «договариваются», кто из них будет загонять добычу слева, кто будет справа, а кто будет сидеть в засаде и более того — где именно будет засада?

Приведем в подтверждение излагаемой теории еще одно клиническое на-

блюдение, когда пациенты утрачивали способность говорить на родном языке, но легко вступали в контакт с терапевтом на другом — т.е. отключалась одна программа психического функционирования и включалась другая. Первый такой случай, как известно, был описан З. Фрейдом в работе «Исследование истерии» в 1895 г. (Фрейд, 2005).

Часть IV

Проекции в философию, теорию эволюции и социальные науки

В процессе изложения этого материала уже были обозначены проекции новой теории в психологию, физиологию, клиническую медицину и психофармакологию. Но даже в первом приближении такое изложение было бы неполным без обращения к теории эволюции, философии и социологии.

Вряд ли требуется какое-то обоснование и довольно трудно оспаривать тезис о том, что в процессе эволюции у *Homo sapiens* гораздо раньше, чем началось создание первых орудий труда, начал формироваться язык (как средство межсубъектной коммуникации). Позднее появились человеческая речь и психические (вербальные) системы сохранения и передачи информации последующим поколениям. Зачатки этих систем хорошо известны зоопсихологам и обнаруживаются даже у примитивных животных (Gardner, 1980). Но главное отличие *Homo sapiens* состоит как раз в способности к накоплению, обобщению, умножению (производству) и сохранению постоянно возрастающих объемов информации. Этот вектор развития цивилизации легко прослеживается в исторической антропологии: от примитивных форм коммуникации — к человеческой речи, от обозначения предметов и явлений — к отвлеченным понятиям и обобщениям, от устной передачи зна-

ний — до изобретения письменности, от мифологических построений — к научно обоснованному знанию, от петроглифов, глиняных табличек и папирусов — к современным информационным системам.

С учетом этих положений нужно признать, что современное понятие эволюции, все еще являющееся результатом синтеза двух сугубо биологических подходов — классического дарвинизма и популяционной генетики, должно быть пересмотрено и расширено, в частности, путем включения в него информационно-психологических аспектов. Не труд создал человека, как предполагал Ф. Энгельс в своей монографии «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (Энгельс, 1961), а его способность к производству, накоплению, обмену и сохранению информации для передачи следующим поколениям. При этом ценность информации из века в век возрастала, постепенно окутываясь тайнами и сверхдорогими системами защиты.

Теперь обратимся к гуманитарным наукам. Исходя из предложенной теории, основной вопрос философии формулируется в его традиционном варианте: материя первична и субъект первичен, а сознание вторично, ибо сознание возникает только в социуме как информационная (идеальная, нематериальная) структура. Эта структура не может существовать без субъектов-носителей, воспринимающих, накапливающих, хранящих и передающих информацию. Для повышения надежности главной эволюционной (!) задачи сообщества *Homo sapiens* (задачи межпоколенческой передачи знаний и опыта) этими же субъектами начали использоваться другие носители информации, как уже было отмечено, начиная от петроглифов, папирусов и книг до современных мощных серверов. Но все эти хранители информации не несут и не предоставляют никакой информации без субъекта ее восприятия.

Напомним, что термин «основной вопрос философии» ввел Фридрих Энгельс в 1886 году в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Некоторые мыслители и уже далекого прошлого, и современники отрицают значимость этого вопроса, считая его надуманным, лишенным познавательного смысла и значения. Но нам нужно понять и признать, что значимость этого вопроса чрезвычайно возрастает в информационную эпоху. Более того, от его постановки и решения зависит сама возможность построения адекватного знания об окружающем мире. Напомним, что выдающиеся мыслители прошлого, такие как Платон, Лейбниц, Гегель и др. считали, что *мир идей существует независимо от нашего сознания*, а мир вещей является лишь воплощением мира идей.

Современные информационные технологии требуют качественно новых подходов к этим проблемам, так как повседневная реальность со всей убедительностью демонстрирует, что мир идей вовсе не независим от нашего сознания, более того — его можно формировать искусственно, качественно изменяя сложившиеся культурные коды. А следовательно, можно точно так же — искусственно, путем информационного воздействия, — создавать те или иные тренды и векторы развития мирового сообщества, как в форме ориентации на высокую культуру и научный прогресс, так и в форме межнациональной розни и терроризма или товарного фетишизма и сакрализации материального успеха.

Часть V

Гениальные идеи и гениальные ошибки

В заключение вернемся еще раз к истокам идеи о мозге, как вместилище всех психических функций. Отталкиваясь

от гипотезы Гиппократы, Декарт потратил несколько месяцев, анатомируя головы разных животных, надеясь найти объяснение, в чем состоит память, внимание и пр. (Декарт, 1989; Решетников, 2009). Естественно, это ему не удалось. Тем не менее достижения его гения общепризнаны, и для этого есть вполне определенные основания. Это был период, когда ученые начали склоняться к материалистическим (большой частью — механистическим) объяснениям своих открытий и наблюдений. Например, Уильям Гарвей, который открыл систему кровообращения, в своем описании апеллировал к уже хорошо известным человечеству техническим устройствам — трубам и насосам, отмечая, что по такой же (механической) схеме действует кровеносная система тела человека. Но Декарт расширяет этот принцип и переносит представления о механизмах внутренней регуляции организма на систему взаимодействия организма с внешним миром, по сути, предлагая механистическую концепцию психической деятельности.

Согласно этой концепции Декарта, взаимодействие организма с внешним миром осуществляется некой «нервной машиной», в которой мозгу (естественно) отводилась роль центра. От мозга во все части тела расходятся «нервные трубки» с «нитеями», которые, натягиваясь или ослабляясь, открывают некие «клапаны», пропускающие нервные импульсы от мозга к тем или иным частям тела (по аналогии с тем, как кровь проходит по сосудам). Повторим еще раз: в теории Декарта тело мыслится как машина, функционирующая по законам механики, а всеми его движениями управляет мозг. Тем не менее душа в системе представлений Декарта еще присутствует и наделена собственной активностью, но этот тезис теории Декарта вспоминают не так уж часто. В качестве его главной заслуги обычно отмечается, что он фактически описал реф-

лекторную дугу, хотя сам термин «рефлекс» в его работах не использовался.

Прежде чем мы перейдем к эпохальной работе И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1863), где этот термин (рефлекс) обрел полные права «гражданства» в мировой науке, обратимся к историческому периоду, когда была написана эта статья. В 1859 году вышел уникальный труд Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь», который стал мощным стимулом для пересмотра научного мировоззрения у абсолютного большинства ученых мира. Более того, постепенно распространились отчасти ложные представления, что быть ученым и не быть дарвинистом — просто невозможно. За прошедшие 160 лет значимость этой монографии практически не изменилась, несмотря на все еще продолжающуюся полемику по поводу теории дарвинизма. Одни считают ее реальным описанием эволюции всего живого на нашей планете, а другие склонны оценивать ее как описание генетического единства (или даже как «единства акта творения») и наиболее последовательную классификацию всех живых существ. Тем не менее публикация этого уникального научного труда была, безусловно, революционным событием, в тот период значительной частью мирового научного сообщества однозначно интерпретированным как торжество материализма над идеализмом. Уже в 1861 году переводы отрывков и рецензий на книгу Ч. Дарвина публикуются в России, буквально всколыхнув весь научный мир. Более того, теория Ч. Дарвина активно обсуждается не только учеными, а всей высокообразованной российской интеллигенцией.

На этой волне редактор литературного альманаха «Современник» известный русский поэт Н. А. Некрасов обращается к своему знакомому — молодому, по-европейски образованному препода-

вателю Медико-хирургической академии И. М. Сеченову с предложением написать для этого журнала статью с обзором наиболее значимых проблем естествознания. В итоге появляется скорее не статья, а трактат под названием «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы». Однако государственная цензура и Священный синод (в тот период — высший орган управления делами Православной церкви) запретили публикацию «опасного сочинения», которое, по официальному заключению, «оскорбляло чувства верующих». Переписка по этому поводу между редакций литературного альманаха, цензорами и Священным синодом по объему многократно превосходит саму статью и представляет самостоятельный интерес (Терехов, 1957). В итоге статья выходит в «Медицинском вестнике» под сугубо научным названием «Рефлексы головного мозга». Какие только определения в последующем не давали этой, безусловно, заслуживающей внимания, но глубоко ошибочной статье: «начало эры объективной психологии», «действительный инструмент анализа сложнейших механизмов работы мозга», «острое оружие научной полемики по многим актуальным проблемам современной нейрофизиологии» и т.д. и т.п. Мной умышленно опускаются авторы этих оценок, но цитировать В. И. Ленина все еще без ссылки не принято, поэтому приведу точно: «Он, этот научный психолог (И. М. Сеченов, — М. Р.), отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов» (Ленин, 1967, с. 127).

Нужно сказать, что статья И. М. Сеченова, начинающаяся словами: «Вам, конечно, случалось, любезный читатель, присутствовать при спорах о сущности души и ее зависимости от тела», — написана чрезвычайно талантливо, но в стиле скорее даже не трактата, а эссе, т.е. свободной

композиции личных соображений автора по конкретному поводу. Примечательно, что в самом начале статьи, после противопоставления себя всяческому дилетантам, автор констатирует, что мнение человека, который обладает некоторым авторитетом в этой сфере, легко «возводится в догму», а сам такой (компетентный) автор «легко делается кумиром». Это, собственно, и произошло в последующем и с самим произведением, и с его автором, что ничуть не умаляет историческую ценность и значимость и первого, и второго.

В целом в тексте И. М. Сеченова встречается множество бездоказательных утверждений и допущений типа: «говорят обыкновенно...», «стало быть...», «пусть не думает читатель...», «в этом смысле...», «как бы то ни было...» и т.д. А теперь приведем ведущие постулаты автора этой работы: «Войдемте же, любезный читатель, в тот мир явлений, который родится из деятельности головного мозга. *Говорят обыкновенно*, что этот мир охватывает всю психическую жизнь, и *вряд ли есть уже теперь люди*, которые с *большими или меньшими оговорками* не принимали бы этой мысли за истину (курсив здесь и далее мой. — М. Р.)» (Сеченов, 1953, с. 32). «*Для нас, как для физиологов, достаточно и того*, что мозг есть орган души, т.е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность» (там же). «*Читателю становится разом понятно*, что все без исключения качества внешних проявлений мозговой деятельности, которые мы характеризуем, например, словами: одушевленность, страстность, насмешка, печаль, радость и пр., суть не что иное, как результат большего или меньшего укорочения какой-то группы мышц — *акта, как всем известно*, чисто механического» (там же, с. 33). «*Стало быть, головной*

мозг, орган души, при известных условиях (*по понятиям школы*) может производить движения роковым образом, то есть *как любая машина*, точно так, как, например, в стенных часах стрелки двигаются роковым образом оттого, что гири вертят часовые колеса» (там же, с. 37). Остановимся на этом. И даже не будем пытаться критиковать талантливого автора (с позиций современного знания критиковать гениев прошлого всегда легко), а проведем лишь критическую переоценку самого главного, что было сделано в этой работе.

Напомним, что в представлениях Декарта душа еще рассматривалась как самостоятельная структура, обладающая собственной активностью. В отличие от этого в концепции И. М. Сеченова душевная жизнь полностью сведена к механистической по своей сути и содержанию гипотезе о внутренней деятельности головного мозга, реакциям возбуждения и торможения нервных клеток, до этого подробно изученных И. М. Сеченовым в процессе опытов с раздражением мозга лягушки кристаллами соли. Не могу не отметить, что, к чести автора, в конце своей статьи И. М. Сеченов пишет: «Наконец, я должен сознаться, что строил все эти гипотезы, не будучи почти вовсе знаком с психологической литературой» (там же, с. 116).

Мой выдающийся соотечественник И. П. Павлов прочитал статью «Рефлексы головного мозга» еще в ранней юности, когда учился в рязанской духовной семинарии, и эта работа, по его собственному выражению, перевернула всю его жизнь. Напомним, что отталкиваясь от представлений И. М. Сеченова И. П. Павлов разработал теорию условных рефлексов, представления о первой и второй сигнальной системах и о высшей нервной деятельности. Никакого пересмотра теории И. М. Сеченова сделано не было, но был сделан ряд значительных шагов вперед в изучении нервной системы, о которых будет сказано чуть позднее.

А пока проанализируем: что еще происходило после исторической работы И. М. Сеченова? Перечислим максимально кратко общеизвестные факты, чтобы не утонуть в отступлениях, и обратимся только к самым выдающимся открытиям физиологов, главные из которых практически во всех случаях отмечались Нобелевскими премиями.

В 1897 году Ч. Шеррингтон сформулировал понятие о синапсах (пересмотрев декартовские представления о непрерывных «нервных трубках»), но Нобелевскую премию он получил только через 40 лет — в 1932 году за достижения в изучении структуры нервной системы. В 1906 году Нобелевская премия была присуждена К. Гольджи и С. Рамон-и-Кахаль за описание структуры и организации нейронов в различных областях головного мозга. В 1921 году О. Леви установил химическую природу передачи нервного возбуждения через синапсы и роль ацетилхолина (он получил Нобелевскую премию в 1936 году). В 1933 году А. В. Кибяков установил роль адреналина в синаптической передаче. В 1935 году В. Эрспамер открыл «энтерамин», в последующем названный серотонином, а в 1953 И. Пейдж и Б. Твэрэг обнаружили серотонин в головном мозге, который оказался также нейромедиатором и получил неофициальное наименование «гормона хорошего настроения» или «гормона счастья».

Обратим внимание, что изучение нервной системы и мозга шло все более тонкими методами, но его роль как вместилища всех психических процессов никем не подвергалась сомнению. Более того, обоснованная выше «подмена понятий» и примитивная идентификация нервного и психического вообще никем не замечались! В силу этого внимание ученых, описывающих психические и психопатологические феномены в псевдофизиологической терминологии, постепенно перемещалось от реакций воз-

буждения и торможения в головном мозге и представлений о высшей нервной деятельности к псевдобioхимической интерпретации психических процессов (к «химии психики»), а точнее — к обмену нейромедиаторов в синаптической щели.

Теперь возвратимся к уже упомянутому факту. Итак, был открыт «гормон счастья». Исходя именно из этого метафорического (!) наименования, мой коллега профессор И. П. Лапин (которого я близко знал) и сформулировал, а затем опубликовал (1969) очень осторожную гипотезу, что, *возможно*, развитие депрессии *может быть* связано с обменом серотонина в синаптической щели (Lapin, Oхenkrag, 1969). Сразу после этой публикации он получил приглашение в ведущие мировые фармакологические центры. Именно в результате этой гипотезы и ее, как с оттенком юмора констатировал в конце жизни сам И. П. Лапин, «срочного теоретического и экспериментального обоснования» появилась обширная группа медицинских препаратов с убедительным и красивым наименованием: «селективные ингибиторы обратного захвата серотонина». Лапин рассказывал об этом с оттенком определенного сарказма, именуя себя «дедушкой Прозака» и «сожалеея», что гипотезы не патентуются, а фраза: «Они долго искали душу и наконец — о чудо (!) — нашли ее в синаптической щели!» — принадлежит именно ему. Хочу подчеркнуть, он никогда не говорил «мы искали». Эта фраза всегда звучала только в варианте «они искали».

Странно, но никто даже не задумался, что в этом предельно оглуленном подходе к терапии депрессий есть определенный элемент цинизма и даже кощунства. Назначая эти препараты сроком на 6–8 месяцев, а иногда рекомендуя их пожизненное применение («по аналогии с инсулином у диабетиков»), врачи как бы молчаливо признавали и убеждали мало осведомленную и даже просвещенную

публику: «Это не утрата любимого ребенка или другого близкого человека, материального или социального статуса, идеалов или смысла жизни спровоцировала депрессию — это просто следствие нарушения обмена нейромедиаторов». О том, как мои сомнения по всем этим вопросам привели меня вначале к гипотезе о «биологическом интерфейсе», а затем к нематериальной теории психики, подробно написано в первой части статьи.

Завершая изложение этого материала нужно еще раз вернуться к И. П. Павлову и его идее о второй сигнальной системе, которая, по сути, явилась одной из главных предпосылок обоснованной автором нематериальной теории психики. Напомним, что первая сигнальная система, которая реализуется на основе рефлекторной деятельности и мозговых механизмов (является общей для людей и всех животных), связывалась И. П. Павловым с подкорковыми образованиями. А вторая сигнальная система интерпретировалась как преобразование, в павловской терминологии — «сигнала сигналов» (слов), в ассоциативных полях коры головного мозга, что И. П. Павлов обозначил как «высшую нервную деятельность» (ВНД).

В начале своих исследований и обобщений И. П. Павлов стоял на строгих физиологических позициях и под страхом увольнения запрещал своим сотрудникам психологизировать его опыты с выработкой условных рефлексов и даже просто употреблять такие слова, как «собака догадалась», «захотела», «пожелала». Однако позднее учение об условных рефлексах было некритически перенесено на всю психику. Наиболее полно эта смена позиции И. П. Павлова была обозначена в его докладе на XIV Международном физиологическом конгрессе в Риме 2 сентября 1932 года. Прочитую две выдержки из этого доклада: «Я убежден, что приближается важный этап человеческой мыс-

ли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу» (Павлов, 1949, с. 491). «Эту реальную и самыми общими линиями только что мной очерченную деятельность больших полушарий с ближайшей подкоркой, деятельность, обеспечивающую нормальные сложные отношения целого организма к внешнему миру, законно считать и называть вместо прежнего термина “психической” — высшей нервной деятельностью» (там же, с. 482). Это, конечно, великая ошибка великого ученого: в рефлексе психики не больше, чем в лампочке, снабженной сенсором, который срабатывает всякий раз, когда появляется какой-то движущийся объект. Однако под влиянием авторитета И. П. Павлова и его не менее талантливых и авторитетных последователей многие ученые до настоящего времени пытаются найти материальный субстрат психики или хотя бы его электрические или волновые эквиваленты в коре головного мозга и больших полушариях. Увы, бесполезно, ее там нет — она нематериальна.

Теория И. П. Павлова, которая отражала современное ему развитие науки, оказала и по-прежнему оказывает огромное влияние на развитие физиологии, клинической психиатрии и научной психологии. До сих пор в трудах моих уважаемых современников обнаруживаются ссылки на приведенные выше цитаты и фразы, подобные той, которую я процитирую без ссылки на авторство (но автор есть, и весьма заслуженный): «Мозг может не только адекватно отвечать на раздражители, но и предвидеть будущее, активно строить планы поведения и реализовать их в действии». Увы, мозг — это просто ткань, и он ничего предвидеть не может!

Еще раз подчеркнем, что, независимо от этого критического пересмотра его теоретических построений, И. П. Павлов остается выдающимся ученым-физиологом и одним из гениев XX века. Что касается его вклада в клиническую медицину и психологию, о значимости которых неустанно твердили его ученики и последователи, то здесь уместно обратиться к тому, как сам И. П. Павлов оценивал проекции своей теории в смежные области знаний и практики. В конце жизни он достаточно скромно констатировал: «Я не клиницист (я был и остаюсь физиологом) и, конечно, теперь — так поздно — не успею уже и не смогу сделаться клиницистом», — и поэтому, далее автор пишет, «в моих настоящих соображениях, как и в прежних моих экскурсах в невропатологию и психиатрию, я не смею при обсуждении соответствующего материала претендовать на достаточную с клинической точки зрения компетентность» (Павлов, 1949, с. 515). И еще одна цитата из Полного собрания сочинений И. П. Павлова: «...я хотел бы предупредить недоразумение в отношении ко мне. Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека» (там же, с. 104). Надеюсь, что коллеги понимают разницу между представлениями о внутреннем мире человека и физиологией высшей нервной деятельности.

Повторим еще раз: ошибки великих ученых — это великие ошибки, и они нуждаются в самостоятельном изучении и анализе. Но в данном случае нельзя даже пытаться в чем-то обвинить И. П. Павлова: он гениально предчувствовал различие между нервной регуляцией соматических функций и психической деятельностью и пытался найти объяснение последней на доступном для того периода развития науки уровне, сформулировав гипотезу о ВНД. Теория информации появилась в конце 1940-х годов, а И. П. Павлов, 170-летие со дня рождения которого

весь научный мир отметит в 2019-м, умер в 1936 г. Если бы теория информации появилась раньше, возможно, И. П. Павлов сделал бы совсем иные выводы относительно второй сигнальной системы.

Заключение

Одни коллеги, ознакомившись с этим материалом, оценили нематериальную теорию психики как открытие, которое должно качественно поменять все подходы к психике и к психопатологии, и я благодарю их за такую оценку. Другие испытали реальный когнитивный диссонанс, обещая подумать (скорее, с оттенком скепсиса), так как излагаемые идеи во многом противоречили тому, чему их учили, во что они верили, на основе чего выстраивали свои научные обобщения и осуществляли свои исследовательские и терапевтические подходы и стратегии. Третьи вообще отказывались слушать и даже обсуждать эту теорию, так как «она вступает в противоречие с устоявшимися представлениями», с «признанными авторитетами» и т.д. Отчасти удивительно, но восприятие излагаемых идей в молодежной аудитории студентов и аспирантов чаще всего выражается фразой: «А что — кто-то думает иначе?» Уверен, что адекватное восприятие и понимание новой теории придет не так скоро, даже несмотря на то, что все хорошо знают: сколько радио не разбирай — музыки в нем не найдешь!

Выводы

1. На протяжении двух тысячелетий ученые не замечали ошибочную подмену понятий: они говорили и писали об изучении или о терапии психики, а изучали и «лечили» мозг, в том числе с помощью лоботомии, электрошока и психофармакологии, параллельно изобретая псевдофизиологическую терминологию для описа-

ния мозговых механизмов психических процессов.

2. Мозг и психика — это две тесно связанные, но принципиально разные системы.

3. Мозг и нервная система — материальны и осуществляют регуляцию деятельности внутренних органов, рефлекторных реакций и адаптивных функций организма.

4. Психика нематериальна — это информационная структура, которая формируется на основе языкового программирования мозга только в социальной информационной среде, и является высшим уровнем регуляции познавательных, эмоциональных, поведенческих и идеомоторных актов, т.е. — *социальной адаптации личности в целом*, реализуемой в соответствии с языковыми и культурными требованиями конкретного социума, в котором эта психика была сформирована.

5. Невротические и другие психические расстройства, возникающие вследствие индивидуально значимых психических травм и «ударов судьбы» (более 50% современной психопатологии), когда одна информация (психическая травма) нарушает деятельность другой информационной системы (психики), — не связаны с патологией мозга.

6. Такие психические расстройства требуют качественно иных клинических подходов и качественно иной парадигмы терапии и реабилитации, мишенью которых является не мозг, а психика.

7. Современная академическая наука, фактически, еще не изучала психику, как информационную (идеальную, нематериальную) структуру, что потребует пересмотра парадигмы всех наук о человеке.

Литература

Бехтерев В. М. (1997) Будущее психиатрии: Введение в патологическую рефлексологию. СПб.: Наука.

Винер Н. (1968) Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио.

Годфруа Ж. (1996) Что такое психология: в 2-х т. Т. 1. М.: Мир.

Гримак Л. П. (1989) Резервы человеческой психики. М.: Политиздат.

Губачев Ю. М., Стабровский Е. М. (1981) Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений. Л.: Медицина.

Декарт Р. (1989) Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль.

Дубровский Д. И. (2015) Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация».

Канеман Д. (2013) Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ.

Лабори А. (1974) Метаболические и фармакологические основы нейрофизиологии. М.: Медицина.

Лакан Ж. (1995) Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском Конгрессе, прочитанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис.

Ленин В. И. (1967) Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.

Лубовский В. И. (1978) Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии). М.: Педагогика.

Лурия А. Р. (1968) Маленькая книжка о большой памяти. М.: МГУ.

Павлов И. П. (1949) Полное собрание трудов: в 5 т. Т. III, кн. 1. М.-Л.: Академия наук СССР.

Петровский В. А. (1992) Психология неадаптивной активности. М.: Горбунков.

Решетников М. М. (2008) Психическое расстройство. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2008.

Решетников М. М. (2011) Критический постматериализм в психологии и психиатрии // Неврологический вестник. Т. XLIII, вып. 2. С. 66–69.

Решетников М. М. (2018) Нематериальная теория психики // Форум молодых ученых. № 6 (22). С. 1–7.

Сеченов И. М. (1953) Рефлексы головного мозга. М.: Министерство просвещения СССР.

- Терехов П. Г.* (1957) Из истории книги И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (по архивным данным) // И. М. Сеченов и материалистическая психология / под. ред. С. Л. Рубинштейна. М.: Академия наук СССР, 1957. С. 55–109.
- Фрейд З.* (2005) Исследование истерии. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа.
- Фрейд З.* (2006) Автопортрет. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа.
- Энгельс Ф.* (1961) Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М.: Политиздат.
- Bartra R.* (1997) Society's Fascination With The Wild Outsider. The Artificial Savage: Modern Myths of the Wild Man. Michigan: Univ of Michigan Pr.
- Gardner R. A., Gardner B. T.* (1980) Comparative psychology and language acquisition // T. A. Sebok and J.-U. Sebok (eds.) Speaking of Apes: A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man. New York: Plenum Press. P. 287–329.
- Lapin I. P., Oxenkrag G. F.* (1969) Intensification of the central serotonergic processes as a possible determinant of thymoleptic effect. *Lancet*. № 1. P. 132–136.
- Reshetnikov M. M.* (2017a) Problem of Relation between Brain and Mind in Physiology, Medicine and Psychology // *J. of Psychiatry and Psychiatric Disorders*. № 1 (6). P. 313–316.
- Reshetnikov M. M.* (2017b) What is the Psyche? What are we Curing? *J. Anthropology*. V. 6, № 3. P. 11–15.
- Reshetnikov M. M.* (2018a) During Two Thousand Years We Were Looking for the Psyche in a Wrong Place (Ideas Live Their Own Life) // *International J. of Current Innovations in Advanced Research*. V. 1, Is. 4 (August). P. 82–87.
- Reshetnikov M. M.* (2018b) Non-material Nature of the Psyche // *Psychological Review. American Psychological Association*. V. 125, Is. 6 (2). P. 1035–1047.
- Reshetnikov M. M.* (2018c) Non-Material Theory of the Psyche: Historical Prerequisites, Argumentation and Practical Implications // *International J. Psychology & Psychological Research*. V. 3, Is. 5. P. 1–7.
- Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V. and Fogassi L.* (1996) Premotor cortex and the recognition of motor actions // *Cognitive Brain Research*. № 3. P. 131–141.
- Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V.* (2006) Mirrors in the Mind // *Scientific American*. V. 295, № 5 (November). P. 30–37.
- Volkan V.* (2003) Traumatized Societies // *Violence and Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism*. L.: International Psychoanalytic Association. P. 217–237.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

С. В. Маланов

*Московский институт психоанализа,
Москва, Россия,
e-mail: malanovsv@mail.ru*

Анализируется содержание исходных гипотез о сущности психических явлений. Выделяются основания для исходной локализации психических функций между организмом и предметами окружающего мира, а не внутри организма. С теоретических позиций системно-деятельностной культурно-исторической психологии рассматриваются основания для объяснения генезиса и теоретической классификации психических явлений. В качестве исходных направлений развития психических функций выделяются: а) формирующиеся способы ориентировки животных организмов в окружающей среде (окружающем мире); б) строящиеся на их основе взаимодействия с предметными условиями окружающей среды (окружающего мира). Рассматриваются два центральных направления развития психических функций в жизнедеятельности людей: а) избирательное формирование в онтогенезе мотивационных отношений; б) развитие способностей к целеполаганию и овладение обеспечивающими достижение поставленных целей способами включения во взаимодействия с людьми и способами выполнения предметных действий.

Ключевые слова: объяснения в психологии; локализация психических функций; психика как ориентировочная основа жизнедеятельности, операции и действия; генезис психических функций; ориентировка.

DOI: 10.7868/S1819265318030032

Для цитаты: Маланов С. В. (2018) Генетический анализ психологических явлений в теоретическом контексте системно-деятельностной культурно-исторической психологии // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 47–61.

В историческом развитии человечества в связи с общественной организацией жизнедеятельности и по мере стихийного развития способов использования знаково-символических средств начинают широко использоваться такие языковые средства, с помощью которых выделяются и фиксируются различия между людьми. Различия проявляются не только в анатомо-физиологических особенностях, но и в овладении членами сообществ способами организации

и реализации: а) предметных действий; б) межсубъектных (межличностных) взаимодействий. Такие различия между людьми начинают служить основаниями для стихийного построения атрибутивных объяснений. (Например: «Почему ему не удалось решить задачу (получить результат)? — Потому, что у него внимания недостаточно и мышление не развито».) В результате стихийно складываются гипотетические представления о существующих где-то внутри каждого

субъекта самостоятельных психических явлениях — образах и представлениях, воображении, мышлении, эмоциях, личности и т.д., которые начинают использоваться для объяснения различий между людьми. Вслед за этим, в свою очередь, начинают выдвигаться гипотезы о том, где, как и на чем такие психические явления локализируются.

Результатом стихийной трансляции содержания таких гипотез в повседневных взаимодействиях выступает то, что в онтогенезе каждого ребенка по мере овладения языковыми средствами во взаимодействиях с людьми наблюдается расширение феноменологических самоотчетов о своих психических особенностях на основе анализа результатов собственных перцептивных, предметно-практических (психические образы), а также умственных действий (представления и понятия). Складывается основа для убеждения в локализации психических процессов «внутри себя» (Гальперин, 1998; Маланов, 2017).

На такие гипотезы, которые принимались за «непосредственно фиксируемые в самонаблюдении психические явления», первоначально опирался поиск предмета исследования в истории развития научно ориентированной психологии. В результате психология сосредоточилась на исследовании содержания гипотез о самостоятельном существовании психических явлений, для объяснения которых, в свою очередь, начинают выдвигаться другие гипотезы (Веккер, 1998; Мазиллов, 2015; Маланов, 2012; Юревич, 2008). На этом пути остается большая часть теоретических направлений современной психологии. При этом используются разные определения психических явлений, что приводит к тому, что анализ и объяснения психических феноменов часто реализуются путем соскальзывания с одной теоретической позиции на другую (Парадигмы в психологии, 2012).

При обсуждении предмета исследования психологии сохраняются попытки вывести психические явления за пределы естественнонаучного детерминизма. Это осуществляется путем: а) неявного введения мистических оснований, где психика рассматривается как самостоятельная субстанция (*causa sui*); б) сведения психических явлений к различным вариантам интерпретации феноменологии, получаемой на основе рефлексивного самоанализа и регистрации рефлексивных самоотчетов; в) использования философско-мировоззренческих постулатов, которые разделяют явления на две исходные не связанные группы — психические (идеальные) и физические (материальные) — или выделяют у явлений две группы несвязанных свойств — физические и психические; г) введения принципов (постулатов) «плюрализма», «взаимного дополнения», «диалогизма» между разными методологическими подходами и позициями. Многообразие и противоречивость подходов часто дополняется делением психологии на естественнонаучные и гуманитарные области и направления исследований (Парадигмы в психологии, 2012; Мазиллов, 2008; 2015).

Вместе с тем, только на основе последовательного анализа формирования и развития психических функций в процессе эволюции и принципа методологического монизма психология сможет занять относительно ясное место в системе научных знаний (Науменко, 1968; Соколова, 2008; Сурмава, 2012).

Одной из попыток реализовать принцип монизма в психологии выступает определение психических явлений в качестве информационных процессов с последующим сведением их к механизмам переработки информации, которые, в конечном счете, локализируются в мозге (Веккер, 1998; Величковский, 2006). Вместе с таким определением часто принимается гипотеза, что психика это результат

функций мозга (Чуприкова, 2015). При этом в качестве одной из центральных задач становится реконструкция изменений анатомии и физиологических функций мозга в процессе эволюции у животных. Постулирование исходной зависимости психических функций от функций мозга часто приводит к выводам, что психика порождается мозгом с помощью мозга и внутри мозга (Фритт, 2014). На такой основе строится мнение, что анализ нейрофизиологических процессов в мозге позволит объяснить многообразие психических явлений, и даже воспроизвести их на суперкомпьютерах. Так ли это? Существуют ли альтернативные подходы?

Альтернативный анализ генезиса психических функций у животных организмов лежит в основе системно-деятельностно-го культурно-исторического подхода к объяснению психических явлений. В качестве основополагающей для развития этого теоретического направления психологии выступила известная гипотеза Л. С. Выготского о формировании высших психических функций и сознания человека во внешних взаимодействиях с другими людьми. В последующем гипотеза об исходном формировании психических функций между организмом и объектами окружающей среды была А. Н. Леонтьевым перенесена на закономерности эволюционного и онтогенетического развития психических функций у животных (Выготский, 1982; 1983; Выготский, Лурия, 1993; Леонтьев, 1965; 2000; 2012; Ждан, 2006).

В процессе эволюции у животных организмов формируются и совершенствуются органы движения, обеспечивающие возможность активных взаимодействий с окружающей средой. В связи с этим биологическое значение приобретает способность ориентироваться и избирательно направлять перемещения во внешней среде. Решению таких задач и начинают

служить развивающиеся в процессе эволюции функции чувствительности, обеспечивающие ориентировку на основе регистрации с помощью дифференцирующихся органов чувств факторов окружающей среды, сигнализирующих о расположении биологически значимых для жизнедеятельности условий и объектов. Чувствительность начинает обеспечивать избирательность активных перемещений животных организмов в среде по направлению к благоприятным условиям существования. Совершенствование таких функций у животных организмов в процессе эволюции, в антропогенезе, на протяжении исторического развития человечества, а также в онтогенезе и выступает объективно регистрируемой онтологией психических явлений.

По мере эволюционного развития у животных организмов функциональных возможностей сенсорных систем формируются специфические типы чувствительности к различным свойствам окружающего мира (Бернштейн, 1997). На основе чувствительности эволюционно совершенствуется избирательность ориентировки путем выделения в окружающей среде объектов (восприятие), установления межпредметных отношений и связей (мышление), появляются способности отбирать и воспроизводить в онтогенезе наиболее эффективные способы и результаты взаимодействий с объектами (научение и память). При этом избирательность ориентировки и перемещений во внешней среде сохраняет относительную зависимость от меняющихся состояний внутренней среды организма (Запорожец, 1986; Леонтьев, 2012).

Анализ развития направлений жизнедеятельности в процессе эволюции у животных организмов, далее на протяжении антропогенеза и исторического развития человечества, а также в онтогенезе современного человека позволяет дифференцировать формирующиеся

и развивающиеся психические функции. Таким образом, основания для объяснения психических функций начинают строиться на генетическом анализе формирующихся направлений жизнедеятельности животных и человека, а не на данных самонаблюдения и феноменологических самоотчетов.

Каковы центральные основания и направления генетического анализа, объяснения и последующей теоретической классификации психических явлений с позиций системно-деятельностной культурно-исторической психологии?

Исходные формы психических явлений — это направленные на удовлетворение биологических потребностей актуализирующиеся с момента рождения взаимодействия животных организмов (обладающих органами чувств и органами перемещения) с окружающей средой, которые обеспечиваются: а) избирательной ориентировкой во внешней среде; б) организацией на основе ориентировки локомоторных и манипулятивных исполнительно-двигательных операций и действий. У высших животных наблюдается накопление и отбор наиболее эффективных способов ориентировки и организации различных взаимодействий с окружающей средой (научение и память). Активные взаимодействия высших животных с окружающим миром опираются на использование органов чувств, которые обеспечивают развитие способов ориентировки: а) в окружающей среде с опорой на экстерорецепцию; б) в организации и регуляции локомоторных и манипулятивных движений, строящихся субъектом с опорой на проприорецепцию; в) в состояниях собственного организма, которая строится с опорой на интерорецепцию. Ориентировка животных в состояниях внутренней среды собственного организма на основе интероцептивной чувствительности образует исходную

основу для эволюционного развития эмоциональных составляющих психических функций — переживаний меняющихся состояний собственного организма и формирующихся эмоционально-оценочных отношений к предметам и явлениям окружающего мира (Запорожец, 1986; Леонтьев, 2012).

На такой основе в онтогенезе: а) формируются избирательные мотивационные отношения к объектам и предметным условиям, которые способствуют удовлетворению биологических потребностей; б) усложняются и расширяются способы взаимодействий с окружающей средой (Гальперин, 1998; 2002). Имплицитно такое выделение психических функций характеризует контекст ранних работ А. Н. Леонтьева («Очерк развития психики»). Эксплицитно подобное определение психических функций формулируется в работах П. Я. Гальперина (1998; 2002), В. В. Давыдова (2008), В. И. Иванникова (2010).

Избирательность ориентировки и организации взаимодействий животных с окружающей средой определяются: а) биологическими потребностями; б) функциональной «настроенностью» органов чувств на выделение определенных свойств окружающей среды. Так, у низших животных процессы удовлетворения потребностей могут направляться «ключевыми раздражителями» — встроенными в анатомио-физиологические структуры организма специфическими формами реагирования на предметные признаки внешней среды. У высших животных такая избирательность обеспечивается приобретаемыми в течение индивидуальной жизни мотивационными отношениями к различным объектам и факторам внешней среды, которые прямо или косвенно служат или препятствуют удовлетворению потребностей (рис. 1). В процессе эволюции животных способы ориентировки функционально совершен-

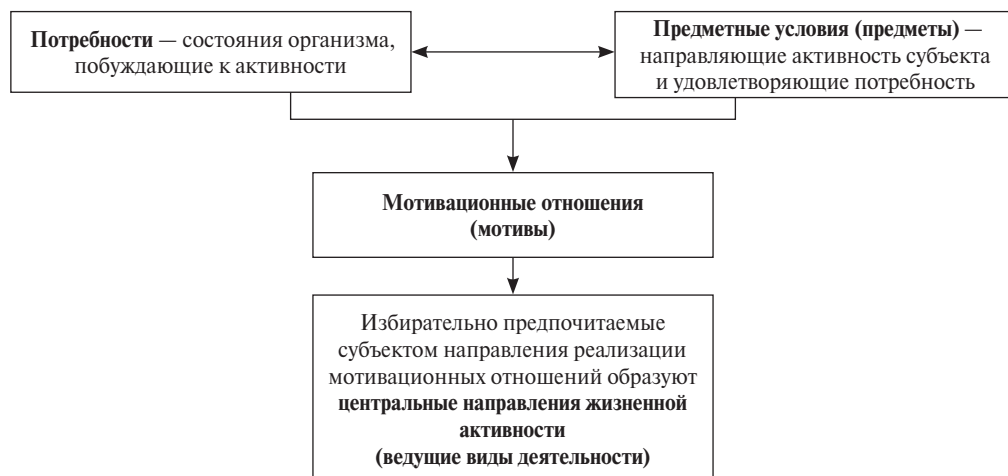

Рис. 1. Формирование направлений жизненной активности субъекта

ствуются в направлении от выделения свойств окружающей среды к выделению объектов (восприятие и опознание), и к установлению отношений и связей между объектами и свойствами объектов (мышление) (Леонтьев, 1965; 2012).

В антропогенезе и историческом развитии человечества на основе развития общественной орудийной деятельности и совершенствования способов использования языка и других знаково-символических средств формируются высшие психические функции и общественное сознание — специфические способы организации совместных форм психической ориентировки людей. На этой основе у каждого ребенка в онтогенезе формируются индивидуальные собственно человеческие формы ориентировки и организации взаимодействий с людьми и предметами окружающего мира, которые приобретают умственные формы и образуют индивидуальное сознание и образ мира (Гальперин, 2002; Леонтьев, 2000; Лурия, 1979; Смирнов, 1985).

В контексте системно-деятельностного культурно-исторического подхода к анализу психических явлений все феноменологически выделяемые у людей пси-

хические функции, процессы, свойства получают объяснение и интерпретацию на основе анализа двух взаимосвязанных линий генезиса: а) включения во взаимодействия с другими людьми; б) включения во взаимодействия с предметами человеческой культуры и овладения предметными действиями (табл.). Вместе с тем, с момента рождения на основе исходных форм взаимодействия младенца с внешней средой формирование и дифференциация психических функций в онтогенезе реализуется в двух тесно взаимосвязанных направлениях: а) развитие сферы мотивационных отношений; б) развитие операционально-технических и интеллектуальных способностей (Леонтьев, 2000; Запорожец, 1986; Эльконин, 2001).

Каковы исходные линии развития мотивационных отношений у человека?

С момента рождения у младенца актуализируются органические состояния, которые побуждают к внешним формам активности и устраняются (удовлетворяются) на основе организуемых взрослыми взаимодействиями с внешним миром. Такие состояния фиксируются в биоло-

гии и в психологии с помощью термина «органические (у животных — биологические) потребности».

На основе ориентировочных операций при реализации исходных взаимодействий с людьми и внешним миром у младенца формируются положительные и отрицательные субъективные отношения к объектам и предметным условиям, которые обеспечивают удовлетворение потребностей или препятствуют их удовлетворению. Такие отношения фиксируются с помощью терминов «мотивационные отношения», «мотивы». Субъективно мотивационные отношения к людям, предметам и явлениям переживаются в качестве эмоционально-оценочных отношений. Если исходные потребности побуждают младенца к активности (актуализируют активность) в окружающем мире, то формирующиеся субъективные отношения к предметным условиям окружающего мира начинают избирательно ориентировать и направлять активность младенца (рис. 1). Во взаимодействиях с людьми у ребенка формируются мотивационные отношения (мотивы): а) к людям; б) к предметам человеческой культуры и способам их использования. Мотивационные отноше-

ния образуют основу для избирательной реализации направлений жизненной активности каждого человека (различных видов деятельности).

Развитие у ребенка мотивационных отношений к людям, мотивационных отношений, связывающих человека с людьми, определяет то, как субъект будет включаться: а) в межличностные взаимодействия; б) в реализацию различных типов социальных отношений; в) в определенные виды человеческой деятельности. Реализация таких мотивационных отношений обеспечивается формированием и развитием у ребенка умений и способностей избирательно ставить цели, выносить их в будущее, ориентироваться и актуализировать все более широкий диапазон межличностных взаимодействий и социальных отношений. Так формируются центральные направления личностного развития человека.

При этом с помощью термина «характер» собирательно обозначаются формирующиеся у каждого человека в онтогенезе индивидуальные устойчивые способы актуализации и реализации межличностных взаимодействий с людьми — «черты характера», «личностные качества». Черты характера складываются из устойчи-

Таблица

Центральные направления генезиса психических функций человека

	Включение во взаимодействия с другими людьми	Включение во взаимодействия с предметами человеческой культуры
Развитие сферы мотивационных отношений	формирование и развитие мотивационных отношений к людям, к межличностным отношениям, связям и взаимодействиям	формирование и развитие мотивационных отношений к предметам и предметным областям окружающего мира
Развитие способов организации взаимодействий с окружающим миром	формирование и развитие характера (личностных качеств и свойств) как устойчивых способов включения субъекта во взаимодействия с людьми	формирование и развитие операционально-технических и интеллектуальных способностей, как устойчивых способов реализации субъектом предметных действий (практических и умственных)

Рис. 2. Мотивационно значимые направления жизненной активности (деятельности)

вых индивидуально-избирательных способов: а) перцептивной, умственной и эмоционально-оценочной ориентировки в межличностных и социальных отношениях; б) постановки целей, требующих организации собственного поведения и поступков в межличностных отношениях и социальных ситуациях; в) активной реализации таких поступков и форм поведения (рис. 2). Личностные качества (черты характера) можно рассматривать как результат формирования особых высших психических функций, которые формируются на основе внешних, разделенных с другими людьми форм общения и взаимодействия, путем преобразования их в индивидуальные, психические образования. В связи с этим знаменитый тезис Л. С. Выготского может быть перефразирован: завтра ребенок будет самостоятельно поступать так («зона ближайшего развития» личности), как сегодня он поступает вместе с взрослыми («зона актуального развития»).

Развитие у ребенка мотивационных отношений (мотивов) к предметам

и предметным областям человеческой культуры предполагает формирование умений и способностей избирательно ставить цели, выносить их в будущее, ориентироваться и актуализировать увеличивающийся диапазон целенаправленных действий в разных предметных областях окружающего мира и человеческой культуры. Это образует основные линии развития операционально-технологической и познавательной сферы человека (Эльконин, 2001).

С помощью термина «способности» выделяются наблюдаемые у субъекта: а) процессы быстрого овладения новыми способами ориентировки и организации на их основе действий в определенной предметной области; б) широкий диапазон возможностей (умений) самостоятельно организовать разнообразные действия на основе известных способов ориентировки с целью решения определенных задач и получения определенных результатов; в) широкий диапазон возможностей (умений) самостоятельно организовывать и выстраивать новые

Рис. 3. Функциональная структура действия

способы ориентировки, включаясь в выполнение разнообразных действий. При этом последняя группа признаков характеризует творческие составляющие способностей (рис. 2).

Каковы исходные линии развития операционально-технических и интеллектуальных умений и способностей у человека?

По мере формирования мотивационных отношений у каждого человека формируются субъективно предпочитаемые и устойчиво реализуемые направления жизненной активности — ведущие виды деятельности. Любое мотивационное отношение реализуется по мере постановки целей и их достижения на основе организации и реализации действий. В составе целенаправленных действий дифференцируются операциональные составляющие: а) ориентировочные операции; б) операции планирования; в) исполнительные операции; г) контрольные операции; д) операции коррекции (рис. 3). Такие операциональные составляющие в составе разных действий и образуют то, что феноменологически выделялось в истории развития человечества в качестве познавательных психических функ-

ций и процессов. Можно отметить, что подобный анализ целеполагания и достижения целей заложен в основу ряда теоретических объяснений генезиса физиологических функций у животных и человека (Анохин, 1978; Бернштейн, 1997).

Если у животных организмов целеполагание ограничено, с одной стороны, актуальными состояниями организма (потребностями), а с другой — ориентировкой, поиском и выбором в природной среде необходимых для жизнедеятельности условий и объектов, то человеческие способы целеполагания формируются у каждого ребенка в совместных взаимодействиях с людьми. Человеческие способы целеполагания имеют культурно-историческое происхождение и транслируются в череде поколений.

Онтогенетический анализ развития действий ребенка в совместных с другими людьми формах целеполагания и достижения целей, реализующихся с опорой на языковые и знаково-символические средства, позволяет также выделить причины и факторы, лежащие в основе генезиса человеческих произвольных, преднамеренных и волевых действий (Вы-

готский, Лурия, 1993; Иванников, 1998; Маланов, 2014; 2017).

Каковы закономерные направления и этапы развития целеполагания в онтогенезе ребенка?

Исходные формы человеческой целенаправленности действий задаются ребенку взрослыми на основе внешних образцов и речевых указаний (Выготский, 1983; 1996; Выготский, Лурия, 1993; Запорожец, 1986). К возрасту раннего детства у детей формируется относительно широкий диапазон простых умений выполнять простые разделенные действия с предметами в соответствие с целями, которые извне задаются взрослыми с помощью речевых указаний. На такой основе ребенок учится самостоятельно использовать жестовые и языковые средства для постановки целей, организации ориентировки и выполнения практических действий у других людей. К возрасту трех лет ребенок начинает самостоятельно использовать языковые средства для постановки собственных целей, актуализации собственных способов ориентировки и произвольной организации предметно-практических действий. С появлением самостоятельного целеполагания и самостоятельно организуемых произвольных действий и связаны признаки «кризиса трех лет».

Приблизительно с трехлетнего возраста у детей в соответствии с речевыми указаниями взрослых начинают формироваться разделенные, а затем и самостоятельно организуемые умственные действия, в соответствии с целями, которые ставятся взрослыми. В раннем и среднем дошкольном возрасте дети овладевают умениями с помощью языковых средств актуализировать представления и умственные действия у других людей. А в составе игровых действий совершенствуются приемы самостоятельного умственного целеполагания и умственной реализации возможных произвольных

действий в возможных ситуациях. При этом в составе игровых действий в качестве внешних знаково-символических опор наряду с речью используются игровые предметы (игрушки). Формируются умственные произвольные действия.

В старшем дошкольном возрасте и на протяжении времени обучения в школе у ребенка совершенствуются умения выполнять отсроченные (преднамеренно-произвольные) действия на основе сначала совместного с взрослыми вынесения целей в будущее и совместного получения результатов к намеченному времени в намеченных ситуациях, а затем и на основе самостоятельной постановки подобных целей. Также совершенствуются умения ставить цели и выполнять взаимно-подчиненные действия, когда достижение цели одного действия выступает условием для достижения цели следующего действия, которое служит условием для постановки третьей цели и т.д.

По мере развития ребенка внешние разделенные с другими людьми способы целеполагания замещаются умственными самостоятельными способами постановки целей, вынесения их в будущее и подчинения им самостоятельно организуемых действий (Глотова, 1990; Запорожец, 1986; Эльконин, 2001; Палагина, 1997).

С момента рождения любой ребенок вынужден подчинять часть собственных действий требованиям и ожиданиям других людей, иногда даже в ущерб собственным индивидуальным целям и мотивационным отношениям. Развитие способности самостоятельно ставить цели, имеющие социальное значение в социально значимых ситуациях, достижение которых требует преодоления внутренних субъективных и внешних объективных препятствий, и лежит в основе волевой организации и регуляции действий. Именно волевая регуляция лежит в основе постановки человеком (личностью) таких целей и реализации таких действий,

которые соответствуют интересам других людей и общества, выполняются даже в ущерб индивидуальным интересам, желаниям, эмоциональным предпочтениям (Вилюнас, 1990; Гальперин, 1998; 2002; Иванников, 1998; 2010; Палагина, 1997).

Выделенные этапы и направления развития целеполагания по мере психического развития ребенка приобретают все более стертый и относительный характер. При этом как совместные, так и самостоятельно организуемые приемы целеполагания могут быть как репродуктивными, так и творческими.

Изложенные теоретические основания обеспечивают объяснение психических функций, как дифференцирующихся в процессе развития ребенка операций в составе целенаправленных предметных действий, а также в составе межличностных взаимодействий и отношений (Гальперин, 2002; Талызина, 2007):

Например, феномены, которые обозначаются терминами «ощущение» и «восприятие» — это опирающиеся на использование органов чувств сенсорно-перцептивные операции ориентировки, планирования, исполнения, контроля и коррекции в составе предметных действий, а также в составе межличностных и социальных отношений. По мере развития сенсорно-перцептивные операции могут преобразовываться в произвольно организуемые субъектом самостоятельные целенаправленные перцептивные действия.

Ощущение — исходный уровень ориентировочных операций, которые реализуются субъектом с помощью органов чувств: а) во внутренней среде (интерорецепция), б) во внешней окружающей среде (экстерорецепция), в) в собственных движениях и перемещениях (проприорецепция) — на основе которых формируются и организуются все более сложные формы ориентировочных операций и действий (восприятие и мышление).

Восприятие обеспечивает ориентировку субъекта во внешнем предметно разделенном поле жизнедеятельности на основе выделения объектов («построения предметных образов») путем структурной организации сенсорных данных (ощущений различной модальности).

С помощью терминов «мышление», «воображение» (а также терминов «представления» и «память») выделяются и фиксируются такие способы ориентировки в функциональном составе действий, которые позволяют субъекту устанавливать межпредметные отношения и связи. Феноменологически выделяемые функции мышления исходно дифференцируются в составе разных действий в качестве двух основных типов операций: а) ориентировочных операций, обеспечивающих установление разнообразных межпредметных отношений и связей; б) операций планирования, обеспечивающих установление отношений и связей между возможными исполнительными операциями субъекта и предметными условиями. Формирующиеся мыслительные операции и мыслительные действия на основе овладения преднамеренными целенаправленными приемами установления все более сложных межпредметных связей и отношений начинают обеспечивать субъекту также организацию и структурирование средств и способов ориентировки в разных предметных областях окружающего мира — развиваются рефлексивные способности.

С помощью термина «внимание» в составе действий выделяются и фиксируются три относительно независимые характеристики. Во-первых, это целенаправленность и устойчивость операционального состава действия — сосредоточенность. Во-вторых, это избирательность и последовательность операциональных составляющих в действии. В-третьих, это степень сформированности и автоматизированности контрольно-корректиро-

вочных операций, обеспечивающих достижение цели в составе действия. Такие контрольно-корректировочные операции реализуются умственно, сокращенно, автоматизировано и выступают результатом усвоения (интериоризации) операций, ранее обеспечивающих внешний, последовательный, развернутый контроль при выполнении действий (Гальперин, 1998).

С помощью термина «память» выделяются способности субъекта фиксировать, сохранять во времени и воспроизводить разные формы жизненного опыта: мотивационные отношения и направления их реализации; способы постановки целей и их достижения на основе выполнения предметных действий и взаимодействий с людьми; операциональный состав предметных действий, взаимодействий с людьми и т.д. Память позволяет субъекту соотносить направления жизненной активности и действия во времени: от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему.

Таким образом, психологический анализ одних и тех же действий может осуществляться с разных позиций на основе разных способов абстрагирования операционального состава (функциональных компонентов): с точки зрения использования субъектом органов чувств (сенсорно-перцептивные операции и действия); с точки зрения эффективности установления межпредметных отношений и связей (мыслительные операции и действия); с точки зрения эффективности последующего воспроизведения разных операциональных составляющих в составе практических и умственных действий («мнемические операции» и «мнемические действия»); с точки зрения избирательного сосредоточения, а также контроля и коррекции (внимание) и т.д. Такие способы анализа могут использоваться как по отношению к предметно-практическим и умственным действиям, так и по отношению к целенаправленно организуемым

взаимодействиям между людьми (актам общения, поступкам). Выделенные направления дифференциации операционального состава действий (психические функции) далее могут конкретизироваться и дополняться по множеству генетических и функциональных оснований.

Что лежит в основе эмоциональной регуляции?

С помощью терминов «эмоции», «чувства» феноменологически выделяются такие формы чувствительности, которые обеспечивают избирательную ориентировку субъекта: а) исходно к изменениям и переживанию органических состояний, лежащих в основе актуализации потребностей; б) производно к актуализации мотивационных и оценочных отношений к предметным условиям окружающего мира; к мотивационно значимым для субъекта (личности) направлениям жизнедеятельности; к значению разнообразных предметов и явлений в процессах реализации мотивационных (лично-смысловых) отношений (Виллюнас, 1990; Иванников, 1998; 2010).

Некоторые следствия и выводы:

1. Что же регистрируется и выделяется людьми в качестве феноменов — рефлексивно фиксируемых образов, переживаний, представлений? «Внутренний» субъективно фиксируемый мир феноменов — произвольно актуализируемых, преобразуемых в «образе мира» и осознаваемых фрагментов жизненного опыта анализируется в системно-деятельностной культурно-исторической психологии и получает объяснение в качестве результатов интериоризированных, предметно-отнесенных способов организации и воспроизведения ориентировочно-исследовательских операций и действий.

Исходно в онтогенезе сознательные рефлексивные формы психической ориентировки формируются только в процессах включения ребенка во взаимо-

действия с другими людьми (Выготский, 1983; Запорожец, 1986; Леонтьев, 2000). Возможности конкретного субъекта рефлексивно выделять и фиксировать феноменологические данные в онтогенезе появляются с того момента, когда функционально организуются обобщенные совместные способы ориентировки в мире при организации совместных действий на основе совместного использования знаково-символических средств — сознание (Маланов, 2016).

Индивидуально фиксируемые психические образы и представления, а также рефлексивные самоотчеты в форме феноменов начинают появляться у ребенка по мере того, как внешние ориентировочно-исследовательские и исполнительные формы активности приобретают характер опосредствованных знаками целенаправленных действий и автоматизированных операций. Регистрируемые в психологических исследованиях на основе самоотчетов испытуемых феномены (образы, представления, переживания и т.д.) получают объяснение через механизм преобразования ориентировочных компонентов предметно-практических действий в индивидуальные, опосредствованные знаково-символическими средствами, рефлексивные умственные действия, выполняемые субъектом при отсутствии соответствующих предметных условий — «в образе мира» (Гальперин, 2002; Лурия, 1979; Смирнов, 1985).

2. Среди психологов, разделяющих установку на построение научной монистической теории развития психических функций, явно представлены две центральные позиции: а) психика — это результат функций мозга (Веккер, 1998; Величковский, 2006; Фритт, 2014; Чуприкова, 2015); б) психика — это функции ориентировки животных организмов, позволяющие направлять и организовывать взаимодействия с окружающим миром (Анохин, 1978; Бернштейн, 1997; Галь-

перин, 1998; 2002; Ильенков, 1991; Сурмава, 2012). Выбор одной из позиций приводит к разным ответам на исходные вопросы психологии: где и на чем локализуется психика, и какую роль в детерминации психических функций выполняет мозг? Если принять первую позицию, то из нее следует, что мозг организует взаимодействия субъекта с окружающим миром, используя органы чувств, опорно-двигательный аппарат, ставя цели, организуя познание и поведение, а психические явления формируются в мозге и мозгом. Если принять вторую позицию, то из нее следует, что субъект организует взаимодействия с окружающим миром с помощью органов чувств, опорно-двигательного аппарата, физиологических функций мозга и других структурно-функциональных особенностей организма. При этом психика выступает в качестве функциональных систем («функциональных органов»), которые локализуются на разных органах и тканях организма, обеспечивая ориентировку, организацию и воспроизведение взаимодействий субъекта с окружающим миром.

Такие функциональные системы исходно формируются, дифференцируются, интегрируются и актуализируются на основе взаимодействий субъекта с окружающим миром. При этом отношения между психическими и физиологическими функциями «оборачиваются». Приходится отказываться от привычной логики стандартного учебника психологии или психофизиологии:

- 1) воздействие комплексов физических и химических раздражителей на рецепторы органов чувств;
- 2) проведение импульсов от рецепторов к центральной нервной системе;
- 3) порождение психического образа «мозгом и в мозге»;
- 4) проекция такого образа на объекты в окружающем (внешнем) мире

и соответствующая им организация поведения.

Востребованной становится альтернативная логика:

- 1) ориентировочно-исследовательская активность (психическая активность) в составе взаимодействий организма с окружающим миром;
- 2) функциональная подстройка физиологических процессов в организме к организации ориентировки и построению разнообразных предметных взаимодействий;
- 3) согласование и фиксирование способов динамического воспроизведения таких физиологических процессов в форме функциональных систем с опорой на нейрофизиологические процессы и функции центральной нервной системы.

При этом возможности функциональной подстройки тканей и органов под разные по сложности взаимодействия с окружающей средой (окружающим миром): а) зависят от анатомо-физиологических особенностей животного организма б) имеют широчайший диапазон различий у разных видов животных и менее широкий — между животными одного вида.

В контексте системно-деятельностной культурно-исторической психологии этот вопрос был наиболее строго поставлен в работах П. Я. Гальперина. Физиологические процессы в человеческом мозге потенциально могут обеспечивать осуществление самых разнообразных ориентировочных и исполнительных операций и действий в составе различных видов деятельности, поведения, но не дают их готовых форм. Конкретные формы психики субъекта исходно задаются ориентировочной активностью и предметной деятельностью во внешнем мире. Каждое

новое предметно направленное действие субъекта во внешнем мире детерминирует формирование новой функциональной системы нейрофизиологических процессов, которые в последующем обеспечивают организацию и выполнение аналогичных действий (аналогичных ориентировочных и исполнительных составляющих действие операций) в подобных ситуациях (Гальперин, 1998; 2002).

Таким образом, можно полагать, что не мозг или ЦНС порождают психический образ. Психический образ строится (презентируется) как динамическая функциональная структура на различных тканях, органах и физиологических функциях организма, которая исходно формируется в результате взаимодействий субъекта, использующего органы чувств, с окружающим миром. У людей по мере овладения способами использования языковых и других знаково-символических средств такие функционально-динамические структуры начинают актуализироваться на соответствующих тканях, органах и физиологических функциях организма в отсутствие объектов и соответствующих предметных ситуаций. С помощью языковых и знаково-символических средств с опорой на функции органов чувств и мозга «на организме» в редуцированной форме актуализируются психофизиологические функциональные системы возможных способов ориентировки и возможных взаимодействий с возможными предметными ситуациями. Результаты такой актуализации субъективно регистрируются в качестве содержания представлений и умственных действий — в качестве психического образа.

3. Можно отметить, что многообразие терминов, которые используются в современной психологии, приводит к размытости и противоречивости фиксируемых с их помощью понятий. Поэтому в контексте построения любой

психологической теории становится необходимым на основе «восхождения от абстрактного к конкретному» последовательно устранять такие противоречия путем содержательного анализа системы необходимых понятий, а также ограничивать диапазон используемых терминов с целью сохранения их относительно строгой предметной отнесенности (Сурмава, 2007). Только так построенная система понятий и терминов может служить основой для последующих направлений аналитической конкретизации психических явлений и их объяснения.

Литература

- Анохин П. К. (1978) Философские аспекты теории функциональных систем. М.: Наука.
- Бернштейн Н. А. (1997) Биомеханика и физиология движений. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк».
- Беккер Л. М. (1998) Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл.
- Величковский Б. В. (2006) Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл; Издательский центр «Академия».
- Вилюнас В. К. (1990) Психологические механизмы мотивации человека. М.: МГУ.
- Выготский Л. С. (1982) Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика.
- Выготский Л. С. (1983) Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика.
- Выготский Л. С. (1996) Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р. (1993) Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика.
- Гальперин П. Я. (1998) Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк».
- Гальперин П. Я. (2002) Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»; Высшая школа.
- Глотова Г. А. (1990) Человек и знак. Свердловск: Издательство Уральского университета.
- Давыдов В. В. (2008) Лекции по общей психологии. М.: Издательский центр «Академия».
- Ждан А. Н. (2006) Развитие взглядов на предмет психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 8–22.
- Запорожец А. В. (1986) Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика. С. 25–47.
- Иванников В. А. (1998) Психологические механизмы волевой регуляции. М.: УРАО.
- Иванников В. А. (2010) Основы психологии. Курс лекций. СПб.: Питер.
- Ильенков Э. В. (1991) Философия и культура. М.: Политиздат.
- Леонтьев А. Н. (1965) Проблемы развития психики. М.: Мысль.
- Леонтьев А. Н. (2000) Лекции по общей психологии. М.: Смысл.
- Леонтьев А. Н. (2012) Эволюция, движение, деятельность. М.: Смысл.
- Лоренц К. (1998) Обратная сторона зеркала. М.: Республика.
- Лурия А. Р. (1979) Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета.
- Мазилов В. А. (2008) Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 58–73.
- Мазилов В. А. (2015) Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск: ERGO.
- Маланов С. В. (2012) Методологические и теоретические основы психологии. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк».
- Маланов С. В. (2014) Психолингвистика: психологическая теория речевой деятельности. Йошкар-Ола: ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет».
- Маланов С. В. (2016) Развитие рефлексивных действий как функциональная основа сознания и самосознания // Мир психологии. № 2. С. 88–102.
- Маланов С. В. (2017) От определения психических явлений к анализу направлений развития действий // Культурно-историческая психология. Т. 13. № 2. С. 31–40.
- Науменко Л. К. (1968) Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Наука.
- Палазина Н. Н. (1997) Воображение у самого истока. Психологические механизмы

формирования. М.: Институт практической психологии.

Парадигмы в психологии: науковедческий анализ (2012) / отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН.

Смирнов С. Д. (1985) Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ.

Соколова Е. Е. (2008) Психологи на распутье: какая методология нужна современной психологии? // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 25–42.

Сурмава А. В. (2007) Диалектическая психология: драма становления // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 25–39.

Сурмава А. В. (2012) Мышление и деятельность. М.: НИУ МИЭТ.

Талызина Н. Ф. (2007) Сущность деятельностного подхода в психологии // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 157–162.

Фритт К. (2014) Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: АСТ, CORPUS.

Чуприкова Н. И. (2015) Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры.

Эльконин Д. Б. (2001) Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк».

Юревич А. В. (2008) Проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 74–87.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА ГРУППОВОГО СОЗНАНИЯ

Т. К. Рулина

*Самарский государственный
социально-педагогический
университет, Самара, Россия,
e-mail: tatrul@yandex.ru*

Е. В. Бакшутова

*Самарский государственный
технический университет,
Самара, Россия,
e-mail: bakshutka@gmail.com*

В статье представлены методологические подходы к выявлению и анализу базовых категорий, определяющих структуру и поле значений группового сознания, которые не только специфицируют достоверное представление о его качественных характеристиках, но и позволяют выявлять различия в его знаковых формах, прогнозируя сценарии эволюции групповых категорий. Авторами обосновывается идея ассоциативно-вербальной сети категории, тезаурус которой представляет собой форму трансформации мира языковой личности, в контексте новой перспективы когнитивных моделей сознания большой социальной группы. Предметом вероятностного подхода к языковым сетям группы являются, по мнению авторов, процессы изменчивости, развития, производства категориально-ассоциативных явлений сознания групп, а также сценарии фасилитативного, меморационного, превентивного характера когнитивных воздействий на групповое сознание.

Ключевые слова: групповое сознание, групповое мышление, коллективный субъект, ассоциативно-вербальная сеть (АВС), базовые категории, концепт, практический концепт.

DOI: 10.7868/S1819265318030044

Для цитаты: Рулина Т. К., Бакшутова Е. В. (2018) Методологический ресурс категориального анализа группового сознания // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 62–71.

Язык — уникальный фильтр восприятия и понимания социальной реальности, неосознаваемой работы групповых сингулярностей. Он и несёт ответственность за смысловое развитие сознания общества в жестких программах категориального опосредствования. Границы категориальных матриц языка / культуры труднопреодолимы, но могут под давлением социальных перемен рассыпаться в прах, увлекая за собой социумы в хаос трансформаций. Это наш сегодняшний

мир и его практики номинирования реальности. Категории языка и его «практические концепты» (Ж. Пиаже) как смысловые постоянства, превышающие пределы жизненного срока индивида, не только характеризуют, но и обуславливают социальное сознание большой группы.

Будучи своеобразными «программами» номинирования, групповые категории создают устойчивые циклические системы понимания и воспроизводства смысловой реальности группы. Тем

самым групповые категории определяют поведение индивидов, внося напряжение в групповую согласованность за счет индивидуальной знаково-смысловой дисперсии коллективных смыслов. Еще в 1980-е гг. В. А. Лекторский указывал, что «коллективного субъекта не существует без входящих в него индивидуальных. Вместе с тем изменение состава индивидов, входящих в данный коллективный субъект, не обязательно означает изменение последнего» (Лекторский, 2010, с. 6). То есть матрица группового сознания, опосредованная и представленная ассоциативно-вербальной сетью языка группы, контролирует его содержательную статику, и, в то же время служит экраном изменений в стратегиях ассоциирования, приводящих к различиям в дефинициях категориального конструирования смысловой реальности. К необходимости аналитического интереса к групповому сознанию обращается и В. В. Знаков в статье «Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие»: «обращение психологов к анализу специфики понимания природных и общественных явлений не одним человеком, а многими людьми означает необходимость перехода от исследований индивидуального субъекта к субъекту групповому и коллективному. Такая необходимость соответствует методологии современного научного познания» (Знаков, 2007, с. 66).

Необходимо понять, насколько релевантны ассоциативные комплексы для идентификации групповых когнитивных схем, обеспечивающих объяснение и понимание смысловой реальности группы. А также — насколько они связаны с практическими концептами группы, ответственными за ее поведение и его прогноз? Почему именно ассоциации в групповой когнитивной сфере выступают смыслопорождающим фактором, ставящим пределы групповой иден-

тичности? Эти вопросы ориентированы на решение актуальных задач социального познания современности. Комплекс индивидуальных ассоциаций (в дальнейшем ассоциаты) свидетельствует о непроизвольной связи сознания с конвенциональными концептами и категориями социальной группы, укорененными в коллективном жизненном опыте, конструирующем групповую идентичность, коллективную память, групповое биографизирование и т.п. Наряду с групповым мультиплицированием образов коллективной памяти и группового мышления субъект осуществляет реверсию для превращения единичных образов в коллективные, обеспечивая тем самым гомогенность семантики групповых когнитивных систем и реализуя потребность в причастности к групповой памяти и возможности идентификации с ее семантикой (Хальбвасс, 2007; Рождественская, 2012). Разрывы, смешения, антагонизмы групповых когнитивных структур репрезентации реальности и правил их семантического отображения открывают мир изменений в смысловом наполнении значений не только в линейных отношениях семантической связности, но и на более высоком уровне концептуальных звеньев коллективного мышления.

Анализируя концепцию С. Пинкера, утверждающего, что пересечение отдельных концептов языкового подсознания и их взаимодействие друг с другом создает многообразие ассоциативно-вербальных сетей, приводящих к значительным изменениям в означивании, описании реальности при незначительных и незаметных «невооруженным взглядом» изменениях ее параметров, мы входим в пространство отечественной психолингвистики, придающей важнейшее значение концептивистике языка. Хочется уточнить, что речь идет не о научной концептивистике языка, а о феноменах коллективного мышления. «Концепт — это как бы

сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Попова, Стернин, 2007, с. 40). В отличие от логоэпистемы (термин Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова) или лингвокультуры (В. В. Воробьев) (см.: Попова, Стернин, 2007), концепт представляется более психологическим термином, поскольку его содержание не связано напрямую с языковой или культурной сферами: он является динамичной ментальной единицей, элементом сознания, фрагментом семиосферы и в качестве такового может воплощаться в понятиях, образах, поведенческих стереотипах, ценностях, идеях и т.д. Иными словами, концепты можно считать социопсихическими образованиями, характеризующимися ценностной значимостью, смысловой многомерностью и функцией текstopорождения.

В то же время многие современные методологии анализа социального сознания, по сути, «контрацептивны», поскольку направлены лишь на критику авторских концептов. Критицизм «контрацептов» обусловлен представлением об онтологической бедности знания и его концептов: настоящее в нем заслуживает уничтожения, а на место неправильного нужно водрузить правильное. Современная гуманитарная наука изобилует негативностью контрацептики и нищает на глазах в искусстве продуктивных теорий и концептов.

Мыслить концептивно в науках о человеке значит, не просто изучать языковые массивы сознания, но создавать нечто новое в процессе изучения. И в социальной практике мышления, и в научных рефлексиях концептивизм — это конструктивное мышление, которое рядом

с языковым массивом сознания (и благодаря ему) обнаруживает множество лакун, вакансий, подлежащих заполнению.

О «языковой энтропии» (Пинкер, 2004), ведущей к хаосу «невосприимчивости», непонимания, социальной интроверсии и аутизму заключает и В. Биbihин: «Вообще-то мы похожи давно на сумасшедших, которые интенсивно и увлеченно расположились перед панелью и нажимают на тысячи кнопок, нажатие должно дать громадный и эффектный результат, он как-то не получается, тогда значит надо нажать еще больше кнопок и может быть других, или еще прямее связать кнопки с результатом. (Увидеть в этом множестве кнопок, переключением зрения, красоту, в космосе — космос, в мире — мир, так же естественно, как в автомате Келера — но тут нам все равно, а в случае мира у нас заинтересованность, мы все еще увлечены, верим — а что если все-таки при каком-то особом, новом нажатии кнопок произойдет исключительное, мы догоним черепаху. — Но софья бескнопочный автомат.) Уже распоряжений, которые мы через кнопки слова даем себе и другим, хватит, чтобы много раз оплести сеткой своей организации все на свете, мы вроде давно уже все и оплели и заорганизовали, но всякий раз почему-то оказывается, что пока еще мало, и надо организовать намного больше, полнее, эффективнее. — Ну как, скажите мне на милость, можно смотреть, среди такой лихорадочной активности, на тех, кто мешает, вставляет палки в колеса, сбивает с толку и говорит, что ни в какие ворота не лезет, что в “игре слов” не мы играем словами, а слова сами играют, страшно сказать, нами; и что Sprachspiel это не всегда обязательно только “языковая игра”, которую мы ведем, но может быть это все-таки иногда и “игра языка»» (Биbihин, 1994–1996). Энтропийные процессы коллективного мышления, протекающие в формах групповых игр языка, разруша-

ющие и производящие его практическую концептивистику, являются предметом нашего исследования.

Таким образом в социально-психологический анализ вводится языковое сознание группы как каркас категориальных структур, связанных с языковыми знаками группового генезиса (ассоциативные поля и ассоциативные тезаурусы категорий). Психологическая структура категории выступает ментальным кодом понятийной и смысловой идентификации категории, обуславливая особенности значений категорий, их образности, конкретности, широкозначности, полисемии, синонимии, антонимии.

Ассоциативный эксперимент дает возможность выявить системность содержания группового сознания, стоящего за каждой из категорий в каждом из групповых сознаний. Эксплицируемые с помощью ассоциативного эксперимента речевые образы групповых номинаций реальности интегрируют перцептивные знания, усваиваемые и конструируемые коллективным субъектом. В это же время речевое сообщество (*speech community*) позволяет оценить особенности ассоциирования сознания социальной группы как преломление субъективно воспринимаемых социальных концептов на групповом когнитивном уровне. А также оказывается возможным понимание языкового сознания как системы ассоциативных категорий группового генезиса и их репрезентаций (этнической, религиозной, правовой, политической возрастной, гендерной и др.).

Для разработки методологии, дающей возможность сделать скрининг не только устойчивого, статичного содержания, но и эволюции коллективного сознания, мы использовали несколько предшествующих подходов к анализу АВС (что позволяет говорить о трансдисциплинарности). В первую очередь, это теория прототипов (в когнитивных науках — Дж. Ла-

кофф, Э. Рош), которая касается динамики базового уровня категорий сознания и категориальной концептивистики групп.

Наряду с когнитивными науками категориальный анализ использует компетенции структурной психолингвистики. Ассоциативно-вербальная сеть субъекта коммуникации — производное психики. В ней стихийно синтезируются конъюнктивно и дизъюнктивно события и знания. Синтезы языкового подсознания — необходимые условия ментальной системы категорий реальности, производных от ассоциативно-вербальных сетей. Внутренний смысл дорефлексивного сознания субъекта определяется в переходе от внешних значений языковой сети (внешнего слоя сознания) к типологическим индивидуальным частотам ассоциатов.

Семантика макроструктур сознания (категорий реальности) определяется системами ассоциативного умножения (мультиплицирования). Ассоциативное поле категорий, входящих в структурные схемы сознания (этнические, религиозные, культурные и другие репрезентации) задает общую для членов группы форму способам самоидентификации и миропонимания личности и группы, воспроизводя подсознательную природу коллективного сознания. Диссипация ассоциативных структур разрушает правила семантического отображения / конструирования категорий, показывая изменения в смысловом содержании категории. По утверждению Дж. Лакоффа, категоризация, по преимуществу «бессознательна и машинальна, и если мы и подозреваем о ее существовании, то лишь потому, что она проявляется в некоторых проблемных ситуациях. Перемещаясь в материальном мире, мы автоматически категорируем людей, животных и физические объекты — как естественные, так и созданные человеком... Мы категорируем события, действия, эмоции, пространственные и социальные отношения, а также

абстрактные понятия самых различных типов» (Лакофф, 1996, с. 144). Категоризация Дж. Лакоффом понимается как отнесение свойств объекта к определенной категории и правила этого отнесения, формирующие межкатегориальные отношения. И хотя процесс категоризации осуществляется неосознанно и автоматически, не существует однозначного ответа на вопрос, каким образом субъекты категоризации выбирают тот или иной уровень обобщенности и абстрагирования, те или иные прототипы, одни или другие базовые уровни категоризации.

Следуя теории категоризации Дж. Лакоффа, Э. Рош противопоставила ей собственную точку зрения, утверждая, что не все таксономические уровни ассоциаций логически равны и различаются не только по степени обобщенности (Rosch, 1978). Согласно Э. Рош, базовым уровнем категории является наиболее абстрактный. Базовый уровень категорий может быть подвижен в зависимости от задач адаптации, из-за чего он характеризуется максимальным количеством новых членов категории.

Именно Э. Рош рассматривала категоризацию как одну из наиболее важных проблем познания, сформировав в когнитивной психологии исследовательскую парадигму, в которой анализировались проявления центральности, сходства, категоризации базового уровня, приоритетности базового уровня, рассуждений по аналогии, а также некоторых иных типов воплощения.

Э. Рош настаивает, что «категоризация сначала основывается на взаимно-исключающих понятиях с точкой отсчета в самом субъекте действия, далее — по мере накопления опыта и представлений о реальности (в частности, о других людях) бинарная оппозиция приобретает характер континуума, а сам субъект начинает категоризовать многомерные объекты не по одному, а по нескольким континуу-

мам сразу» (Rosch, 1978; Рулина, Бакшутова, 2016, с. 92).

Используя современные методы психологического моделирования, мы прибегли к расширению подходов Э. Рош, и полагаем, что прогнозные модели параметризации категориальных концептов (ассоциатов) позволяют означивать когнитивную систему групп как вариативную систему категорий, разделяемых большинством группы как психологических кодов группового сознания. На наш взгляд, операциональным критерием параметризации группового сознания может выступать ассоциативная размерность сети, представляющая собой совокупность независимых переменных когнитивного пространства. Когнитивное пространство — сеть ассоциатов, описывающих реальность, которыми осознанно или неосознанно пользуется субъект социальной категоризации в процессах анализа и интерпретации действительности — всей, или какого-то из ее модусов. Так как ассоциация в значительной степени развертывается не осознаваемо: по штампам, образцам, речевым клише, прецедентам и аналогиям, будучи исторической и коллективной, она наследуется скорее как традиция, чем индивидуальная память.

С позиции подхода эмпирического конструктивизма, разделяемого нами, субстратом категоризации выступает ассоциативно-вербальная сеть, которая выявляется исключительно в ходе многоэтапного массового эксперимента с участием носителей языка, представляя как бы материальный аналог групповой когнитивной способности порождения категорий. Разнотечения, смещения, расширения ассоциативных полей и их смыслов в различных социальных группах выступают маркирующими индексами изменчивости групповых категорий и когнитивной сложности групп. Ассоциативное индексирование категориальной идентичности говорящего формирует эмпирическую ба-

зу для понимания эволюции групповой категории (Livia, 1997). Категории, «генотексты» индексирования заставляют не только описывать, но и предписывать воссоздание своей идентичности в речевых актах, опосредствующих ту или иную категориальную ориентацию. Ассоциации как результат сознательных и бессознательных процессов означивания, происходящих в сознании человека, и сам ассоциативный процесс, предусматривающий произвольную форму психической активности, позволяют судить о психологической актуальности базовых категорий и категориальных процессов. Они же позволяют анализ видов связей различных категорий при сравнении «ядер» ассоциативных полей; при изучении статистических закономерностей их организации; при сравнении «семантических гештальтов» (Караулов, 1999), созданных соответствующими ассоциативными полями; при общем сравнении состава концептов в ядрах категорий языкового сознания. Уровень стереотипности реакций респондентов (групповое тождество), сходство и содержание высокочастотных ассоциатов, соотношение показателей слов-стимулов и полученных реакций; удельный вес суперординатных и базовых категорий позволяют судить о степени их значимости для группы, а также о разрушении, трансформации или генерализации моделей ассоциативных связей.

Данный подход обеспечивает параметрический (выявляемый как стереотипность реакций, степень полноты ассоциативной нормы, степень направленности категории, гомогенность ассоциативного набора реакций, индекс вероятности встречаемости) и качественный анализ ассоциативных полей категорий (статически-системного и динамически-активного ее описания). По мнению авторов, «ассоциативный гештальт» эксплицирует содержание базовых категорий ассоциативного поля, так как ассоциаты (ас-

социативные сгущения) «семантически тяготеют к определенным характеристикам, группируясь естественным образом вокруг нескольких реакций, которые обозначают некоторый набор мыслительных образов — концептов» (Марковина, Данилова, 2000, с. 119). Согласно этой идее, все полученные ассоциативные поля могут быть описаны в виде концептов и различий их структур (моделей, семантических эффектов). Правила функционирования ассоциативных сетей объясняют ассоциативно-категориальную динамику (Кубрякова, 1995). С уменьшением количества различных ассоциаций, то есть с ростом стереотипности ассоциаций возрастает гомогенность ассоциативной направленности категории. С увеличением числа ассоциаций, свидетельствующим об ассоциативной силе стимула, фиксируется перестройка категории. Чем разнообразнее ассоциативная структура категории по количеству и группам ассоциатов, тем сильнее энтропия категории. Организуя исследование таким способом, мы должны исходить из предположения, что выделенные ассоциативные гештальты (сгущения сети) могут быть задействованы как определенные смысловые опоры для воссоздания смысловых проекций, возникающих в категориальном сознании группы. Общая картина ассоциативных (семантических) полей, полученная в экспериментах стимулирования ключевых категорий, необходима для изучения групповых процессов ассоциативно-смысловой категоризации. Ассоциативные поля носителей категориальных матриц групп «свидетельствуют о сложной структурированности вербального поведения, управляющего стратегией выбора ассоциаций, специфически ранжированных и соотносенных с распределением значений. И набор характерных признаков категорий, и сфокусированность внимания испытуемых на реалиях вещного (денотатного) мира, интерпретирующих в форме предъявленных

ассоциатов эти признаки, и обнаруженные в ассоциативных “сгущениях” гетеростереотипы (ассоциативные концепты) дают возможность судить о характерных базовых и периферийных различиях и совпадениях семантики категорий в сознании представителей группы» (Рулина, Бакшутова, Ихсанова, 2014, с. 524). Организация ассоциативной системы (структурная модель категории) является совокупностью связанных тем и способна изменяться в зависимости от их значения, важности и взаимосвязанности. Наиболее связанные организуются в сегменты более высокого уровня — категории-концепты. Иерархия концептов составляет вертикальную организацию системы, а основным параметром горизонтальной структуры служит их близость.

Исследовательская задача в такой ситуации строится на понимании, что объективность знания гарантирована его соответствием подлинности языкового опыта социальных групп. По этому поводу М. Фуко провидчески заключал: «Психология отвечает прорывом знания из замкнутого круга сознания в поведение, бессознательное и культуру» (Фуко, 1999, с. 314). Взрыв активности междисциплинарности и полипарадигмального анализа — неслучайная стратегия научного построения (описания и объяснения) противоречивой картины реальности, стремящейся к целостности как в психологии индивида, так и в психологии социальной группы. Именно переход от позитивистского бинарного мышления к многомерности в науке позволяет увидеть изменения категориальной сети социального сознания как основу перестройки коллективной субъектности в репрезентации реальности, когда в генезисе новых групповых смыслов абсолютное и относительное меняются местами, а восприятие семантически однородного смыслового объекта происходит не обязательно одинаково.

Таким образом, ассоциативная способность коллективного мышления, обеспечивая игру психических отражений, определяется в основе стабильности и релевантности сознания, контролируемого базовыми категориями. Их отличия от субъектных фантомов сознания наиболее адекватны Реальному психической системы сообщества, так как контролируются культурой знаково-символических прототипов, принадлежащих языковому подсознанию групп. В связи с этим теория когнитивных изменений, на наш взгляд, нуждается во вводе понятия «тропизм» как теоретической новации в социальной психологии языка. Когнитивный тропизм по своей структуре напоминает рефлекс, поскольку представляет закономерную и неотвратимую реакцию интеллекта на внешнее воздействие (фундаментальная для когнитивно-сенсорной сферы функция различения сред).

Авторская версия понятия тропизма базируется на принципе категориально-смысловой организации группового сознания, согласно которому сближение когнитивных явлений (ассоциативность, категоризация, атрибутивность) с категорией знаковости смысла позволяет обнаруживать семиотическую природу тропизмов (Л. Сонди). Тропизмы, будучи связанными в качестве «ведущих влечений» как с унаследованными, генетически обусловленными факторами, так и с социальными аспектами человеческих судеб» (Собчик, 1998, с. 82), могут быть интерпретированы как результат смысло-знаковых новационных действий коллективного мышления.

В заключение следует особо подчеркнуть, что изучение «ассоциативного значения» слова стало одним из самых популярных и разработанных направлений в исследовании вербальных ассоциаций и имеет уже более чем пятидесятилетнюю историю. Фундаментальной в этом направлении явилась работа Дж. Диза

«Структура ассоциаций в языке и мышлении» (Deese, 1965). В этой работе Дж. Диз обобщил и осмыслил теоретический опыт, накопленный в работах по экспериментальному исследованию ассоциативного, а также категориального значения слова, которое проявляется при свободном воспроизведении слов через объединение их испытуемыми в семантические или тематически связанные группы («кластеры»). В предисловии Дж. Диз пишет, что при изучении ассоциаций психологи обычно следуют ложному пути, а именно: их интересует «что следует за чем», в то время как вопрос должен ставиться о том, как ассоциативные ряды отражают структурные модели отношений между понятиями. Фактически Дж. Диз пересмотрел традиционную трактовку ассоциации как отражения следования элементов в прошлом опыте индивида и скорее подчеркивал взаимосвязь и структурированность ассоциаций, т.е. образно говоря, перешел от анализа вертикального среза предсознания к горизонтальному. Даже осознанный отказ индивида от группового опыта поведения (чувственной, интеллектуальной, социальной действительности), который создает иллюзию субъектности, не отменяет закономерностей языкового сознания (тотальность значений и смыслов языка) как матрицы «неорганической жизни» (Ж. Делез), ограничивающей свободу мысли «безличной непричастностью» (безличной сингулярностью), что и позволяет А. Бадью определять мышление как «развязывание языка» безличных единичностей (Бадью, 2004).

Методологическое моделирование анализа категориально-группового сознания позволило нам ввести в оборот когнитивной социальной психологии способы новой продуктивной концептуализации и эмпиризации (параметризации) коллективного мышления, что было обосновано в авторском сравнительном исследовании групповой категоризации

в четырех этнических разноконфессиональных группах (Бакшутова, Рулина, 2016) и описано в публикациях, а именно:

- стимульная категория ассоциирования позволяет описать действие безличной сингулярности сознания через выявление ассоциативных связей сети, их количественного своеобразия и их тезаурусной уникальности;
- групповые топика ассоциатов представляют собой единственную возможность обнаружения смысловых ядер языкового подсознания групп, концентрирующих групповой смысл категориальных систем;
- различия в ассоциативной генерации категорий, обусловленные различиями безличной сингулярности, указывают, что категория не формируется сознанием, а порождается его языковой «подпочвой»;
- запертые в логические структуры когнитивные суждения оживают только при активности когнитивного подсознания, маркированного базовыми категориями группового номинирования;
- когнитивная реальность выражается и понимается только в соответствии с категориями, в то время как категориальное определение реальности протекает посредством дифференциации и дизъюнкции изменчивых ассоциатов;
- языковая скриптологическая компетентность выступает в качестве как исторической детерминации наследования (ассоциативный гештальт), так и новаторской деятельности коллективного субъекта (языковой тропизм);
- ригидное воспроизводство ассоциатов или замена их более / менее связанными единицами моделирует групповой репертуар ассоциирования, его ментальную стихию. Это или

скачок в абстрагировании, нарушающий последовательность ассоциативных топики, или пропуск единиц, утрачивающих интерпретационную значимость семантического определения, или разрывы последовательности ассоциативных рядов категорий реальности, ведущие к реорганизации когнитивных макроструктур группового сознания, обеспечивающей тем самым его изменчивость.

Таким образом, межсубъективная знаковая открытость носителей групповой психологии позволяет формироваться мощным семействам базовых категорий, порождая предрефлексивное сцепление значений речи, ведущее к смыслу концептуальных связей обыденных представлений. Групповая «ферментация» значений (дорефлексивный синтез) кумулирует значения объекта по принципу его «сцепления» с базовыми категориями группы.

В этой связи весьма справедливо замечание Р. Коллингвуда: «Люди обычно не сознают своих абсолютных пресуппозиций... абсолютные пресуппозиции каждого данного общества на каждом данном этапе его истории образуют структуру, испытывающую “напряжения” большей или меньшей интенсивности, которые “принимаются” различными способами, но никогда не исчезают. Если напряжения слишком велики, структура разрушается и заменяется другой, которая образует модификацию старой структуры после того, как будут устранены деструктивные напряжения; модификация не изобретается сознательно, а создается в процессе бессознательного мышления» (Collingwood, 1940, с. 234). Не только локальные линейные связности когнитивных единиц конвенциональной природы стоят за категориями коллективного субъекта, но и семантические комплексы процессов понимания, ведущие к порождению понятий более высокого уровня,

их организации и редукции, перерождению глобальных гипотез реальности.

Литература

- Бадью А. (2004) Делез. Шум бытия. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Логос-Альтера; Ессе homo.
- Бакшутова Е. В., Рулина Т. К. (2015) Прототипы, тропизмы и новации языкового под-сознания больших групп // Азимут научных исследований. № 3 (12). С. 39–43.
- Бибихин В. В. (1994–1996) Курс лекций «Витгенштейн», МГУ им. М. В. Ломоносова. Лекция 20. URL: <https://www.facebook.com/bibikhin/?fref=ts>
- Горошко Е. И. (2001) Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.: ИЯ РАН; Харьков: РА Каравелла.
- Знаков В. В. (2007) Самосознание, само-понимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. Т. 2. Вып. 3. С. 65–74.
- Караулов Ю. Н. (1999) Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИЯ РАН.
- Кубрякова Е. С. (1995) Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ. С. 144–238.
- Лакофф Дж. (1996) Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. М.: Прогресс.
- Лекторский В. А. (2010) Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.
- Марковина И. Ю., Данилова Е. В. (2000) Специфика ассоциативного сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН. С. 116–132.
- Пинкер С. (2004) Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС.
- Попова З. Д., Стернин И. А. (2007) Когнитивная лингвистика. М.: АСТ Восток–Запад.
- Рождественская Е. Ю. (2012) Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ.

Рулина Т. К., Бакишутова Е. В. (2016) Категориальные концепты языкового подсознания больших социальных групп // Мир психологии. № 2. С. 191–199.

Рулина Т. К., Бакишутова Е. В., Безуглов А. В. (2016) Устойчивость и изменчивость категориальных программ сознания больших социальных групп: религиозный аспект // Материалы Всероссийского церковно-государственного форума «Наследники победителей» 21–24 мая 2015 г. Самара. С. 89–95.

Рулина Т. К., Бакишутова Е. В., Ихсанова С. Г. (2014) Категориально-ассоциативная система религиозного сознания православных христиан // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. № 10. Т. 2 (49). С. 516–525.

Собчик Л. Н. (1998) Тест восьми влечений Сонди и его модификация. Введение в психо-

логию индивидуальности. М.: Институт прикладной психологии.

Фуко М. (1999) Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Ad Marginem.

Хальбвакс М. (2007) Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство.

Эпштейн М. Н. (2016) От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Deese J. (1965) The structure of associations in Language and thought. Baltimore.

Collingwood R. (1940) An Essay on Metaphysics. Oxford.

Livia H. (1997) Queerly Phrased. Oxford: University Press.

Rosch E. (1978) Principles of categorization. In E. Rosch, B. B. Lloyd (Eds.) Cognition and categorization. Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum associates. P. 27–48.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: СВОЙСТВА, СОСТАВЫ, СТРУКТУРЫ

Л. Я. Дорфман

*Пермский государственный
институт культуры,
Пермь, Россия,
e-mail: dorfman07@yandex.ru*

Предпринят методологический и теоретический анализ путей преодоления разрозненных представлений о составе и структуре свойств индивидуальности в дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии. Также предпринята попытка методологически и теоретически осмыслить проблему устойчивости (стабильности) — неустойчивости (изменчивости) свойств, составов и структур. Эта проблема разрабатывается в рамках естественно-научного подхода и в границах эмпирической психологии. Показано, что данные проблемы имеют исторические корни, но продолжают довлеть над умами исследователей в настоящее время. Предлагается совершить отход от дивергенции холизма (структурализма) и атомизма и совершить переход к их конвергенции. В таком контексте возникает необходимость пересмотра базовых понятий свойств, составов, структур. Предлагается обновленный взгляд на них. Свойства толкуются как дуальные, поскольку им присущи самоидентичность и реляционность, дискретность и составность, устойчивость и изменчивость. Им присущ динамизм в силу их многоаспектности, взаимопереходов и подвижности. Структуры рассматриваются как имеющие много разновидностей: а) межсистемные, внутрисистемные и локальные; б) иерархические и многомерные; в) параллельные и пересекающиеся; г) факторные и каузальные. Далее анализу подвергаются структуры в их отношениях с составом свойств, с одной стороны, и с целостностью (общностью) с другой. Отношения структур и составов свойств представлены в трех разновидностях: один состав — одна структура (статичность), изменяющийся состав — несколько структур (полиморфизм), одинаковый состав — несколько структур (изомерия). Отношения структур и общностей заключаются в том, что общности могут объяснять состав свойств. Общности могут объяснять и структуры, но опосредованно, через составы свойств. Эти представления помогают понять и осмыслить вопрос о том, как холизм (структурализм) и атомизм могут интегрироваться.

Ключевые слова: индивидуальность, свойство, состав, структура, самоидентичность, дискретность, стабильность, динамичность, полиморфизм, изомерия.

DOI: 10.7868/S1819265318030056

Для цитаты: Дорфман Л. Я. (2018) Индивидуальность человека: свойства, составы, структуры // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 72–95.

Введение

Познание в науке упорядочено и закономерно. Вместе с тем порядок еще нужно найти и закономерности открыть (Клочко, 2007), и эта задача встает перед каждой отраслью психологии вновь и вновь. Как известно, дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология являются разделами психологической науки, которые изучают индивидуальные и типологические различия людей. Базовым является понятие индивидуальных свойств. Индивидуальные различия изучают, обращаясь также к составам и структурам. Совместно они образуют основополагающие понятия дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии.

В зарубежной психологии традиция исследований индивидуальных различий идет прежде всего от лексической гипотезы. Она утверждает, что характеристики личности выражаются в языке и отдельных словах. Считается, что лексическая гипотеза служила основой, на которой создавалась «Большая пятерка», пятифакторная модель черт личности (Goldberg, 1993; John, Angleitner & Ostendorf, 1988).

В отечественной психологии исследования индивидуальных различий имеют иные корни. Они связаны с рефлексивной теорией И. П. Павлова и его типологической концепцией. Б. М. Теплов (1998) утверждал, что главное значение имеют индивидуальные свойства, а не традиционная классификация типов. Наряду с общими типологическими свойствами нервной системы, выделяются парциальные свойства, характеризующие работу отдельных областей коры. Обобщив результаты многочисленных экспериментальных исследований, Э. А. Голубева (2005; 2010) показала, что основные свойства нервной системы, такие как сила, уравновешенность, подвижность, обладают относительной устойчивостью. Они

могут быть безусловно- и условнорефлекторными, например, уравновешенность безусловного возбуждения и торможения (активированность) и уравновешенность условного возбуждения и торможения (баланс по динамичности). Б. М. Теплов (1998) и В. Д. Небылицын (1990) отмечали значение изучения свойств нервной системы как природных предпосылок индивидуально-психологических различий. Э. А. Голубева (2010) отмечает, что одной из задач дифференциальной психофизиологии является поиск психологических проявлений типологических свойств нервной системы. В. М. Русалов (2012) опирался на данные нейропсихофизиологии и учение П. К. Анохина об акцепторе действия, создавая свою теорию темперамента. В статусе свойств темперамента выделялись эргичность, пластичность, темп, эмоциональность.

Другое мощное направление в исследованиях индивидуальных свойств, их составов и структур развивается в школе В. С. Мерлина (1986; см. Дорфман, 2008). Свойства трактуются как элементы интегральной индивидуальности. Они дискретны и относительно устойчивы на протяжении определенного периода времени. В других концепциях элементы системы понимаются как динамичные. Это процессы или функции, виды активности, деятельности. Одни элементы непрерывно трансформируются в другие. Поэтому полное разграничение элементов системы не всегда возможно. В. С. Мерлин (1986) распределял индивидуальные свойства по уровням: свойства организма (биохимические, общесоматические, нейродинамические), психические свойства (темперамента, личности), социально-психологические (социальные роли в социальной группе и в социально-исторических общностях).

Несмотря на развернутые эмпирические исследования, понятия свойств, их составов и структур отрефлексиرو-

ны недостаточно *методологически* и *теоретически*. Возможности эмпирического взгляда на эту триаду ограничены, а новые представления о ней сдерживаются и тормозятся. Методологические и теоретические аспекты изучения этой триады бросают вызовы такой ситуации и повышают чувствительность ученых к новым горизонтам, перспективам и направлениям исследований. Конечно, методологическая и теоретическая разработка представлений об индивидуальных свойствах, их составах и структурах сложна и может быть решена усилиями только многих исследователей. В данной статье затрагиваются лишь некоторые стороны данной проблемы.

Парадоксально, в философии и теоретической психологии представления о составе и структуре свойств несколько обособились и развивались в двух разных традициях — атомизма и холизма (структурализма) (Дорфман, 2017; подробнее см. ниже). Они оказались разрозненными, прежде всего в историческом плане. Но их противопоставление серьезно сдерживает осмысление и понимание природы индивидуальных различий и в настоящее время. В статье проводится анализ данных традиций в первом приближении и намечаются перспективы, направленные на преодоление прежде разрозненных представлений о свойствах, составах и структурах, на их концептуальное примирение.

Внутри проблемы отношений индивидуальных свойств, их составов и структур обозначается еще одна проблема. Она касается вопросов устойчивости. Дело в том, что общенаучная тенденция находится в состоянии методологического перехода от диспозициональной парадигмы к новой парадигме. Первая была нацелена на объяснение устойчивых структур личности. Вторая парадигма ставит целью изучение их изменений. Новые идеи указывают зону ближайшего развития психологической науки в XXI в. (Леонтьев,

Митина, 2016). Важными являются также представления о характере отношений между стабильными и изменяющимися особенностями индивидуальных свойств, их составов и структур.

Mischel и Shoda (1999) показали, что первоначально исследования индивидуальных свойств распадалась на два относительно разных направления: индивидуальные свойства как стабильные, несмотря на изменчивость ситуаций (Allport, 1937; Funder, 1991; Goldberg, 1993), и психологические процессы, определяющие индивидуальные различия в социальном поведении с учетом своеобразия ситуаций (Bandura, 1986; Cantor & Kihlstrom, 1987; Pervin, 1990). Эти направления разделили исследования индивидуальных различий на две дисциплины, и нередко они вступали в противоборство между собой (Cervone, 1991; Cronbach, 1975; Mischel & Shoda, 1994).

Первая проблема, которая ставится и подвергается методологическому и теоретическому анализу в настоящей статье, касается путей преодоления разрозненных представлений о свойствах, их составах и структурах. Вторая проблема касается методологического анализа их устойчивости (стабильности) — неустойчивости (изменчивости). Они разрабатываются в рамках естественнонаучного подхода и в границах эмпирической психологии (см. Дорфман, 2012). Анализ построен на логике, изложении историко-научных традиций и релевантных предмету исследования теорий в сочетании с эмпирическими свидетельствами.

Статья состоит из нескольких разделов. В разделе 1 дается краткая характеристика атомизма и структурализма (холизма). Ставится задача не противопоставления, а интеграции их. Раздел 2 посвящается осмыслению понятий свойств и их составов. Они пересматриваются. В разделе 3 анализу подвергаются структуры и их разновидности. Отноше-

ния структур и составов свойств рассматриваются в разделе 4 и отношения структур и целостности — в разделе 5. В заключении подводятся итоги работы.

1. Атомизм и структурализм (холизм): от дивергенции к конвергенции

В своих крайних выражениях понятия свойств, состава и структуры восходят к традициям атомизма и холизма (в его структуралистских вариантах). Как известно, атомизм представляет собой учение о дискретных началах всего сущего. Оно состоит из самостоятельных элементов («атомов») и основывается на перемещении, соединении и разъединении этих элементов. В XVI в. Бэкон полагал, что нет последних «кирпичиков» реальности, делимость ее бесконечна, и потому реальность складывается из частей. Атомизм получил наибольшее распространение и признание в экспериментальном естествознании и прежде всего в химии и физике. В настоящее время атомизм понимается не буквально, как предел познания объекта (процесса, свойства или состояния) далее неделимыми атомами, а как редукция сложного к простому, неэлементарного к элементарному, свойств явлений к составляющим их элементам и их комбинациям (Беляев и др., 2017). В психологической науке атомизм обнаруживает себя в теориях В. М. Вундта, его ученика и последователя в США Э. Б. Титченера (Петровский, Ярошевский, 1996). Атомистическими являются позитивистские теории поведения, ассоцианистские и коннекционистские теории в когнитивной психологии (Martindale, 1995; Mednick, 1962). В подходе И. П. Павлова к изучению свойств и типов нервной системы также просматривается атомизм. Программа Б. М. Теплова (1998) по изучению свойств нервной системы как пути к изучению индивидуальных психологи-

ческих различий, по существу, была атомистической, как и концепция темперамента В. С. Мерлина (1973).

Холизм — общее направление теорий о мире и человеке в терминах целого и феноменом целого объясняющих происхождение частей. Основные идеи холизма сводятся к следующим положениям: (а) целое есть нечто большее, чем сумма его частей; (б) состояние целого не определяется состояниями его частей; (в) целое определяет особенности его частей (Дорфман, 2017; Никифоров, 2010). Многие факты свидетельствуют о целостности человеческого сознания. Законы организации (фигуры и фона, подобия, близости, завершенности, закрытости, «хорошего продолжения»), открытые в гештальт-психологии, показывают целое, которое не сводится к составляющим его элементам. На исследование целостных феноменов претендуют качественная культурная психология (Ratner, 1997), гуманистическая, экзистенциальная, феноменологическая психологии (Леонтьев, 2011а, б; Улановский, 2007).

В рамках холизма появился структурализм. Его разные варианты развивались в философии, лингвистике, культурологии, других гуманитарных науках. Но задолго до них сложился научный метод структурного анализа. Он нацелен на выделение и исследование структуры как латентных отношений между элементами целого. Структура понимается как скрытые для восприятия наблюдателя отношения элементов, «реляционные» свойства целого. Их выявление возможно «силой абстракции», они мысленно отвлекаются и от субстрата целого, и от специфики элементов. Структурализм рассматривает структуру явлений как систему (от греч. *systema* — целое, составленное из частей). Структура отражает внутреннее строение системы, конфигурацию связей между ее подсистемами и элементами, и предопределяет характер ее содержания. Утвержда-

ется, что структуру невозможно объяснить составом элементов, причем в системе ее структура представляется более важной, чем составляющие ее элементы.

Учения об атомизме и холизме (включая структурализм) в истории философии и науки в значительной степени развивались параллельно. Скорее, они обособлялись и противопоставлялись, чем объединялись. В структурном анализе понятия состава и структуры также в значительной степени разошлись и развивались разрозненно. Более того, статус структурного анализа строго не закрепился: он привязывался то к целому, то к его частям. Предпринимались попытки и их объединения как, скажем, в интегративных подходах, развиваемых в эмпирической количественной психологии. Но их методологический анализ желательно углублять, он нуждается в дальнейшем развитии.

2. Свойства и их составы

Как уже отмечалось, к базовым относятся понятия «свойство», «состав», «структура». Именно они имеют фундаментальное значение для дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии. Начнем с анализа понятий свойств и их составов.

Общие представления о свойствах.

Понятие «свойство» является многозначным — качество, отличительная особенность, черта, характерный признак, внешнее выражение. В психологии понятие «свойство» употребляется тоже неоднозначно. Темперамент складывается из свойств, которые многие годы мыслились как далее неделимые, скажем, экстраверсия, реактивность, ригидность (Мерлин, 1973). Личность складывается из свойств, которые распадаются на способности, характер, направленность, но каждое из них представляет сложное многоплановое качество, которое в свою очередь распадается на отдельные свойства, скажем, ода-

ренность, талант, гениальность. Свойство личности понимается и как отдельная черта: общительность, открытость, инициативность, толерантность, ответственность.

Чтобы сузить многозначность, далее под свойством будем понимать элементарную единицу анализа и базовый элемент. Свойство как единица анализа может быть поставлено в соответствие с минимальной частью целого и быть в той или иной степени его подобием. Чтобы стать единицей анализа, свойство должно сохранять качество целого и его основные отличительные особенности. Если же используются свойства, не обладающие основными признаками целого, они не могут выступать в роли единиц анализа. Скажем, психодинамика может служить единицей анализа темперамента как целого. Отношения же не могут выступать в этой роли, поскольку касаются другого целого — содержательной стороны личности, а не темперамента (Мерлин, 1973).

Свойство как базовый элемент является простым, по меньшей мере, более простым и «элементарным», чем сложное целое, в которое оно входит и маркером которого выступает. Обычно полагается, что элементы не разложимы на еще более простые составляющие, не утрачивая признаки целого. Современные факты, однако, свидетельствуют об ином. Аргументом может служить феномен расщепления типологических свойств нервной системы человека. Первоначально предполагалось, что свойство подвижности является далее неделимым. Но при факторном анализе общей матрицы интеркорреляций выявились не одна, а две группы показателей, вошедших в разные факторы. Эти факты навели Б. М. Теплова (1998) на мысль о «расщеплении» типологических свойств, в частности, подвижности — на подвижность и лабильность.

Не следует думать, что свойство как единица анализа и как базовый элемент вступают в противоречие и сталкиваются.

Они пересекаются и имеют скорее дополнительные, чем исключаяющие друг друга значения.

По свойствам оценивают индивидуальные различия. Индивидуальным свойством могут быть, к примеру, особенность нервной системы, черта и диспозиция личности, ее статус и роль в группе. Для большей ясности не будем смешивать термин «свойство» со сложными многокомпонентными и более крупными свойствами типа характера, способностей, направленности личности, темперамента и задатков. Эти сложные свойства нуждаются в отдельном анализе.

Состав свойств. В толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова (2007) понятие «состав» имеет несколько значений. К теме нашей работы наиболее близки два значения состава: 1. совокупность частей, элементов, образующих какое-нибудь целое, 2. соединение из разных элементов. Состав образуется не одним, а несколькими свойствами. Они многолокальны, и специальной исследовательской задачей является установление тех из них, которые образуют целое. Соединения элементарных свойств могут приводить к возникновению других элементарных свойств, как, например, быстрый ответ на действие стимула или синестезия, когда раздражение в одной по модальности сенсорной системе ведет к непроизвольному отклику в другой по модальности сенсорной системе. Но в результате соединения элементарных свойств могут возникать и комплексные, более сложные свойства. Их иллюстрируют понятия иерархии ассоциаций как в теории креативности Медника (Mednick, 1962), нейронной (Martindale, 1995) и семантической (Валуева, 2007; Гаврилова, Ушаков, 2012; Ушаков, 2006) сетей. Комбинации ощущений включаются в определение восприятия (Zimbardo et al., 1995).

Пересмотр понятий свойств и их составов. В дифференциальной психоло-

гии и дифференциальной психофизиологии принято подчеркивать устойчивость индивидуальных свойств (Голубева, 2010). Однако этот взгляд представляется односторонним, и он нуждается в пересмотре. Точкой отсчета для этого может быть современный тренд к переходу от стабильности и устойчивости психики и личности к изучению их изменений (Леонтьев, Митина, 2016). Во введении отмечалось, что важными являются представления, в которых бы сочетались устойчивые и изменяющиеся особенности индивидуальных свойств. Это поворот к их новому пониманию.

В первом приближении, попытаемся восполнить образовавшийся здесь пробел и предложим обновленный взгляд на свойства и их составы в дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии. Он включает дуальные представления о свойствах. Они подвергаются анализу в виде дополнительных оппозиций самотождественности / реляционности, дискретности / составности, устойчивости / изменчивости. Кратко опишем их.

Самотождественность / реляционность. Свойство индивидуальности тождественно самому себе в том смысле, что говорит только про одно — про себя. Свойство равно (одинаково) себе и не тождественно любому другому свойству. Самотождественность свойства определяет его единичное, отдельное, конкретное существование. Благодаря самотождественности, суть свойства сохраняется, даже если оно претерпевает изменения во времени. Впрочем, если более строго и точно, более уместно говорить о самоподобии, чем о самотождественности свойства. Подобие свойства себе означает, что оно не тотально самотождественно, а лишь приближенно уподобляется себе.

Это уточнение оправдано, поскольку свойство не только подобно себе. Оно существует среди множества других свойств,

отличается от них, а также вступает в те или иные отношения с ними. Так возникает реляционность свойств. По одним признакам они отличаются, другие признаки являются общими для какой-то группы свойств (Mischel & Shoda, 1999). Мы предлагаем три гипотезы. Во-первых, реляционность свойств возникает из-за различий в их самоподобии. «Построить» отношения, значит соотнести самоподобие у нескольких свойств. Во-вторых, свойство характеризуется многоаспектностью. Оно поворачивается к разным свойствам своими неодинаковыми сторонами. Это может означать, что внутренне свойство делимо. Наглядный пример тому — расщепление свойств нервной системы, описанное во введении. В-третьих, реляционность свойств дифференцируется в зависимости от того, какими именно сторонами свойства соотносятся друг с другом.

Рассмотрим, к примеру, экстраверсию и дружелюбие. Экстраверсия предполагает экспансивность и энтузиазм, а дружелюбие — заботу о других и чувствительность к их нуждам (Осин и др., 2015). Своей экспансивной стороной экстраверсия может вступать в отношения с одними свойствами, а энтузиазмом — в отношения с другими свойствами, хотя могут существовать и такие свойства, с которыми экстраверсия сопрягается благодаря и экспансивности, и энтузиазму.

Самотождественность (самоподобие) и реляционность — это две стороны одного и того же индивидуального свойства. Они не вступают в противоречие между собой, поскольку построены на разных основаниях. Скорее, они дополнительны. В целом же, можно полагать, что свойство организовано дуально. В зависимости от фокуса анализа в свойстве могут открываться самотождественность или реляционность, а также та и другая стороны совместно.

Дискретность / составность. Эти понятия развивают предыдущую пару по-

нятий, самотождественность и реляционность, с иными акцентами. Дискретность индивидуальных свойств можно понимать трояким образом. Во-первых, свойство обладает определенностью своего отдельного существования, чем выделяется и отличается от определенности существования других свойств. Это указывает на то, что у каждого свойства есть свой диапазон. За его пределами существуют другие свойства со своими диапазонами существования. Внутри своего диапазона свойство может несколько варьировать качественно и количественно, но суть свойства остается. Скажем, существенные признаки свойства остаются неизменными, а несущественные несколько изменяются. Количественная степень выраженности свойства может быть большой, средней или малой, но суть свойства опять-таки остается.

Во-вторых, индивидуальные свойства прерывны. Они зернисты, дробны, конечны и отграничены друг от друга. На границе завершается действие одного свойства и начинается действие другого. Сколько свойств — столько у них границ. Их конечность противостоит бесконечности и непрерывности, потому что во множестве всякое свойство ограничивает иное свойство, и они «заставляют» друг друга переставать быть тем, чем они есть, за пределами диапазонов своего существования. Правда, противоположность дискретности, континуальность, схватывается в экспериментах типа фи-феномена, открытого М. Вертгеймером (цит. по: Теплов, 1998). Но они не являются популярными в современной эмпирической психологии. Примером дискретности индивидуальных свойств могут быть экстраверсия, нейротизм, психотизм. Теория личности Г. Айзенка (1999) основывается на эмпирических свидетельствах их ортогональности. Ортогональность — это один из вариантов прерывности. В круговой модели личности Дж. Виггин-

са свойства доминантности и заботы прерывны, хотя между ними существуют последовательные переходы через ряд иных свойств (Wiggins, 1995). Дискретность индивидуальных свойств не исчезает и тогда, когда они связаны. Положительные корреляции общительности с экстраверсией (Мерлин, 1973) не упраздняют их дискретность.

В-третьих, свойства не всегда отличаются четкими границами. Между свойствами могут быть и размытые границы, как, скажем, переходы экстраверсии в интроверсию в количественных измерениях и психодиагностике. Когда экстраверсия и интроверсия принимают вид биполярной шкалы, граница между ними несколько условна и подвижна. Тем не менее, скачкообразные переходы от свойств к свойствам имеют место, подобно свету, который включается то в одной, то в другой комнате. Если даже свойства существовали бы непрерывно, то это не исключает их прерывность и, следовательно, скачки. Конечно, совсем не обязательно, чтобы скачки совершались мгновенно, как разовый акт. Порой для скачков может потребоваться и некоторый временной интервал. Но в обоих случаях речь будет идти о качественных различиях, коль свойства рассматриваются как разные.

Понятие составности вступает в контраст с дискретностью индивидуальных свойств и выражается в их совокупностях. Они составляются из нескольких свойств с учетом их сосуществования, сцепления, сопряжения, соединения. Составность свойств обнаруживает себя в агрегировании, композитах, структурах. При агрегировании индивидуальные свойства объединяются в группы. Скажем, в опросниках однородные пункты объединяются в шкалы как в опроснике личности Г. Айзенка (Eysenck & Eysenck, 1994), а однородные задания в тестах — в отдельные категории, как в тесте интеллекта Р. Амтхауэра (Сенин, Сорокина, Чирков, 1993;

Amthauer, 1973). Композиты представляют собой гетерогенное качество, составленное из двух или более индивидуальных свойств с четкой границей раздела между ними. Композитом может быть амальгама — сплав, смесь, сочетание чего-либо разнородного (Гаврилова, Ушаков, 2012). Мотив можно понимать как явление с двойными свойствами в том смысле, что он одновременно рассматривается как побуждение и как предмет (Дорфман, 2016).

Индивидуальные свойства организуются также в структуры. Они рассматриваются ниже, в разделе «Структуры».

Подобно самоидентификации и реляционности, дискретность и составность — это две стороны одного и того же индивидуального свойства. Опять-таки, они не вступают в противоречие друг с другом и, скорее, являются дополнительными. Дискретность и составность, взятые совместно, придают свойству дуальный характер. В зависимости от фокуса анализа в свойстве могут открываться дискретность или составность, а также та и другая стороны совместно.

Устойчивость / изменчивость. На первый взгляд, постановка вопроса об устойчивости свойств кажется несколько странной. Ведь этот признак содержится уже в определении свойства. Однако это не удвоение значения устойчивости, а вынесение ее в самостоятельную линию анализа под углом зрения сравнения с изменчивостью.

Под устойчивостью индивидуальных свойств подразумевается их определенное постоянство, а также постоянство их выражения в мыслях, эмоциях, поведении, независимо от течения времени, событий и жизненного опыта (Хелл, Зиглер, 2006). Дифференциальная психофизиология в поисках природных предпосылок индивидуальных различий выделяет устойчивые, мало изменяющиеся врожденные типологические свойства нервной системы

(Голубева, 2010). В известных пределах она предполагает стабильность и трансситуативность: относительную неизменяемость индивидуальных свойств на протяжении продолжительных периодов жизни подобно свойствам темперамента (Мерлин, 1973) и кросс-ситуативности личностных диспозиций (Mischel & Shoda, 1999). Устойчивость иллюстрируют агрессивность личности как диспозиционная агрессия (Bing et al., 2007), готовность к агрессии (Рван, 1996), враждебная установка к людям (Берковиц, 2005).

Обычно устойчивость противопоставляется психическим процессам (Goldberg, 1993). Между тем инвариантность индивидуальных свойств может сочетаться с их изменчивостью, пусть и в некоторых пределах (John, Angleitner & Ostendorf, 1988; Mischel & Shoda, 1999). Свойства могут иметь разную степень выраженности, у них могут быть подвижные границы, они могут проявляться неодинаково в разных ситуациях. С течением времени они могут изменяться.

Mischel и Shoda (1999), пожалуй, одними из первых разработали теорию когнитивно-аффективной системы личности, которая предсказывает и показывает, как устойчивая личностная система приводит к изменчивости поведения в зависимости от ситуации. Вместо того, чтобы разделять диспозиции и процессы, структуру и динамику, теория Mischel и Shoda (1999) трактует их совместно. Так возникает объединяющее устойчивость и изменчивость понятие «процессных диспозиций». Отношения между устойчивыми и изменяющимися особенностями индивидуальных свойств иллюстрирует также исследование С. А. Щебетенко (2017). Он противопоставляет черты личности рефлексивным характерным адаптациям (Я-схемам). Было установлено, что они могут опосредовать (усиливать, компенсировать и элиминировать) связи черт личности с ее жизненными проявлениями.

Кроме устойчивости и изменчивости, свойство может характеризоваться вариативностью. Выше уже отмечалась многоаспектность свойства. Свойства поворачиваются друг к другу своими разными сторонами. То есть внутренне свойства вариативны, но это не есть изменчивость в прямом значении развития, а их многовариантность. Многовариантность может служить, скорее, предпосылкой, чем характеристикой развития как такового.

Подобно самотождественности и реляционности, дискретности и составности, устойчивость и изменчивость — это две стороны одного и того же индивидуального свойства. Опять-таки, они не вступают в противоречие между собой и, скорее всего, являются дополнительными. Устойчивость и изменчивость придают свойству дуальность. В зависимости от фокуса анализа в свойстве могут открываться устойчивость или изменчивость, а также та и другая стороны совместно.

В конечном счете, можно предложить обновленный взгляд на индивидуальные свойства и их составы. Во-первых, они дуальны, поскольку им присущи самотождественность и реляционность, дискретность и составность, устойчивость и изменчивость. Во-вторых, свойствам и их составам присущ динамизм — в силу их многоаспектности, взаимопереходов и подвижности.

3. Структуры

Общие представления о структуре. Понятие структуры попадает в створ анализа понятий свойств и их составов, с одной стороны, и целого, с другой. Благодаря этому у структуры обнаруживаются разные аспекты. Кроме того, структура имеет собственное значение, относительно самостоятельное от свойств (и их составов) и от целого. Структура (от лат. *structura* — строение, расположение, порядок) представляет собой не единичные и отдель-

ные соединения, а многочисленные связи множества свойств. Структура — это организованные отношения элементов, внутренняя форма, в отличие от внутреннего содержания, которое раскрывает состав свойств (Сагатовский, 2011).

Связность свойств определяет их структуру. Связность — это сопряжение многих свойств и создание из них комплексов, групп, факторов, целого. Свойства в них в той или иной степени сцепляются и вступают во взаимосвязи, прямо или опосредовано через другие свойства. Связность противостоит расслоению свойств, а интеграция — их диверсификации.

Не так давно структуру трактовали как относительно устойчивые связи свойств, способ их организации в систему. Структура понималась статично, подобно тому, как устроена атомная кристаллическая решетка. Поиск статичных структур был основополагающей идеей структурализма. Структура исследовалась как данность, взятая вне времени, как связность, не подверженная изменениям (см. Гуц, Паутова, 2013). В последние десятилетия намечается отход от классического представления о структуре как жесткой конструкции. Новый тренд заключается в том, чтобы рассматривать структуру как изменяющуюся, динамическую и с подвижными границами. Ее признаками оказываются вариативность и многовариантность, пусть и в некоторых пределах. Понятие структуры стало пониматься динамически (Вяткин, 2015; Гуц, Паутова, 2013; Мерлин, 1986; Bhaskar, 2008).

Двухфакторная теория Спирмена (Spearman, 1904) показывает иерархическое строение интеллекта. Его вершину образует генеральный фактор (g фактор), затем следует групповой фактор (s factor), составленный из специальных способностей. В мультифакторной теории интеллекта Терстоуна (Thurstone, 1938), наоборот, выделяется некоторое число «пер-

вичных способностей», отдельных и некоррелирующих, генеральный же фактор отвергается. Развернувшиеся дебаты вокруг этих теорий оригинально разрешил Г. Айзенк. Он показал, что в структуру интеллекта может включаться и генеральный фактор по Спирмену, и «первичные способности» по Терстоуну (Eysenck, 1995). В этом пункте анализа Г. Айзенк остановился. Но мы делаем еще шаг и рассматриваем эмпирические данные Спирмена и Терстоуна в пользу изменчивости структуры интеллекта.

Между тем в зависимости от условий структуры могут быть и статичными, и изменяющимися. Структурное разнообразие возникает благодаря подвижности структур и их взаимопереходам.

В исследовании дисциплины были установлены три структуры: унитарная, дуальная параллельная и дуальная с пересечениями. Унитарная структура включала одно измерение, дуальная параллельная — два измерения, социальную дисциплину и самодисциплину, дуальная с пересечениями — три измерения, общую дисциплину, социальную дисциплину и самодисциплину. Полученные результаты объясняются феноменом изомерии и преимуществами латентной интеграции структур дисциплины (Дорфман и др., 2017).

Разновидности структур. Существует большое разнообразие структур. Будем исходить из того, что их можно упорядочивать по особенностям их внутренней связности и по большей части абстрагируемся от того, что в них мыслится, какие индивидуальные свойства и в каком составе. Обозначим только некоторые разновидности структур а) межсистемные, внутрисистемные и локальные, б) иерархические и многомерные, в) параллельные и пересекающиеся, г) факторные и каузальные.

Сделаем некоторые уточнения. Не все структуры, которые систематизиру-

ются, установлены эмпирически, некоторые лишь предсказываются. Для предсказаний имеются теоретические основания. Но вопрос о том, существуют ли они в действительности, пока остается открытым. Разновидности структур пересекаются, ноне сводятся друг к другу, каждая структурная разновидность покоится на собственном основании.

Также отметим, что речь идет о вероятных и латентных структурах, причем под углом зрения их доступности статистическому анализу. Конечно, чисто теоретический анализ позволяет абстрагироваться от вероятностного подхода и необходимости дальнейшей эмпирической верификации структур. Ведь структуры могут быть и наблюдаемыми как, скажем, при корреляционном анализе переменных, а не только латентными. Тем не менее, налагаемые нами ограничения увязываются с пределами эмпирической психологии (Дорфман, 2012).

Теперь кратко охарактеризуем обозначенные выше разновидности структур.

Межсистемные, внутрисистемные и локальные структуры. Основой введения и различения межсистемных, внутрисистемных и локальных структур является критерий их масштаба и объема содержания: межсистемные структуры — наиболее крупные и объемные, масштаб и объем внутрисистемных структур — поменьше, наиболее мелкими и менее объемными являются локальные структуры. Подобно конструктивизму (Петренко, 2010), концепция метаиндивидуального мира признает множественность истины. Наша концепция относится к разряду плюралистических теорий и основана на полисистемном подходе (Дорфман, 2016). Эти позиции приводят к выделению межсистемных, внутрисистемных и локальных структур.

В концепции метаиндивидуального мира *межсистемные* структуры свойств основаны на представлениях о двойных

базовых системах. Одна базовая система (система 1) возникает в отношениях личности к ее ближнему окружению (при одних обстоятельствах), другая базовая система (система 2) — от ближнего окружения к индивидуальности (при других обстоятельствах). Системы 1 и 2 направлены навстречу друг другу, но не совпадают, а расходятся, разделены, не сшиваются и не сталкиваются. В системе 1 открываются одни аспекты личности, в системе 2 — другие. Загадку о сосуществовании систем 1 и 2 можно отнести к тому же ряду, что и загадка о том, как одна и та же точка может относиться к двум прямым (James, 1904/1976). Точка на пересечении двух прямых — это метафорическое выражение личности, распределенной по системам 1 и 2, т.е. в разных «местах», «здесь» и «там». Межсистемные структуры обеспечивают интеграцию систем 1 и 2. Понятно, что для монистических (унитарных) теорий тема межсистемных структур является закрытой.

Концепция метаиндивидуального мира (Дорфман, 2016) позволяет также ставить вопросы о *внутрисистемных структурах*. Они имеют меньший масштаб в сравнении с межсистемными структурами, поскольку первые встроены во вторые. Можно наметить специфику структур в системах 1 и 2. В упрощенном виде система 1 объединяет личность и ее ближнее окружение так, что ядром системы 1 является личность (системообразующий фактор), а периферия этой системы образует ближнее окружение (подсистема). Система 2 тоже объединяет личность и ее ближнее окружение, но их отношения оборачиваются в сравнении с отношениями в системе 1. В упрощенном виде система 2 объединяет личность и ее ближнее окружение так, что ядром системы 2 является ближнее окружение (системообразующий фактор), а на периферию этой системы выносятся личность (подсистема). Каковы особенности внут-

рисистемных структур с учетом того, что личность и ее ближнее окружение меняются ролями в системах 1 и 2? Какие индивидуальные свойства и их составы включаются в каждую из этих систем, учитывая подвижность их ролей в них? Возникают ли структуры между системообразующими факторами и их периферией в разных системах? Пока концепция метаиндивидуального мира имеет ограниченные ответы на эти вопросы, но, по меньшей мере, позволяет их поставить и подвергнуть эмпирической верификации в широком диапазоне.

К *локальным структурам* можно отнести домены. В концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 2016) выделяются четыре домена: авторство, обладание, принятие и принадлежность. Домен авторства открывает склонность индивидуальности действовать самостоятельно и производить свободные выборы по собственным основаниям (Дорфман, 2004; Петровский, 1997). Внутреннюю структуру домена авторства образуют переменные автономности, доминантности, самоуважения, независимости в поступках, ориентации на внутренний контроль, ответственности против самообвинения, целенаправленности, находчивости, агрессивности, Авторского Я как субмодальности Я-концепции. Домен обладания показывает стремление индивидуальности владеть кем-либо или чем-либо как своей собственностью (Дорфман, 2004; Pierce, Kostova & Dirks, 2003). Внутреннюю структуру домена обладания образуют переменные доминантности, аффилиации и склонности к достижениям, экстраверсии, поиска новых ощущений, беспорядка против регламентации, независимого (доминирующего) типа межличностных отношений, растормаживания, воплощенного Я как субмодальности Я-концепции. Домен принятия обозначает склонность индивидуальности принимать внешнее

окружение таким, какое оно есть и существует. Индивидуальность оценивает ситуации, состояния или предметы глазами близких людей (Echterhoff, Higgins & Levine, 2009; Mead, 1934). Внутреннюю структуру домена принятия образуют переменные поддержки, ценностных ориентаций, спонтанности, представлений о природе человека, превращенного Я как субмодальности Я-концепции. Домен принадлежности касается склонности индивидуальности тяготеть к людям, устанавливать отношения и объединяться с ними (Deci & Ryan, 2012). Внутреннюю структуру домена принадлежности образуют переменные склонности к интроверсии, принимать опеку, сентиментальности, привязанности, социальной желательности, отзывчивости, повышенного нейротизма, пониженного самоуважения и самопринятия, неуверенности — покорности, страха отвержения, конформности, внешнего локуса контроля, беспомощности, сотрудничества, вторящего Я как субмодальности Я-концепции (Дорфман, 2002; 2004; Дорфман, Зубакин, 2008).

Домены структурированы не только внутренне. Их отношения также структурированы, т.е. они внешне структурированы. Более того, по некоторым переменным домены пересекаются, и это обстоятельство позволяет предположить, что эти переменные играют роль опосредующих звеньев, обеспечивающих встраивание внутренних структур доменов в их общую структурную организацию.

Иерархические и многомерные структуры. Вопросы иерархических и многомерных структур обычно возникают в теориях, которые ориентируются на системный подход. Понятия систем и структур весьма близки и порой объединяются, как в структурно-функциональном подходе (Абушенко, 2003). Вместе с тем понятия систем и структур не тождественны. Структура обеспечивает связь

ность системе, организует и упорядочивает ее, но не сводится к ней.

Иерархические структуры. Иерархические структуры строятся по критерию выделения и различения уровней в изучаемом явлении по «вертикали». Довольно много иерархических подходов применяется к анализу психики и ментальных явлений. Интегральная теория психических процессов Л. М. Веккера (1974–1981) изучает уровни ментальной иерархии, начиная с ощущений и анализа эмоций, затем сквозных процессов (внимания, памяти и антиципации), и кончая базовыми уровнями сознания (Либин, Либина, 2008). Концепция холономности описывает взаимоотношения части и целого. Это не части в целом, а два отношения, и целое, и часть к разным уровням. Они складываются в структуру холона, образуя холономную иерархию (Дорфман, 2000; Stamps, 1980). Проблему структурирования по линиям ее иерархии также ставил и разрабатывал В. С. Мерлин (1986) в своей теории интегральной индивидуальности. На эту теорию мы опираемся далее.

Иерархичность индивидуальности обнаруживается в ее уровневом строении; в ней выделяется некоторое множество относительно самостоятельных уровней с разными закономерностями — биохимическими, физиологическими, индивидными, личностными, социально-психологическими. Иерархия уровней не означает их соподчинения. Они не существуют по принципу соотношения целого и частей: части в целом, единицы в частях, элементов в единицах. Одни уровни не встраиваются в состав других уровней по принципу матрешки. Напротив, разные уровни относительно автономны и потому функционируют независимо друг от друга и не редуцируются друг к другу (Мерлин, 1986).

Иерархические структуры, так сказать, преодолевают своеобразие уровне-вых детерминаций и «шнуруют» уров-

ни индивидуальности воедино. Согласно В. С. Мерлину (1986), основанием для иерархических структур выступают полиморфные связи между разноуровневыми индивидуальными свойствами. «Задача» полиморфных связей является двойкой. Во-первых, они направлены на сохранение своеобразия отдельных уровней. Во-вторых, они обеспечивают связность уровней, несмотря на их своеобразие. Если между индивидуальными свойствами возникают разные варианты однозначных связей, они служат индикаторами внутриуровневых структур. Если между индивидуальными свойствами возникают полиморфные связи, они служат индикаторами межуровневых структур.

Многомерные структуры. Многомерные структуры строятся по критерию выделения и различения измерений в изучаемом явлении по «горизонтали». В теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина (1986) и концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 2016) многомерные структуры устанавливаются в отношениях индивидуальности с людьми. Индивидуальность может принимать по отношению к ним как позицию субъекта (одно измерение), так и позицию объекта (другое измерение) (Мерлин, 1986). Вопрос многомерных структур касается взаимоотношений свойств индивидуальности в обеих позициях. В. С. Мерлин (1986) приводит ряд эмпирических свидетельств о том, что эти позиции сопрягаются с разными индивидуальными свойствами, и в то же время многомерные структуры объединяют их.

Мы развиваем представления о многомерных структурах индивидуальности, опираясь на системный подход В. П. Кузьмина (1982а, б), поддержанный в психологии (Барабанщиков, 2007; Ломов, 1984). Этот подход позволяет расширить вопрос многомерных структур, применяя его к полисистемам (Вяткин, Дорфман, 2017). Если в индивиду-

альности подразумеваются не одно, а несколько измерений, не одна, а несколько систем, порождающих их, значит, мы имеем дело с многомерной структурой индивидуальности.

Параллельные и пересекающиеся структуры. Положение о двойных системах в метаиндивидуальном мире (Дорфман, 2016) позволяет поставить вопрос о параллельных и пересекающихся структурах.

Параллельные структуры. Параллельные структуры строятся по критерию их автономности. Употребляя термин параллельности, мы имеем в виду тот случай, когда системы 1 и 2 не пересекаются и лежат в разных плоскостях. С учетом взаимоотношений, структуру каждой системы можно трактовать как составленную из гомогенных (однородных) свойств. Свойства мотива как побуждения являются гомогенными в смысле их отношений к свойствам мотива как предмета и отличий от него. И, наоборот, свойства мотива как предмета являются гомогенными в смысле их отношений к свойствам мотива как побуждения и отличий от него. Соответственно внутрисистемные структуры можно трактовать как гомогенные. Структуры в системах 1 и 2 могут отличаться тем, что они составлены из гомогенных свойств, присущих своим системам. В этом смысле структуры в системах 1 и 2 могут быть автономными и параллельными.

Пересекающиеся структуры. Пересекающиеся структуры строятся по критерию их частичного взаимного наложения. Как можно понимать частичное пересечение структур систем 1 и 2? Пересекаясь, они не сливаются, но в каких-то аспектах перекрывают друг друга. Базовое предположение состоит в том, что в зоне покрытия структуры систем 1 и 2 имеют некоторую область общего. Пересекающиеся структуры в их общей области обозначаются как гетерогенные, поскольку

они составлены из свойств системы 1 и свойств системы 2. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что структуры могут быть и параллельными, и пересекающимися, но более вероятными являются пересекающиеся структуры. Они обеспечивают системную интеграцию индивидуальности человека (Вяткин, Дорфман, Калугин, 2018; Дорфман и др., 2017).

Факторные и каузальные структуры. Факторные и каузальные структуры строятся по статистическому критерию. Статистический анализ не происходит из какой-либо психологической теории и не производит ее. Вездесущность статистического анализа проявляется, прежде всего, тогда, когда он используется индуктивно, т.е., исходит из самого себя. Если же он используется дедуктивно, ему предшествует психологическая теория, а затем создаются и верифицируются ее операциональные модели, без статистики здесь не обойтись.

Под факторными подразумеваются структуры факторов, а не структуры свойств. Так, с позиций концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 2016) факторные структуры, основанные на конфирматорном факторном анализе, позволяют судить о пригодности структурных моделей и сравнивать их на предмет выявления наиболее пригодных. По критерию общности, скажем, можно устанавливать значимые иерархические и многомерные, внутрисистемные и межсистемные, как и параллельные и пересекающиеся латентные структуры.

О пригодности структурных моделей каузальности (точнее, квазикаузальности) можно судить на основании *структурных линейных уравнений*. Обычно каузальность рассматривается в процессуальном плане (Salmon, 1998). Вместе с тем ее можно исследовать и структурно, изучая вопрос связанности причин и следствий, их общей структурной организации. На языке структурных линейных

уравнений о каузальных структурах судят по вкладам экзогенных переменных в эндогенные. Возьмем, к примеру, автономию личности. Она может выступать внутренним локусом каузальности (Deci & Ryan, 2012). Личность трансформирует ближнее окружение или совершает выборы отдельных членов в нем по лекалам своей самости. Это значит, что в статусе автономной личность самоосуществляется в членах ближнего окружения. Если поведение индивидуальности основывается на внешних требованиях или ожидаемой награде, это внешняя каузальная ориентация, тип мотивации с соответствующими когнитивными, аффективными и другими характеристиками индивидуальности (Deci & Ryan, 2012). Исследования каузальных структур могут носить, конечно, и более сложный характер. Так, в модель могут включаться не одно, а несколько явлений, скажем, креативное мышление и вера в интуицию (Дорфман, Бутакова, 2015). Еще более сложной является модель с каузальными цепями, составленными из опосредующих звеньев (Дорфман, 2014).

4. Отношения структур и составов свойств

Проблема. До сих пор понятия свойств, их составов и структур употреблялись отдельно, вопрос же их отношений оставался открытым. Как отмечалось выше, атомизм довольствуется свойствами, их составами и не видит необходимости в восхождении от них к структурам. В структурном анализе, наоборот, внимание перенесено с элементов на их отношения. Так закрепился основной принцип структурализма: методологический примат отношений над элементами. Отголоски этого противостояния обнаруживаются и на эмпирическом поле, скажем, в дискуссиях об устройстве интеллекта между Спирменом (Spearman, 1904)

и Терстоуном (Thurstone, 1938), которые излагались выше.

В последние десятилетия, однако, наметилась тенденция рассматривать понятия состава и структуры совместно. Она пробивает себе дорогу в дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии в русле интегративных подходов (Ананьев, 2001; Вяткин, 2015; Вяткин, Дорфман, 2017; Голубева, 2005; Дорфман, 2016; Мерлин, 1986). Но отношения составов и структур в этих подходах угадываются скорее интуитивно и только эмпирически. К примеру, свойства индивидуальности относят к ее составу, а связи свойств — к ее структуре. Методологически же отношения структур с составами свойств нуждаются в дополнительном освещении.

Фундаментальной является проблема отношений структур и составов свойств. Предлагается выделить в ней две стороны. В этом разделе анализу подвергаются отношения структур с составами свойств, в следующем разделе — отношения структур с целостностью.

Отношения структур и составов свойств рассматриваются в трех аспектах: один состав — одна структура (статичность), меняется состав — несколько структур (полиморфизм), один состав — несколько структур (изомерия).

Один состав — одна структура. Предполагается, что системе придают стабильность один состав свойств и одна структура. Система «стремится» сохранять неизменность и устойчивость, длительно сохраняться во времени. При этом состав свойств и их структура консервируются, а ее разнообразие сужается. Такого рода систему можно уподобить атомной кристаллической решетке, частицы которой находятся в строгом и четко заданном порядке, а решетка имеет прочность как в алмазе. Тенденция системы к сохранению сдерживает тенденцию к ее изменению.

В исследовательском плане, вопрос о том, являются ли состав свойств и их структура устойчивыми, можно оценить путем сравнения их с иными составами и структурами, в обоих случаях касающихся того же явления.

В работе Л. Я. Дорфмана (Dorfman, 2016) аффективные значения личных местоимений («я», «мой», «меня», «они») изучались посредством семантического дифференциала Ч. Е. Осгуда через показатели оценки, силы, активности (О—С—А). Тестировались 5 моделей, используя конфирматорный факторный анализ. В модель 1 включались О, С и А в роли отдельных и не коррелирующих латентных факторов, в модель 2 — О, С и А в роли отдельных и коррелирующих латентных факторов. В модель 3 О, С и А включались в один латентный фактор, в модели 4 аффективные значения личных местоимений распределялись по четырем отдельным и не коррелирующим латентным факторам, и О, С и А были их индикаторами. В модели 5 аффективные значения личных местоимений распределялись по четырем отдельным, но коррелирующим латентным факторам, и О, С и А были их индикаторами. Было установлено, что модель 5 была статистически пригодной, а остальные модели, наоборот, непригодными. Значит, состав и структуру аффективных значений личных местоимений в модели 5, можно рассматривать устойчивой, поскольку они противостояли вариантам составов и структур аффективных значений в моделях 1–4.

Изменяющиеся составы и изменяющиеся структуры: полиморфизм. Отношения изменяющихся составов свойств и изменяющихся структур индивидуальности иллюстрирует феномен полиморфизма. Конечно, динамичность системы не сводится только к полиморфизму. Системы могут изменяться, развиваться, приобретать новые качества и по иным причинам. Мы заостряем внимание на полиморфиз-

ме, так как он имеет большую историю, естественнонаучные прототипы и глубоко проработан.

Общие представления о полиморфизме. Понятие полиморфизма (от греч. polymorphos — многообразный) означает, что явление имеет несколько составов свойств и несколько структур. По одним источникам, явление полиморфизма было открыто М. Клапротом в 1798 г., по другим — Э. Мичерлихом в 1822 г. Полиморфизм встречается в физических и химических явлениях. Две модификации углерода — кубическая (алмаз) и гексагональная (графит) — различаются по физическим свойствам. Белое олово с тетрагональной кристаллической решеткой — пластичный металл, а серое олово с алмазоподобной тетрагональной решеткой — хрупкий полупроводник. Полиморфизм наблюдается и у жидких кристаллов. Модификации вещества называют полиморфными, а переходы из одной модификации в другую — полиморфными превращениями. Диоксид кремния имеет десять полиморфных модификаций, фторид кальция — шесть, нитрат аммония — четыре (Верма, Рам Кришна, 1969).

Ю. А. Урманцев (1988) открыл закон системной полиморфизации. Он гласит, что любой объект есть полиморфическая модификация и любая полиморфическая модификация принадлежит хотя бы одному системному полиморфизму. Полиморфизмы бывают не только физическими и химическими, они могут быть социальными, биологическими, геологическими. Зафиксированы пространственный, временной, динамический, субстанциональный и производные от них полиморфизмы (Урманцев, 1988). Все эти факты поддерживают идею Н. И. Вернадского (1892) о полиморфизме как общем свойстве материи.

Несколько составов свойств и несколько структур. В психологии представления о полиморфизме разрабатывал в струк-

турном ключе В. С. Мерлин (1986). У него своеобразие полиморфизмов заключается в следующем. Во-первых, они возникают между индивидуальными свойствами разных уровней индивидуальности и описывают их связи. Связи являются много-многозначными. Во-вторых, полиморфные связи имеют значимо вероятностный, а не случайный характер. В-третьих, существует равная вероятность связи свойства *a* уровня *A* с одним, другим или третьим свойством уровня *B*. И наоборот, существует равная вероятность связи свойства *b* уровня *B* с одним, другим или третьим свойством уровня *A*.

Возьмем, к примеру, корреляции некоторых свойств темперамента и отношений личности. В теории В. С. Мерлина (1986) их относят к разным уровням индивидуальности. Экстраверсия (темперамент) коррелирует с коллективистическим самоопределением, агрессивным отношением к людям и авторитарной установкой (личность). Агрессивное отношение к людям (личность) коррелирует с экстраверсией и экстрапунитивностью при фрустрации (темперамент). Экстрапунитивность при фрустрации (темперамент) коррелирует с агрессивным отношением к людям, авторитарной установкой, контролем враждебности и установкой на доминирование (личность), а агрессивное отношение к людям (личность) — с экстраверсией и экстрапунитивностью при фрустрации (темперамент).

Полиморфизм развертывается, как минимум, в четырех направлениях: а) состав свойств является переменным, он меняется; б) из нескольких составов свойств образуется несколько структур; в) между ними возникают переходы, и потому возможна их взаимозаменяемость; г) предсказывается появление свойств и структур с новыми качествами.

Некоторые эмпирические данные поддерживают эти представления о полиморфизмах. В исследовании ценностных

ориентаций и темперамента средствами структурного моделирования обнаруживались значимые пути между их чертами и свойствами. Они не совпадали, а при их аналитическом объединении появлялась картина полиморфных путей (Вяткин, Дорфман, Калугин, 2018). Значит, черты и свойства совершают взаимные вклады, и речь может идти о модификациях (внутри структур), превращениях (между структурами), появлении составов свойств и структур с новыми качествами, — как внутри структур, так и между ними.

Иерархические полиморфные составы и структуры придают индивидуальности динамизм. Она приобретает разнообразные формы и состояния, а отношения между свойствами разных уровней имеют открытый, подвижный и изменчивый характер. Тем самым полиморфизм вступает в оппозицию к традиционным представлениям о замкнутых и статичных структурах. Удержание составов и структур индивидуальных свойств в разнообразии их форм — основной результат процессов полиморфизации.

Одинаковый состав и изменяющиеся структуры: изомерия. Отношения одинаковых составов свойств и изменяющихся структур индивидуальности иллюстрирует изомерия. Подобно полиморфизму, она тоже характеризует динамичность системы. Опять-таки, динамичность не сводится только к изомерии. Скорее всего, системы могут меняться и в иных направлениях. Мы заостряем внимание на изомерии, поскольку она тесно сопрягается с полиморфизмом, имеет большую историю и глубоко проработана в естественных науках.

Общие представления об изомерии. Изомерия имеет дело с одним и тем же составом свойств, а на их основе возникают несколько структур. Изомерию сближает с полиморфизмом то, что та и другая имеют дело с изменяющимися структурами. Изомерия же отличается от поли-

морфизма тем, что ее состав остается неизменным, в то время как при полиморфизме составы свойств меняются так же, как и структуры.

В 1823 г. Ю. Либих и Ф. Велер установили, что в составе одного и того же AgCNO существуют два разных по свойствам вещества — циановокислородное (AgNCO) и гремучее (AgONC) серебро. Это были первые факты о химической изомерии. Термин «изомерия» ввел Й. Берцелиус в 1830 г. после исследований винной и виноградной кислоты. Он предположил, что различия возникают из-за разного распределения простых атомов в молекуле. Подлинное объяснение изомерии получила во второй половине XIX в. на основе теории химического строения А. М. Бутлерова (структурная изомерия) и стереохимического учения Я. Г. Вант-Гоффа (пространственная изомерия). Известный русский химик А. М. Бутлеров обнаружил, что физические и химические свойства веществ зависят от порядка соединения атомов, а не только от их состава. Тем самым он обосновал феномен изомерии. Бутан и пропан имеют одинаковый состав атомов, но неодинаковые структуры, поэтому они — разные вещества. Среди органических соединений класса алканов выделяются нормальный бутан (n -бутан) и его изомер изобутан. Они имеют одинаковый состав атомов (4 атома углерода и 10 атомов водорода), но неодинаковые структуры. В первом случае имеет место C_4H_{10} , во втором — $\text{CH}(\text{CH}_3)_3$. Нормальный бутан и изобутан являются веществами с разными физико-химическими свойствами. Химические превращения в результате структурных взаимопереходов называют изомеризацией. Явлений изомерии в химических соединениях довольно много. Так, известно около семидесяти структурно-изомерных дециловых спиртов (Сланина, 1984).

Один состав свойств и несколько структур. В психологии изомерия из-

учалась применительно к эмоциональным переживаниям. Было установлено, что при одном и том же составе, но разных структурах возникают неодинаковые по качеству и динамике эмоциональные переживания. Эти факты свидетельствуют о существовании феномена эмоциональной изомерии (Дорфман, 1997). Л. Я. Дорфман и В. Н. Лядов (2015) показали, что состав дисциплинированности может складываться из общей дисциплинированности, социальной дисциплинированности и самодисциплинированности. Было установлено, что при одном и том же составе могут возникать несколько структур дисциплинированности: «вилка», «дуга», «кольцо». Как и предсказывалось, они были пригодны и равновероятны, т.е. имел место феномен структурной изомерии.

5. Структуры и целостность

Структуры и целое объединяет понятие связи (связности). Связь имеет, по меньшей мере, два значения: отношения свойств и общность свойств. Отношения свойств — это вопрос их структуры. Общность свойств — это шаг в сторону понимания целого (Вяткин, Дорфман, 2017). Но вопрос отношений структур с целым остается в тени.

Целое (целостность) и общее (общность). Понятия целого и целостности имеют тонкие различия. Целое — это способ существования системы, которая уже сложилась. Целостность — это становление системы в целое. Несколько упрощая, можно сказать, что в системе целостность есть процессуальная характеристика, а целое — результативная.

Целое возникает как новое состояние в сравнении с множеством свойств, которые, в принципе, могут и не приводить к целому. Там, где есть целое, всегда есть множество свойств, но не наоборот — множество свойств может существовать

раздельно, не образуя целое. В плане целого множество свойств необходимо, но недостаточно. Между свойствами наводятся «мосты», связывающие их. Составы свойств и наведение «мостов» приводят к появлению структур, обеспечивающих целостность системе, а затем и существования ее как целого. Во многом целое — это синоним понятия системы (Кузьмин, 1982а; Моисеев, 2015). Более строгим, однако, является понимание системы и как целого, и как целостности. Целостность и закономерности ее образования есть важная сторона системного подхода (Кузьмин, 1982а).

Попытки перевести это методологическое положение в теоретическое и эмпирическое русло, по меньшей мере, в науках о человеке, приводят к проблеме установления целого. Целое — это полагаемый конструкт. Оно происходит из теоретического мышления, а фрагмент реальности, который оно описывает, может восприниматься и наблюдаться, но целое не измеряется и не вычисляется. С этой стороны соответствие целого реальности остается недоопределенным. Операционализация понятий целостности и целого также является для психологов трудно решаемой задачей.

В современной науке идеи общности и общего гораздо лучше развиты, чем идеи целостности и целого. Господствующая со времен Аристотеля дедуктивная логика выражала логику общего, а не целого (Моисеев, 2015). Не будем вдаваться в различия между философскими категориями целого (целостности) и общего (общности). Просто отметим, что введение в оборот системного анализа понятий общего (общности) и частного — это ступень к пониманию целостности и целого.

Замена целого на общее и части на частное не ущемляет логику системного анализа. Базовые признаки целого обнаруживаются и у общего. Подобно целому, общее основано на множестве объек-

тов. Явления могут входить во взаимные отношения в общем так же, как в целом. Подобно целому, общее есть новое качество (состояние), которое отсутствует у отдельных (частных) явлений. Согласно И. Канту (2006), общее существует как нечто внеположное и не сводимое к отдельным явлениям, но содержится также в них как их неотъемлемый атрибут. Общее объединяет разные явления, а различия между ними указывают на их своеобразие в том, как сочетаются общее и видовое, общее и индивидуальное.

К преимуществам включения в системный анализ понятия общего (общности) в сравнении с понятием целого (целостности) можно отнести следующие:

1. Подобно целому, общее — это полагаемый конструкт. Общее не наблюдается, прямо не измеряется, но, в отличие от целого, вычисляется посредством определенных методов статистики.
2. Общее как теоретический объект можно операционализировать, переводя его в разряд эмпирических понятий.
3. Общности можно подвергать эмпирическому тестированию и отделять эмпирически поддержанные общности от массива данных, имеющих случайный характер и не объединенных общностью.

Общность объясняет составы свойств и структур. Общности объясняют составы свойств, а не наоборот. Об этом свидетельствует, в частности, логика эксплораторного факторного анализа. Психологически фактор есть латентная общность, объясняющая наблюдаемый состав свойств. Переменные внутри фактора выступают маркерами свойств, величины факторных весов переменных — индикаторами степени их близости к общности. В исследовании Б. А. Вяткина,

Л. Я. Дорфмана, А. Ю. Калугина (2018) было установлено, что переменные ценностных ориентаций «духовная удовлетворенность», «социальные контакты», «саморазвитие» и «достижения» попадают в один фактор со значимыми факторными весами. Фактор объясняет их латентной общностью. В то же время переменные ценностных ориентаций «престиж», «материальное благополучие», «психическая активность», «физическая активность», «креативность», «сохранение индивидуальности» попадают в этот же фактор с незначимыми факторными весами. Их нельзя объяснить той же латентной общностью, и они исключаются из этой общности. Следовательно, общность касается не всех свойств ценностных ориентаций, только части из них.

К этому добавим предположение об отношении общности к структуре. Общность касается состава свойств, но не объясняет их структуру, а структура устанавливается на основе состава свойств, а не напрямую из общности. Иначе говоря, структура устанавливается у состава именно тех свойств, которые объясняются их общностью. Тогда вырисовывается следующая цепь «событий»: общность — состав свойств — структура. Данная цепь, устанавливаемая эмпирически, вступает в столкновение с логической последовательностью, которая предполагает движение от свойств к их составам, затем к структурам и после к общностям.

Заключение

Была предпринята попытка наметить некоторый порядок в «хозяйстве» методологических и теоретических основ дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии в рамках естественнонаучного подхода и в границах эмпирической психологии. Исследование опиралось на идею совмещения анализа и синтеза, диверсификации и ин-

теграции. В качестве базовой рассматривалась триада свойств, составов, структур. Свойства и их составы обособлялись, составы и структуры обособлялись, структуры и целостность (общность) обособлялись, а затем рассматривались их взаимоотношения.

Разрабатывался обновленный взгляд на свойства и их составы. Предлагалось рассматривать свойства как дуальные, поскольку им присущи самотождественность / реляционность, дискретность / составность, устойчивость / изменчивость. Свойствам и их составам присущ также динамизм — в силу их многоаспектности, взаимопереходов и подвижности. Структуры могут быть статичными и изменяющимися, иметь разнообразные формы. Выделялись и анализировались такие разновидности структур, как а) межсистемные, внутрисистемные и локальные, б) иерархические и многомерные, в) параллельные и пересекающиеся, г) факторные и каузальные.

В последние десятилетия наметилась тенденция рассматривать понятия состава и структуры совместно. Она пробивает себе дорогу в русле интегративных подходов. Была поставлена фундаментальная проблема соотношения составов свойств и структур. Предлагалось выделить в этой проблеме две стороны: отношения структур и составов свойств, отношения структур и целостности. Отношения составов свойств и структур рассматривались в трех аспектах: один состав — одна структура (статичность), изменяющиеся составы — изменяющиеся структуры (полиморфизм), один и тот же состав — изменяющиеся структуры (изомерия).

По ряду соображений, отношения структур и целостности реформировались в отношении структур и общностей. Выяснилось, что общности объясняют составы свойств. Общности объясняют и структуры, но опосредовано, через составы свойств. Эти представле-

ния помогают понять и осмыслить некоторые пути конвергенции и интеграции холизма (структурализма) и атомизма.

Литература

- Абушенко В. Л. (2003) Структурно-функциональный анализ // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов и др. Минск: Книжный дом. С. 1098–1101.
- Айзенк Г. Ю. (1999) Структура личности. М.: КСП+; СПб.: Ювента.
- Ананьев Б. Г. (2001) Человек как предмет познания. СПб.: Питер.
- Барабанищikov В. А. (2007) Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 86–99.
- Беляев Г. В. и др. Атомизм. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. 2010–2017 (последняя редакция: 02.10.2017) URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7330>.
- Берковиц Л. (2005) Агрессия: причины, последствия, контроль. М.: Айрис-пресс.
- Валуева Е. А. (2007) Интеллект, креативность и процессы активации семантической сети. Автореф. дисс. канд. психол. наук. М.
- Веккер Л. М. (1974–1981) Психические процессы: в 3 т. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Верма А., Рам Кришна П. (1969) Полиморфизм и политипизм в кристаллах. М.: Мир.
- Вернадский Н. И. (1892) О полиморфизме как общем свойстве материи: лекции // Ученые записки Московского университета, отделение естественно-исторических наук. № 9. С. 1–18.
- Вяткин Б. А. (2008) Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. 2 изд. М.: МПСУ.
- Вяткин Б. А. (ред.) (2015) Индивидуальность растущего человека в условиях современной школы. Пермь: Перм. нац. исслед. политех. ун-т.
- Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. (2017) Теория индивидуальности В. С. Мерлина: история и современность // Образование и наука. № 2. С. 145–160.
- Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я., Калугин А. Ю. (2018) Общее и различия в ценностных ориентациях и психодинамике студентов: интегративная модель. Сообщения 1 и 2 // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика (в печати).
- Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В. (2012) Использование периферийной информации в решении задач как функция интеллекта // Экспериментальная психология. № 3. С. 21–31.
- Голубева Э. А. (2005) Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс+.
- Голубева Э. А. (2010) Общая и дифференциальная психофизиология: взаимовлияния научных школ Б. М. Теплова и Е. Н. Соколова // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. № 4. С. 32–56.
- Гуц А. К., Паутова Л. А. (2013) Глобальная этносоциология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Дорфман Л. Я. (1997) Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл.
- Дорфман Л. Я. (2000) Проблема целого и части в зарубежных системных исследованиях // Вестник Пермского гос. пед. ун-та. Сер. 1. Психология. № 1–2. С. 114–122.
- Дорфман Л. Я. (2002) Дивергенция и конструкт Я // Личность, креативность, искусство / отв. ред. Е. А. Малянов и др. Пермь: Изд-во ПГИИК; Изд-во ПСИ. С. 141–184.
- Дорфман Л. Я. (2004) Я–концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана. М.: Смысл. С. 96–123.
- Дорфман Л. Я. (2008) Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина. Методология и история психологии. Вып. 3. С. 106–121.
- Дорфман Л. Я. (2012) Эмпирическая парадигма в психологической науке // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН. С. 335–379.
- Дорфман Л. Я. (2014) Каузальный плюрализм и психология (окончание) // Мир психологии. № 4 (80). С. 230–246.
- Дорфман Л. Я. (2016) Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 98–136.

- Дорфман Л. Я. (2017) Эмпирическая психология. Исторические и философские основы. М.: Юрайт.
- Дорфман Л. Я. и др. (2017) Дуальная модель дисциплины // *Филология и культура. Philology and Culture*. № 4.
- Дорфман Л. Я., Бутакова А. А. (2015) Вклады веры в интуицию и логического мышления в креативное мышление // *Творчество: наука, искусство, жизнь*. М.: Институт психологии РАН. С. 149–152.
- Дорфман Л. Я., Зубакин М. В. (2008) Новые данные об эмпирических референтах областей метаиндивидуального мира // *XXIII Мерлинские чтения: «Активность – индивидуальность – субъект»* / науч. ред. Б. А. Вяткин. Пермь: Пермский государственный педагогический университет. С. 35–37.
- Дорфман Л. Я., Лядов В. Н. (2015) Метаиндивидуальная модель дисциплинированности (на материале исследования курсантов военного вуза МВД) // *Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология*. № 1. С. 17–28.
- Кант И. (2006) Критика чистого разума. М.: Эксмо.
- Ключко В. Е. (2007) Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // *Методология и история психологии*. Вып. 1. С. 5–19.
- Кузьмин В. П. (1982а) Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // *Психологический журнал*. № 3. С. 3–14.
- Кузьмин В. П. (1982б) Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода (окончание) // *Психологический журнал*. № 4. С. 3–13.
- Леонтьев Д. А. (ред.) (2011а) Личностный потенциал. Структура и диагностика. М.: Смысл.
- Леонтьев Д. А. (2011б) Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // *Вопросы психологии*. № 1. С. 3–27.
- Леонтьев Д. А., Митина О. В. (2016) Идеи системности и самоорганизации в психологии личности: история и перспективы // *XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании* / науч. ред. Б. А. Вяткин. Пермь: ПГПУ. С. 48–51.
- Либин А. В., Либина А. В. (2008) Логика изучения природных основ психической реальности: теория ментальной иерархии Л. М. Веккера // *Методология и история психологии*. Вып. 4. С. 101–108.
- Ломов Б. Ф. (1984) Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука.
- Мерлин В. С. (ред.) (1973) Очерк теории темперамента. Пермь.
- Мерлин В. С. (1986) Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика.
- Моисеев В. И. (2015) Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины. М.: ГЭОТАР-Медиа.
- Небылицын В. Д. (1990) Избранные психологические труды: психология и физиология. М.: Педагогика.
- Никифоров А. Л. (2010) Холизм // *Новая философская энциклопедия*. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль. С. 298–299.
- Осин Е. Н. и др. (2015) Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке // *Психологическая диагностика*. № 3. С. 80–104.
- Петренко В. Ф. (2010) Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // *Методология и история психологии*. Вып. 3. С. 5–12.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. (1996) История и теория психологии. В 2 т. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Петровский В. А. (1997) Очерк теории свободной причинности // *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* / под. ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл. С. 124–144.
- Реан А. А. (1996) Агрессия и агрессивность личности // *Психологический журнал*. № 5. С. 3–18.
- Русалов В. М. (2012) Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Институт психологии РАН.
- Сагатовский В. Н. (2011) Философские категории. Ч. I. Онтология. Авторский словарь. СПб.: СПбНИУ ИТМО.
- Сенин И. Г., Сорокина О. В., Чирков В. И. (1993) Тест умственных способностей. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика». С. 3–25.

- Сланина З. (1984) Теоретические аспекты явления изомерии в химии. М.: Мир.
- Теплов Б. М. (1998) Психология и психофизиология индивидуальных различий. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк».
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (2007) / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА — Книжный клуб.
- Улановский А. М. (2007) Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 130–150.
- Урманцев Ю. А. (1988) Общая теория систем // Система. Симметрия. Гармония / ред. В. С. Тютин, Ю. А. Урманцев. М.: Мысль. С. 38–124.
- Ушаков Д. В. (2006) Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / под ред. Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН. С. 19–142.
- Хьелл Л., Зиглер Д. (2006) Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер.
- Шебетенко С. А. (2017) Черты личности в рефлексии и жизненных проявлениях человека. Автореф. дисс. доктора психол. наук. М.
- Allport G. W. (1937) *Personality: A psychological interpretation*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Amthauer R. (1973) *Intelligenz-Struktur-Test I. S. T. 70. Handanweisung für die Durchführung und Auswertung*. Göttingen: Verlag für Psychologie.
- Bandura A. (1986) *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Bing M. N. et al. (2007) An integrative typology of personality assessment for aggression: Implications for predicting counterproductive workplace behavior // *Journal of Applied Psychology*. 92 (3). P. 722–744.
- Cantor N. & Kihlstrom J. F. (1987) *Personality and social intelligence*. Englewood Cliffs, NJ: Erlbaum.
- Cervone D. (1991) The two disciplines of personality psychology // *Review of Handbook of personality: Theory and research*. Psychological Science. 2. P. 371–377.
- Cronbach L. J. (1975) Beyond the two disciplines of scientific psychology. *American Psychologist*. 30. P. 116–127.
- Deci E. L. & Ryan R. M. (2012) Self-determination theory. In P. A. M. V. Lange, A. W. Kruglanski & E. T. Higgins (Eds.) *Handbook of theories of social psychology*. Vol. 1. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 416–437.
- Dorfman L. (2016) Affective meaning of pronouns in a Russian sample // *Journal of Literature and Art Studies*. Vol. 6. № 9. P. 1042–1055.
- Echterhoff G. E., Higgins T. & Levine J. M. (2009) Shared reality: Experiencing commonality with others' inner states about the world // *Perspectives on Psychological Science*. 4 (5). P. 496–521.
- Eysenck H. (1995) *Genius: The natural history of creativity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eysenck H. J. & Eysenck S. B. G. (1994) *Manual of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-R Adult) comprising the EPQ-Revised (EPQ-R) & EPQ-R Short Scale*. San Diego, Ca: EdITS.
- Funder D. C. Global traits: A neo-Allportian approach to personality (1991) // *Psychological Science*. 2. P. 31–39.
- Goldberg L. R. (1993) The structure of phenotypic personality traits // *American Psychologist*. 48. P. 26–34.
- James W. (1904/1976) *Does consciousness exist? Essays in radical empiricism*. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 3–19.
- John O. P., Angleitner A. & Ostendorf F. (1988) The lexical approach to personality: A historical review of trait taxonomic research // *European Journal of Personality*. 2 (3). P. 171–203.
- Magnusson D. (2012) The human being in society: Psychology as a scientific discipline // *European Psychologist*. 17 (1). P. 21–27.
- Martindale C. (1995) Creativity and connectionism. In S. M. Smith, T. B. Ward & R. A. Finke (Eds.) *The creative cognition approach*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 249–268.
- Mead G. H. (1934) *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mednick S. A. (1962) The associative basis of the creative process // *Psychological Review*. Vol. 69. P. 220–232.
- Mischel W & Shoda Y. (1994) Personality psychology has two goals: Must it be two fields? // *Psychological Inquiry*. 5. P. 156–158.

Mischel W. & Shoda Y. (1999) Reconciling processing dynamics and personality dispositions. *Annual Review of Psychology*. 49. P. 229–258.

Pervin L. A. (Ed.) (1990) *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford Press.

Pierce J. L., Kostova T. & Dirks K. T. (2003) The state of psychological ownership: Integrating and extending a century of research // *Review of General Psychology*. 7 (1). P. 84–107.

Ratner C. (1997) *Cultural psychology and qualitative methodology. Theoretical and empirical considerations*. New York; London: Plenum Press.

Salmon W. (1998) *Causality and explanation*. New York: Oxford University Press.

Spearman C. (1904) General Intelligence, Objectively determined and measured // *American Journal of Psychology*. 15. P. 201–293.

Stamps J. S. (1980) *Holonomy: A human systems theory*. Seaside, Ca.: Intersystems.

Thurstone L. L. (1938) *Primary mental abilities*. Chicago: University of Chicago Press.

Wiggins J. S. (1995) *IAS: Interpersonal Adjective Scales*. Professional Manual. PAR Psychological Assessment Resources, Inc.

Zimbardo Ph. et al. (1995) *Psychology. A European text*. London: HarperCollins.

СИНЕРГЕТИКА И ЛИЧНОСТЬ: К НЕРАВНОВЕСНОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Д. А. Леонтьев

*Высшая школа экономики,
Москва, Россия,
e-mail: dmleont@gmail.com*

Статья посвящена движению общегуманитарных представлений о личности, ее динамике и развитию в направлении, задаваемом современными общенаучными концепциями сложных самоорганизующихся динамических систем, функционирующими в условиях многокритериальности и неопределенности. Если неклассические идеи середины 20 века в достаточной мере проникли в психологию и науки о человеке, являясь сегодня их передним краем, то более поздние и продвинутые постнеклассические идеи, оформившиеся за последние 20–30 лет, задают перспективу дальнейшего развития. К ним относятся идеи бифуркации, самоорганизации, аутопоэзиса, рекурсивной петли, экологии действия. Для этой перспективы в науках о человеке предложен термин «неравновесная персонология».

Ключевые слова: персонология, саморегуляция, система, организация, самоорганизация, сложность, самоотнесенность, аутопоэзис.

DOI: 10.7868/S1819265318030068

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда,
проект № 16-18-10439 «Системно-динамический анализ регуляции деятельности»

Для цитаты: Леонтьев Д. А. (2018) Синергетика и личность: к неравновесной персонологии // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 96–104.

Психологическая наука 21 века находится в состоянии методологического перехода от диспозициональной парадигмы, в которой разворачивалась основная масса фундаментальных исследований общепсихологических механизмов человеческой деятельности в прошлом столетии, к новой функциональной парадигме. Первая была нацелена на объяснение, прежде всего, стабильности и воспроизводимости психологических механизмов, связанных с устойчивыми структурами психики и личности. Вторая парадигма ставит целью изучение изменений в ходе жизнедеятельности как саморегулируемого и самоорганизующегося процесса.

Этот переход осуществлялся и продолжает осуществляться неравномерно, и в нем можно условно выделить некоторые этапы. Если первый этап, связанный с проникновением в психологию идей неклассической науки, к настоящему моменту обрел в психологии вполне ясные очертания, то следующий этап в основном находится в ее зоне ближайшего развития. Этот этап связан с возникновением и развитием синергетики — науки о сложных самоорганизующихся системах (Князева, 2013а), к которым, вне всякого сомнения, относятся такие системы как психика человека и его личность. Главная цель данной статьи — наметить перспективы и

обозначить ростки новых, постнеклассических идей в психологии личности и философской антропологии.

Неклассический прорыв: от реагирования к саморегулируемым системам

До середины прошлого века почти безраздельно господствовал образ личности как пассивной, определяемой системой по-разному взаимодействующих факторов наследственности и среды, сама же личность рассматривалась как результирующая этого взаимодействия. В конце первой трети 20 века в науках о человеке, в частности в психологии, произошел качественный сдвиг: целый ряд авторов одновременно и независимо друг от друга выступили с радикально новыми идеями в понимании человека, которые учитывали его специфику по отношению ко всем другим объектам объективного научного познания, — идеями целевой детерминации, опосредования, диалога, жизненного мира, галилеевского мышления, работы личности и др. Этот сдвиг, названный нами неклассическим прорывом (Леонтьев, 2005; 2016), привел к существенной трансформации психологии в последующие десятилетия. Уже в середине прошлого века в психологии появились иногда достаточно развернутые процессуальные модели, в частности, теория поля К. Левина, теория деятельности А. Н. Леонтьева, подходы в русле экзистенциальной психологии и некоторые другие, хотя на ведущее место соответствующие задачи стали выдвигаться в конце прошлого века, во многом под влиянием разработки общенаучных моделей. Восприятию этих представлений отечественными психологами во многом способствовало успешное развитие соответствующих представлений в физиологии активности Н. А. Бернштейна и теории функциональной системы П. К. Анохина (Леонтьев, 2011а).

Вместе с тем с середины прошлого века начинаются не менее и даже более революционные трансформации методологии естественных наук, в которых получают развитие междисциплинарные представления об общих свойствах сложных динамических процессов, единых для различных уровней анализа и предметов различных наук. В их числе кибернетика, описывающая закономерности функционирования целеустремленных саморегулируемых систем (Винер, 1968; Эшби, 2015; и др.), и общая теория систем (Берталанфи, 1969; и др.).

Уже в 1950–1960 гг. на идеи саморегуляции обратили внимание Г. Бэйтсон, а также Дж. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам, которые построили первую в психологии теоретическую объяснительную модель поведения как системы, саморегулирующейся на основе обратных связей (в физиологии подобные модели были предложены гораздо раньше). Существенный скачок в применении в психологии идей саморегуляции произошел, однако, лишь в 1980–90-х гг. (Ч. Карвер и М. Шейер, Ю. Куль и др.). На протяжении 2000-х гг. вышло две представительных антологии по психологическим аспектам саморегуляции (Baumeister, Vohs, 2004; Boekaerts, Pintrich, Zeidner, 2000).

С 1970-х гг. под влиянием упомянутых воззрений Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина и психологической теории деятельности эти идеи стали получать признание и в отечественной психологии (О. А. Конопкин, М. А. Котик, Б. В. Зейгарник, О. К. Тихомиров и др.). В последнее время осмысление саморегуляции как ключевого общепсихологического понятия заметно активизировалось (В. И. Моросанова, Д. А. Леонтьев, Е. А. Сергиенко, В. Е. Клочко и др.) (Леонтьев, 2006; 2011в).

Более давнюю историю имеет применение в психологии идей системности, которые во многом коренятся в системном подходе к социальным процессам в рабо-

тах К. Маркса середины 19 в. В частности, оттуда берут истоки идеи Л. С. Выготского о системном строении сознания, А. Р. Лурии о системной локализации психических функций в мозговом субстрате, А. Н. Леонтьева о системной природе и организации психических функций. Вместе с тем развитие общей теории систем в 1950–60-х гг. дало развитию системных воззрений новый толчок. В 1961 г. Г. Олпорт публикует свою знаменитую статью «Психология личности как открытой системы» (см.: Олпорт, 2002), в которой он отчетливо формулирует идеи системного подхода применительно к этой области, очень новаторские на тот момент. Наиболее активно их приложением в общей психологии занимались в 1960–1980-х гг. Б. Г. Ананьев и Б. Ф. Ломов, которые, однако, ошибочно считали системный подход заменой конкретно-научной теории. Эту работу в какой-то мере продолжали их ученики (В. А. Ганзен, В. А. Барабанщиков и др.). Оригинальным развитием идей эволюционизма и системности служит историко-эволюционная концепция личности А. Г. Асмолова (2001). Пожалуй, наиболее богатым и многогранным применением системных идей в психологии можно считать теорию интегральной индивидуальности В. С. Мерлина (1986) и опирающуюся на нее теорию метаиндивидуального мира Л. Я. Дорфмана (1993).

На сегодняшний день в философской антропологии, психологии личности и смежных дисциплинах при сохранении количественно преобладающих традиционных взглядов неклассические идеи получают все более широкое признание и являются передним краем наук о человеке.

Постнеклассическая перспектива: от саморегуляции к самоорганизации

Определяющие облик современной науки идеи сложности и самоорганизации были сформулированы в последней

четверти 20 в. в русле естествознания — наук о живой и неживой природе. Прежде всего к ним относятся теория неравновесной динамики (Пригожин, 2000; Пригожин, Стенгерс, 1986; Леонтьев, 2018) и синергетика (Хаккен, 1985).

В последующие десятилетия продолжали возникать и развиваться новые, еще более проработанные подходы этого ряда, в числе которых можно отметить теорию сложности Э. Морена (2013а; 2013б), теорию аутопоэзиса и энактивизм (Матурана, Варела, 2001; Князева, 2013б; 2014). Эти постнеклассические подходы во многом трансформировали общую картину мира в естественных науках последних десятилетий.

Ключевыми понятиями этих новых подходов стали понятие организации, пришедшее на смену понятиям структуры и системы, и понятие аутопоэзиса, объясняющее самодетерминацию на новом витке познания и представляющее собой качественно новый уровень по отношению к понятиям регуляции и саморегуляции.

Понятие организации неотделимо от понятия системы и взаимосвязей между элементами системы, порождающими взаимодействия. «Организация есть порядок отношений между компонентами или индивидами, который порождает сложное единство или систему, наделенную неизвестными качествами на уровне компонентов или индивидов. Организация связывает путем взаимоотношений различные элементы, события или индивидов, которые в таком случае становятся составными частями целого. Организация обеспечивает этим связям относительную согласованность и прочность и поэтому гарантирует системе определенную возможность продолжительного существования, несмотря на ее случайные возмущения» (Морен, 2013б, с. 140). Самоорганизация предполагает не только динамическое поддержание гомеостаза,

устойчивости и заданной направленности функционирования системы. Э. Морен критикует ограниченность кибернетики, подчиняющей функционирование системы задачам управления в соответствии с заданными или заложенными целями, и указывает пути выхода за пределы кибернетики, включающего одновременно ее критику, интеграцию и отвержение (там же, с. 309). За пределами кибернетики оказывается более сложная причинность, которую Э. Морен называет генеративной, или порождающей. Эта причинность возникает в процессе самодвижения и самотрансформации сложных систем, обладающих свойством рекурсии (самоотнесенности). Подобная система в состоянии осуществлять большее, чем регуляцию. «Это не просто организация эффективности и автоматической точности при функционировании. Это создание ретроактивной целостности, которая оказывается наделенной собственными организационными свойствами» (там же, с. 238). Более того, «открытость продуцирует существование; генеративная петля продуцирует бытие... Существование — это качество бытия, которое беспрерывно производит себя и которое разрушает себя, как только происходит внезапный сбой в этом производстве-себя или регенерации» (там же, с. 260).

Описанная в кибернетике петля обратной связи оказывается важным, но недостаточным компонентом такой организации. Морен описывает несколько принципов организации того, что он называет экологией действия. «Экология действия означает принятие в расчет всей предполагаемой сложности действия, то есть учет случайностей, шансов и рисков, инициативы и решения, неожиданного и непредвиденного, осознание отклонений и трансформаций» (Морен, 2013а, с. 300). В числе этих принципов принцип неизбежности и необходимости баланса риска и предосторожности, принцип нео-

пределенности (неоднозначного взаимного соответствия и взаимовлияния) целей и средств, принцип непредсказуемости последствий действия в силу «игры контекстов» и принцип непредсказуемости долгосрочных последствий. «Экология действия призывает нас, однако, не к бездействию, а к заключению пари с осознанием всех рисков и к гибкой стратегии, которая дает возможность изменять или даже прекращать предпринимаемое действие» (там же, с. 302). «Итак, ответ на неопределенности действия — это продуманный выбор решения, осознание того, что держится пари, выработка стратегии, которая учитывает сложность, присущую ее собственным конечным целям. Стратегии могут видоизменяться в процессе осуществления действия в зависимости от случайностей, поступающих информационных данных, изменений контекста и должны предусматривать возможное торпедирование такого действия, которое взяло пагубный курс. Именно так мы можем и должны бороться против неопределенностей действия. Неопределенности могут быть преодолены в краткосрочной или среднесрочной перспективе, но никто не может претендовать на возможность их устранения в долгосрочной перспективе. Стратегия, как и всякий процесс познания, остается навигацией в океане неопределенностей через архипелаги определенностей» (там же, с. 303–304).

Та же самопорождающая, самоуправляемая и экологически укорененная реальность описывается в теории аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы. «Наиболее поразительная особенность аутопоэзной системы состоит в том, что она вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством собственной динамики, но при этом продолжает составлять с ней единое целое» (Матурана, Варела, 2001, с. 41). В понятии аутопоэзиса фиксируются, как отмечает Е. Н. Князева (2013б, с. 281), три

важных момента. Первый — автономия, эндогенное управление и самоорганизация. Второе — производство, действие. Третье — самоотнесенность и самообновление системы. Важным свойством самоорганизации подобных аутопоэзных систем является их «операциональная замкнутость» наряду с открытостью. «Такого рода сложные системы (клетка, живой организм, человек, город, страна и т.д.) одновременно и отделены от окружающего мира, и связаны с ним. Их границы подобны мембранным оболочкам, которые являются границами соединения / разделения. Мембрана позволяет такой системе быть открытой миру, брать из окружающей среды нужные вещества и информацию и быть обособленной от него, во всех своих трансформациях и превращениях поддерживать свою целостность, сохранять свою идентичность. Рост сложности систем в мире означает рост степени их избирательности, усиление их операциональной замкнутости» (там же, с. 385). В более поздней концепции энактивизма Ф. Варелы акценты ставятся несколько иначе: «Выделяют ряд ключевых идей, которые конституируют парадигму энактивизма. Это поддерживающие друг друга понятия *автономии, порождения смысла, телесности, эмерджентности и опыта*» (там же, с. 397).

Таким образом, новые вызовы для наук о человеке на сегодняшнем этапе предполагают осмысление человека, личности как самоорганизующейся, аутопоэзной системы, выступающей не как игрушка биологических и социальных программ, а как самопрограммируемая живая (живущая) система. Обратимся к релевантным идеям, разрабатываемым в последнее время в персонологии, в той части наук о человеке, которая посвящена в большей степени вопросам личности, чем познания, отвечает на вопросы не столько, «что» и «как», сколько «куда», «зачем» и «почему».

К неравновесной персонологии

В последнее время часто по отношению к человеку, по отношению к личности описываются ключевые вызовы, которые призывают к трансформации знания о человеке. В их числе вызов сложности, вызов неопределенности, вызов разнообразия и вызов выбора. В англоязычной литературе слово «вызов» необычайно популярно, в русскоязычной литературе оно встречается гораздо реже, менее типично. Вообще само понятие вызова является мощной неклассической инновацией применительно к механизмам человеческого поведения, ведь вызов — это сочетание возможности и необходимости, возможности, предъявляемой внешней средой, и необходимости выбора, от которого нельзя уклониться. Вызов необратим и асимметричен. Если вернуться к исходному историческому значению и контексту слова «вызов», это контекст дуэли как доказательства своей состоятельности и принадлежности к благородному сословию. Вызов — это то, на что можно реагировать разными способами, но эти реакции неэквивалентны. Принятие вызова и уклонение, уход от него — это два качественно разных уровня, на которые стоящий перед вызовом человек себя ставит и в соответствии с этим себя определяет. Принимая вызов, он тем самым подтверждает и доказывает свою принадлежность к благородному сословию; отвергая его, он тем самым дискредитирует собственный социальный статус. Эта асимметричность принятия вызова позволяет ввести дифференциацию между разными способами, которыми мы можем реагировать на стоящие перед нами задачи.

Речь идет о дифференциации специфически человеческих и субчеловеческих механизмов (Леонтьев, 2009; 2010). Субчеловеческие механизмы всегда ведут путем наименьшего сопротивления, применяют энергосберегающую стратегию,

которая приводит не к росту, не к развитию, а, наоборот, скорее к атрофии собственно человеческого потенциала и редукции жизни к адаптации на субчеловеческом уровне; большинство людей склонны в большей степени к энергосберегающим стратегиям. Собственно человеческий путь развития, напротив, всегда энергозатратный, и он всегда связан с толерантностью к неопределенности, увеличением сложности, увеличением возможностей. Мы имеем дело с усиливающимся расслоением, которое в последнее время описывают в разных терминах ряд философов и мыслителей и которое представляет собой вызов, который реальность предъявляет психологии и шире — персонологии. Это расслоение, не отрицая описанные и подробно изученные механизмы поведения человека как детерминированного существа, одновременно ставит проблему о возможности иного режима (регистра) жизнедеятельности, основанного на более сложных механизмах (Леонтьев, 2011б). Это расслоение вполне правомерно мыслить в терминах уровней личностного развития. «Чем более развитой становится человеческая личность, чем в большей степени раскрываются ее творческие способности, тем более избирательной, операционально замкнутой она становится. Такой человек знает, что ему делать, а чем и не стоит заниматься; он умеет отделять зерна от плевел. Творческие личности ценят одиночество, активно нуждаются в нем и даже наслаждаются им, поскольку именно это состояние дает возможность думать, высказываться, создавать что-то новое, становиться самими собой» (Князева, 2013б, с. 385).

Подобно мольтеровскому герою, который в один прекрасный момент с удивлением обнаружил, что он говорит прозой, современная психология начинает обнаруживать, что она говорит аутопоэзией. Релевантные идеи появлялись в психологии также еще с 1930-х гг., правда, в то вре-

мя они не могли быть чем-то иным, чем общетеоретическими соображениями.

Так, еще в 1934 г. К. Юнг (1996) писал про то, что личность развивается «по своему собственному закону, но не каждая личность выходит на тот уровень, на котором происходит процесс собирания себя», который мы сегодня легко соотнесем с системным и синергетическим контекстом. В 1930-е гг. Л. С. Выготский придал новый импульс спинозовской задаче освобождения человека от сил, которые на него влияют, через понимание и построение механизмов этого освобождения. Э. Фромм в 1940–50-х гг. вводит представление о человеке как продукте своего собственного творчества и равноудаленности специфически человеческого как от биологического, так и от социального, к которым специфически человеческое не сводится (Фромм, 1992). Сходные идеи мы находим у В. Франкла в его трактовке антропологической модели трех уровней организации человека (телесное, душевное, духовное) и вытекающего из нее представления о двух фундаментальных антропологических способностях самотрансценденции и самодистанцирования (Франкл, 1990). В 1950-е гг. выдающийся психиатр К. Домбровский сформулировал представление о личности как «третьем факторе» личностного развития, наряду с биологическим и социальным (Dabrowsky, 1964).

Вскоре на передний план вышли вопросы причинности, детерминизма и самодетерминации. К 1968 г. относится этапная книга Р. де Чармса под названием «Личная причинность», в которой он впервые на уровне конкретных мотивационных механизмов утверждал, что человек является не только детерминированным, но еще и отчасти, самодетерминированным, не только пешкой, которая управляется другими силами, но и способен воспринимать себя и действовать как причина своих поступков (DeCharms, 1968). После

де Чармса, в 1970–1980-е гг. начинается и до сегодняшнего времени продолжает бурное развитие теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, которая на сегодняшний день представляет собой мощный мейнстрим в психологии личности и мотивации, самую авторитетную, самую сильную и самую экспериментально обоснованную теорию, в которой показано, в частности, что автономия, или самодетерминация, входит в число базовых потребностей человека. Удовлетворение этой потребности приводит к росту субъективного благополучия, а ее фрустрация приводит к снижению благополучия, о чем свидетельствует масса конкретных данных (Ryan, Deci, 2017).

В 1960-х гг. А. Маслоу изложил и развил идеи синергии в отношениях индивид–социум и внутриличностной синергии своего учителя, известного культурного антрополога Р. Бенедикт (Маслоу, 1999). В начале 1990-х гг. к системно-эволюционным идеям обращается М. Чиксентмихайи (2017) в контексте эволюции личности через развитие совладания со сложностью. В отечественной психологии в самое последнее время к идеям самоорганизации в своих оригинальных теоретических разработках обращаются, в частности, В. Е. Ключко (2005), к моделям нелинейных динамических систем — О. В. Митина (2003; 2011). Совсем недавно А. Н. Поддьяков (2014) поставил вопрос о психологической дисциплине, посвященной анализу проблем психологической сложности, — «компликологии».

Таким образом, сейчас в психологии личности и других науках о человеке оформляются новые подходы с опорой на современное представление о развитии сложных самоорганизующихся систем, которые приводят к образу личности как противоречивого единства взаимодействующих разнородных компонентов, к представлению о сложности и растущей организации этой сложно-

сти (Леонтьев, Митина, 2016). Ключевым компонентом в представлении о механизмах самодвижения этой системы является идея самоотнесенности, рефлексивного самосознания, позволяющего субъекту делать самого себя и свою активность предметом осознанного произвольного отношения (см.: Леонтьев, Аверина, 2011; Csikszentmihalyi, 2006). Рефлексия, самоотношение как отношение к себе, самодистанцирование перестраивают базовые, нижележащие механизмы, над которыми надстраивается более высокий уровень, на котором и следует искать истоки человеческой свободы и самодетерминации. Эта факультативная надстройка задает новый уровень изучения личности, который не отрицает традиционные механизмы, но вносит в них очень важное дополнение. В свое время С. Л. Рубинштейн (1973) дал определение мотивации человека как реализующейся через психику детерминации. Но кроме реализующейся через психику детерминации есть еще и реализующаяся через наше рефлексивное сознание самодетерминация. Развивающиеся в этом русле представления на новом уровне раскрывают высший уровень организации человеческой личности как *causa sui* (причины самой себя) (Петровский, 1997; 2010).

Рискнем утверждать, что в науках о человеке оформились предпосылки для построения концепции неравновесной персонологии — теории самоорганизующейся личности, находящейся в непрерывном динамическом взаимодействии с условиями своего существования и эволюционирующей через постоянный рост сложности и внутренней организации. К этим предпосылкам относятся идеи бифуркации, самоорганизации, аутопоэзиса, рекурсивной петли, экологии действия. Конечно, в зависимости от того, какие именно аспекты проблемы мы выдвигаем на первый план, можно говорить или о неравновесной персонологии,

если на передний план выдвигать проблему отношения к неопределенности и самоопределения в ней, или об аутопозитической персонологии, если на первый план выдвигать проблему самодетерминации, источников развития в себе, или о рекурсивной персонологии, выдвигая на передний план рефлексивные процессы и внутренний диалог. Это все разные взаимодополняющие аспекты движения научных представлений, которые в свою очередь, имея источник развития в самих себе, ведут путем самоорганизации и эволюции «цветущей сложности».

Литература

- Асмолов А. Г. (2001) Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл.
- Берталанфи Л. фон. (1969) Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: сб. перев. / под общ. ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М.: Прогресс. С. 23–82.
- Винер Н. (1968) Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио.
- Дорфман Л. Я. (1993) Метаиндивидуальный мир. М.: Смысл.
- Клочко В. Е. (2005) Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та.
- Князева Е. Н. (2013а) Синергетика: ее исторический путь, научные школы, методологический потенциал и перспективы развития: Вступительная статья // Синергетика. Антология / ред. Е. Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 5–26.
- Князева Е. Н. (2013б) Аутопозис: становление, развитие и успех идеи // Синергетика. Антология / ред. Е. Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 371–397.
- Князева Е. Н. (2014) Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Леонтьев Д. А. (2005) Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. № 1 (2). С. 51–71.
- Леонтьев Д. А. (2006) Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 2 / под ред. Б. С. Бра-туса, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл. С. 85–105.
- Леонтьев Д. А. (2009) Человечность как проблема // Человек — наука — гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Наука. С. 69–85.
- Леонтьев Д. А. (2010) Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 120–140.
- Леонтьев Д. А. (2011а) Самоорганизация живых систем и физиология поведения // Мир психологии. № 2. С. 16–27.
- Леонтьев Д. А. (2011б) Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. № 1. С. 3–27.
- Леонтьев Д. А. (2011в) Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип // Психология саморегуляции в XXI в. / под ред. В. И. Моросановой. СПб.; М.: Нестор-История. С. 74–89.
- Леонтьев Д. А. (2016) Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. № 3. С. 3–15.
- Леонтьев Д. А. (2018) Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журнал. № 3. С. 5–14.
- Леонтьев Д. А. Аверина А. Ж. (2011) Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // Психологические исследования: электрон. науч. журн. № 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/463-leontiev-averina16.html>
- Леонтьев Д. А., Митина О. В. (2016) Идеи системности и самоорганизации в психологии личности: история и перспективы // XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании: мат-лы Всерос. научно-практ. конференции. Пермь: ПГГПУ. С. 48–51.
- Маслоу А. (1999) Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл.
- Матурана У. Р., Варела Ф. Х. (2001) Древня познания. М.: Прогресс-традиция.

- Мерлин В. С. (1986) Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика.
- Митина О. В. (2003) Идеи нелинейных динамических систем и деятельностный подход // Психология в вузе. №1–2. С. 203–215.
- Митина О. В. (2011) Математические методы исследования личности как динамической саморегулирующейся системы // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. С. 424–453.
- Морен Э. (2013а) Образование в будущем: Семь неотложных задач // Синергетика. Антология / ред. Е. Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 247–322.
- Морен Э. (2013б) Метод: Природа природы. М.: Канон+.
- Олпорт Г. (2002) Становление личности: избранные труды / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл.
- Петровский В. А. (1997) Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл. С. 124–144.
- Петровский В. А. (2010) Человек над ситуацией. М.: Смысл.
- Поддьяков А. Н. (2014) Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Пригожин И. (2000) Конец определенности, Время, Хаос и Новые законы Природы. Ижевск: РХД.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986) Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс.
- Рубинштейн С. Л. (1973) Проблемы общей психологии. М.: Педагогика.
- Франкл В. (1990) Человек в поисках смысла. М.: Прогресс.
- Фромм Э. (1992) Душа человека. М.: Республика.
- Хакен Г. (1985) Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир.
- Чиксентмихайи М. (2017) Эволюция личности. М.: Альпина нон-фикшн.
- Эшби У. Р. (2015) Введение в кибернетику. М.: Ленанд.
- Юнг К. Г. (1996) Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука.
- Baumeister R., Vohs K. D. (Eds.) (2004) Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications. N.Y.: Guilford.
- Boekaerts M., Pintrich P. R., Zeidner M. (Eds.) (2000) Handbook of Self-Regulation. San Diego: Academic Press.
- Csikszentmihalyi M. (2006) Introduction // A Life Worth Living: Contributions to Positive Psychology / ed. by M. Csikszentmihalyi, I. S. Csikszentmihalyi. N.Y.: Oxford University Press. P. 3–14.
- Dabrowski K. (1964) Positive disintegration. Boston: Little, Brown, and Co.
- DeCharms R. (1968) Personal Causation. N.Y.: Academic Press.
- Ryan R., Deci E. (2017) Self-Determination Theory. N.Y.: Guilford.

ЧЕЛОВЕК В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА (К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ)

П. А. Мясоед

*Полтавская специализированная
школа-интернат № 2,
Полтава, Украина,
e-mail: pmjasojid@hotmail.com*

Ставится задача определить теоретико-методологические основания отношений между эпистемологией и психологией и расширить представление о предметах и взаимосвязях этих дисциплин; с этой целью исследуются история решений вопроса о месте человека в теории познания и мышление психологов эпистемологического содержания. Методологическим принципом исследования выступает метапарадигма диалога (Г. А. Балл): установка на согласование и продолжение мысли авторов анализируемых позиций. Определяющими считаются положения Р. Декарта о разьединенном на несоизмеримые сущности мира, Б. Спинозы о принадлежности человека к субстанции, И. Канта о присутствии человека в познании. Субъект противопоставляется объекту познания, провозглашается органом самопознания субстанции, объект объявляется таким, каким он предстает в мышлении субъекта; субъектоцентризму противостоят субстанциализм и процессуализм, дуализму — общая и частная формы монизма. Теория познания Г. В. Ф. Гегеля выступает точкой отсчета пути от отношения «субъект — объект» к отношению «мышление — бытие», от классической к неклассической, представленной идеями К. Маркса, А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Фуко, М. К. Мамардашвили, эпистемологии. Идеи К. Поппера, И. Пригожина, В. С. Степина в философии науки становятся свидетельством выхода эпистемологии на постнеклассический уровень развития. Прослеживается преломление идей эпистемологии в мышлении основоположников экзистенциальной (Л. Бинсвангер), марксистской (А. Н. Леонтьев), гуманистической (А. Маслоу), культурно-гуманистической (В. А. Роменец) психологии. Отмечается принципиальная важность диалога В. А. Роменца с С. Л. Рубинштейном о способе бытия человека в мире для осмысления места человека в познании. Общим в эпистемологии и психологии видится движение от дуализма ко все более содержательному монизму с последующим, на постнеклассическом этапе истории каждой из дисциплин, человекоцентризмом, учитывающим объективное место человека в мире. Утверждается взгляд на познание как историко-логико-психологический процесс, раскрываются значение общефилософской идеи тождества мышления и бытия для понимания места человека в познании и особая роль эпистемологического мышления в психологии. Показывается, что в исследовании психологического познания понятия «субъект», «объект» и «автор теории познания» образуют один ряд, что взаимообогащение эпистемологии и психологии создает возможность теории познания человека, необходимой для наук антропологического круга.

Ключевые слова: эпистемология, психология, метапарадигма диалога, субъективное, объективное, мышление, бытие, проблема человека, предмет психологии, теория познания человека, С. Л. Рубинштейн, В. А. Роменец.

Для цитаты: Мясоед П. А. (2018) Человек в теории познания и психологическое познание человека (к вопросу о соотношении эпистемологии и психологии) // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 105–126.

Психология нуждается не только в методологии, необходимой для определения истории, состояния, проблем этой науки, обоснования принципов, стратегий и методов исследований, но и в теории познания, предметом которой являются психологические знания в их отношении к исследуемой реальности. Психология, в свою очередь, обогащала бы эпистемологию своими достижениями в поисках ответов на вопросы, как именно человек познает мир и как он оперирует полученными знаниями. Отчасти это происходит. Ж. Пиаже разрабатывает генетическую эпистемологию, раскрывающую связь научных понятий с формированием логико-психологических операций в детском возрасте (Пиаже, 1994). А. Бишоп и Дж. Троут расширяют границы эпистемологии, обращаясь к нормативным суждениям человека (Bishop, Trout, 2005). Г. А. Балл утверждает необходимость психологической эпистемологии, которая изучала бы «человеческие знания в психологическом аспекте», с учетом наполняемости их значениями и смыслами, строилась на «метапарадигме диалога» и нацеливала психологов на раскрытие содержания и детерминации качеств, свойственных именно человеку (Балл, 2006). Статья о психологической эпистемологии (epistemology psychological) есть в энциклопедии Р. Корсини и А. Ауэрбаха, где речь о новой дисциплине, занимающейся психологическими аспектами феномена познания, разработкой требований к достоверности знаний и точным описанием познавательных процессов человека (Ройс, 2006). Есть и другие направления поисков в данной области (Corlett, 1991; Fenici, 2009; Goldman, 1990). Эпистемо-

логией называют теорию познания, психологию понимают как когнитивную науку. Применяется подход «от психологии к эпистемологии».

Подход «от эпистемологии к психологии» тоже применяется, когда предметом эпистемологического анализа становится психологическое знание (Лекторский, 2001), но, как и в первом случае, это знание о познавательных процессах человека. Если же психология — это и знание о самом человеке, не только конкретно-научное, но и теоретико-методологическое, то следует искать глубинные связи между эпистемологией и психологией, между теорией познания человеком действительности и теорией психологического познания человека.

В эпистемологии главенствующим является отношение «субъект—объект», в психологии — «субъективное—объективное», эти дисциплины объединяет мышление исследователя в его стремлении согласовать свойства человека быть субъектом своих действий, обладать субъективностью, и свойства окружающего мира. Определяется место человека в познании того, что находится вне его, и психическое человека в его соотношении с тем, что таковым не является; общим выступает необходимость соотнесения реальности человека и реальности мира. Эпистемологию и психологию объединяет необходимость осмысления феномена бытия человека в мире. Исследовать, как это происходит, как взаимодействуют эти дисциплины и какие возможности в этой связи открываются, — задача данной статьи. Исследуется и движение от эпистемологии к психологии, и движение от психологии к эпистемологии на вполне

определенном — теоретико-методологическом основании.

В статье не разграничиваются понятия *эпистемология* и *гносеология*, это разрушает представление о некой организации позиций, призванных задавать представление о феномене познания. Разграничивать, скорее, нужно понятия *эпистемология* и *теория познания*, в первом случае делая акцент на истории дисциплины, которая исследует этот феномен, а во втором — на идеях, его объясняющих. Теория познания — совокупность обозначенных именами конкретных мыслителей вкладов в историю эпистемологии. Центральными становятся понятия *субъект*, *объект* познания, а также *автор* идей. Следует показать, каким образом выступают эти понятия в эпистемологии и психологии; для решения данного вопроса требуется осуществить экскурс в историю двух дисциплин.

Задача статьи решается с привлечением материалов труда «Теория познания»¹. Методологическим принципом

решения выступает метапарадигма диалога (Г. А. Балл) — установка на согласование и продолжение логики мысли авторов исследуемых позиций. Диалог в области эпистемологии, а также психологии открывает возможность охарактеризовать определяющие идеи и движение мышления в этих дисциплинах, обобщить свойственные этому процессу закономерности.

Человек как субъект в теории познания

Точкой отсчета истории эпистемологии почти единогласно считаются идеи Р. Декарта. Это Новое время, расцвет науки Запада и потребность переосмысления теологических оснований предшествующего периода ее развития. По словам Г. В. Ф. Гегеля, Р. Декарт отбросил философствование, исходившее из авторитета церкви, и выдвинул требование: мысль должна начинаться с себя самой. Теологический принцип в мышлении Р. Декарта остается: это Бог вложил в разум человека идею о необходимости познания природы средствами, которые он вложил в его душу. Но в объяснении феномена познания определяющим становится принцип рационализма: познание — способность человека сомневаться в своих знаниях, мыслить и таким образом утверждать свое существование («*cogito ergo sum*»). В то же время находит продолжение линия античной философии с ее делением мира на идеальное и материальное. Об этом — картезианская идея двух субстанций: мыслительной, неделимой, и телесной, протяженной. Первая характеризует свойства субъекта, вторая — свойства объекта. Отстранение субъекта от объекта объявляется необходимым условием приобретения истинных знаний о мире;

¹ Это многотомный труд Института философии СССР, позже — РАН (Теория познания, 1991–1995), в предисловии говорится, что он посвящен актуальным проблемам марксистско-ленинской диалектико-материалистической теории познания. Два первых тома выдержаны в этом духе, в 3-м томе идеям К. Маркса отводится один параграф, рассматривается его концепция восхождения от абстрактного к конкретному, в 4-м — параграф с красноречивым названием «Марксистская традиция: мнимое торжество диалектики, фактическое господство социотризма». В именном указателе к 1-му тому К. Маркс — «теоретик пролетарской революции, основоположник диалектического и исторического материализма, марксистской политэкономии и научного коммунизма, основатель и руководитель первых международных пролетарских организаций», к 4-му — «нем. экономист и философ». Распадается СССР, рушится государственная идеология, авторы и редакторы «Теории познания» решительно изменяют свои позиции. Тогда что такое теория познания? Содержание труда говорит о том, что это множество разнообразных идей о природе, сущности, процессе познания, высказанных на протяжении истории человечества, что это продолжающийся процесс, который

имеет свою историю, логику и, озаменованную присутствием человека, психологию.

на субъекта возлагается ответственность за метод и результаты познания. Эпистемология получает «субъект–объектное» противопоставление, *субъектоцентризм* (В. А. Лекторский), и *принцип наблюдения*, согласно которому субъект прослеживает движение объекта на определенном отрезке времени и пространства и находит ему место во внешней системе координат. Объект отражается в мышлении субъекта, полученное знание считается обусловленным его природой. Идеальное противопоставляется материальному, объективное — субъективному. В эпистемологии — это классическое мышление, борьба с ним пронизывает ее историю: дуалистической логике оппонирует монистическая, зарождается и все более углубляется неклассическое мышление. Можно видеть расстояние, которое проходят эпистемологическая мысль и те идеи, которые она рождает. Оппозиция «субъект–объект» является ориентиром анализа этого процесса.

Б. Спиноза также опирается на теологический принцип, но здесь совсем другая логика: субстанция — одна, это Бог или природа — то, что существует само через себя и не нуждается ни в чем другом. Протяженность и неделимость — ее атрибуты; противопоставление идеального материальному на основании пространственно-геометрического свойства природы происходит в мышлении как свойстве самой природы. Человек — часть природы с ее «вечным порядком», аффективное, способное подчиняться разуму, существо. Познание — свойство природы через человека открывать свою потаенную сущность, себя выражать. Картезианской идее разъединенного на несоизмеримые сущности мира противостоит спинозовская идея самоотражения мира в человеке. Близкие положения провозглашает Г. В. Лейбниц, говоря о монаде как душе и «зеркале Вселенной», о «принципе всеобщей взаимосвязи». Мыслители ведут речь

о непосредственном присутствии человека в мире, предстоящем перед ним как объект познания. На смену субъектоцентризму приходит *субстанциализм*, на смену принципу наблюдения — принцип детерминизма, и это уже новая система координат анализа феномена познания.

И. Кант называет свой вклад в теорию познания «коперниканским переворотом» и объясняет: Н. Коперник, когда оказалось, что гипотеза о вращении звезд вокруг наблюдателя не объясняет движение небесных тел, предположил, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя. Тогда природа — не объект наблюдения (Р. Декарт), а предмет понимания субъектом; не познание следует согласовывать с объектом, а объект — со способом познания, каковым является разум человека; разум не воспроизводит, а конструирует действительность. Природа с ее «порядком» (Б. Спиноза) — продукт разума, он «не черпает свои законы с природы, а предлагает их». Категории разума априорны, обогащают опыт, но то, какой является природа вне опыта, неизвестно. Познание ограничено антиномиями разума — противоположными суждениями, каждое из которых может быть обосновано. Вещь остается «в себе», сознание действует по принципу «трансцендентального единства апперцепции» — выхода за пределы реального на основании возможностей разума; благодаря трансцендентному, человек пребывает в сфере рационального. Как и Б. Спиноза, И. Кант снимает оппозицию «субъект — объект», но на другом основании: объект получает свои определения в мышлении субъекта в соответствии с пространственной схемой природы, задаваемой априорно. Это идея опосредствованного мышлением присутствия человека в познании (и относительно картезианского субъектоцентризма, и спинозовского субстанциализма) — *процессуализм* в эпистемологии. Требованию исследовать объект в его

независимом от субъекта существовании противопоставляется требование подходить к результатам познания как к продукту познавательной деятельности человека. В противовес свойственной Новому времени концепции определения мира Богом эпоха Просвещения в лице И. Канта утверждает концепцию определяемого познанием человека мира.

Субъектоцентризм базируется на идее двух — субъективного и объективного — миров, субстанциализм — на идее непосредственного присутствия человека в мире, процессуализм — на идее непосредственного присутствия человека в познании. Человек провозглашается субъектом познания мира, органом самопознания мира, носителем способности постигать мир в границах его мышления. Это разные определения места человека в познании. На человека возлагается ответственность за метод познания, он объявляется частью и агентом неподвластной ему сущности, акцентируется внимание на возможностях и пределах его разума. Каждому определению места человека в познании соответствует своя логика объяснения феномена познания.

Г. В. Ф. Гегель противопоставляет «формальной» логике И. Канта диалектическую: в мире нет ограничений, препятствующих познанию; мышление — не специфическая особенность человека, а конкретное выражение абсолютной идеи, это мысль Бога накануне сотворения им природы и человека. Абсолютная идея отчуждает свое бытие в конечном духе: «в-себе-бытие» превращается в «для-себя-бытие». Гегель оппонирует и Декарту, и Канту, и Спинозе. Идея и рождает и «снимает» противоречия, это источник ее диалектического развития. Познание человеком мира — познание продуктов идеи, что требует такого же — диалектического мышления. Движение сознания — стадияльное восхождение от абстрактного к конкретному; индивиду-

альное становится тождественным универсальному, субъект — объекту. «Человек знает о Боге то, что Бог в человеке знает о себе». Тождественность субстанции во всех ее проявлениях предполагает тождество мышления и бытия. Согласно Спинозе, место человека в познании — его место в обладающей мышлением природе, согласно Гегелю, это место мышления, постигающее свое инобытие в форме природы и человека. Это субстанциализм (человек — часть мира, познание мира — его, через человека, самопознание), но качественно иного вида: субстанция характеризуется через отношение мышления к бытию. Спиноза разрушает основания дуалистического мышления в эпистемологии, мышление Гегеля является последовательно монистическим.

Решения вопроса о месте человека в познании освещают процесс, который имеет мировоззренческие основания и позиции, где каждая, отрицая предыдущие, их продолжает. Вокруг него оборачивается вся история эпистемологии, это *основной вопрос* данной дисциплины. Переход от отношения «субъект — объект» к отношению «мышление — бытие» — новый этап истории эпистемологии и точка отсчета *неклассического* решения этого вопроса.

К. Маркс освобождается от влияния идей Г. В. Ф. Гегеля и проводит идею материального единства мира: человек осуществляет свое бытие в форме общественно-исторического способа производства предметов, удовлетворяющих его потребности. Это способ жизни человека в ее материальности, обуславливающий все иные ее процессы, включая духовный. Идеи — не источник, а результат его практической деятельности. Сущность человека — в закономерном историческом, естественном движении его истории. В своей деятельности человек отражает объект в форме образа, идеи, воздействием его изменяет, изменяясь сам;

познание им мира и себя самого происходит в процессе практики, истина — в соответствии мысли, знаний объективной действительности. Задача философии не в том, чтобы объяснять, а в том, чтобы, основываясь на знаниях, изменять мир. Психология призвана стать «естественной наукой о человеке» и исследовать «историю и бытие промышленности как раскрытую книгу человеческих сущностных сил». Всеобщее движение истории «отрывает» органы человека от его индивидуальности, они становятся «зеркалом и эхом Вселенной», индивидуальное — отражение всеобщего. Как у Спинозы и Гегеля, это субстанциализм: человек в познании выражает сущность, которой принадлежит, подчиняясь ей как закону. Дальше — принципиальные различия: это закон не природы и не идеи, а истории человека; субъект познает реальный мир, пользуясь средствами, выработанными в процессе практики; мышление тождественно бытию потому, что адекватно его отражает. Как таковой теории познания у К. Маркса нет, марксистская теория познания — продукт интерпретации его идей. Э. В. Ильенков, исследуя идеальное, находит его объективированным во всем, «созданном человеком для человека», говорит о восхождении от абстрактного к конкретному (чем конкретной мышление, тем больше оно приближается к истине, которая в реальном, а не идеальном бытии), тождестве мышления и бытия (в постижении бытия последнее обретает свое инобытие), единстве диалектики, логики и теории познания (как диалектическое историко-логическое отражение действительности). Ребенок через собственную деятельность присваивает опыт деятельности предшествующих поколений, происходит «индивидуальный сдвиг в системе образов», что является предметом марксистской психологии.

Утверждаются существенно различающиеся положения, но базовая позиция

эпистемологии — поиск места человека в познании — позволяет видеть то, что их объединяет. Отталкиваясь от идей Гегеля, Маркс наполняет их фактически противоположным содержанием, но в обоих случаях это концепция подчиняющегося историческому закону мира. Относительно классического, это способы неклассического мышления в эпистемологии и субстанциализм в решении основного вопроса данной дисциплины: человек в познании отражает закон бытия мира и свое бытие в нем. Гегель видит бытие идеальным, Маркс — материальным, при этом оба снимают картезианское противопоставление субъекта и объекта, исследуют отношение мышления к бытию, закладывая основание неклассической эпистемологии. Исследования в этой области продолжаются в XX столетии — в тесной связи с историей науки. Философы реагируют на состояние, в котором она находится, стремятся помочь ей преодолеть имеющиеся трудности. Трудности нарастают, наука попадает в состояние кризиса, что требует переосмысления ее оснований и выработки нового видения феномена и способов познания. Рождаются идеи, существенно отдаленные от предшествующих.

А. Бергсон отрицает «философию застывших форм бытия» и вводит понятия о длительности, жизненном порыве, творческой эволюции. Бытие — борьба живого с инертным, человек появляется на острие этого процесса, являясь «частицей Всего», длительность обретает возможность осознавать себя. Понимание этого процесса требует «философии жизни», для которой сознание, как и жизнь, имеет в своей основе «внутреннюю причинность». Здесь прошлое, через память, связывается с настоящим, о будущем ничего сказать нельзя. И наука, и философия зиждутся на интеллектуальном познании, длительность отождествляется с физическим временем, познание направлено

вовне, только интуиция освещает жизнь изнутри. Интуиция — образ, жизнь и освещается образом, и сама является образом, противопоставление идеального материальному теряет смысл. Философия выходит на «третий путь». Образ не может противопоставляться образу, борьба между идеализмом и материализмом теряет смысл, философия жизни — «третий путь», где нет ни субъективного, ни объективного, а есть длительность и ее формы. Бергсон, как Гегель и Маркс, мыслит о бытии, но находит его не в отчужденном от человека, а в живом, включающем в себя человека, пребывающем в бесконечном творческом преобразовании, виде. Это уже другая, по-новому снимающая «субъект-объектную» оппозицию, форма субстанциализма.

Э. Гуссерль называет себя «последовательным бергсонианцем», а о науке говорит, что она исследует вещи, устанавливает причинно-следственные связи, применяет логические методы, теряет субъективность, с которой начинается наука давних греков. Р. Декарт фиксирует эту тенденцию и закрывает перед философией возможность видеть вещи такими, какими они являются в очищенном от чувственных впечатлений виде, как непосредственные феномены сознания, как «чистый мир идеального бытия», где кроются смыслы вещей мира. Следует отказаться и от рационализма, и от психологизма, который ставит познание в зависимости от эмпирического содержания сознания, применить метод «феноменологической редукции», дойти до истоков и постичь «жизненный мир» — мир в его естестве. Это задача «феноменологической философии», она призвана, основываясь на способности философа к переживанию и интуиции, открыть то универсальное, которое кроется за единичным. Гуссерль продолжает Бергсона, отказываясь от понимания бытия чего-то внешнего по отношению жизни, но

саму жизнь определяет не через понятие длительности, а через понятие «чистого смыслообразования». Оба как бы продолжают с того места, где останавливается Кант: познание переходит свои границы и проникает в «вещь в себе», когда это интуитивное постижение бытия в его сути. Кризис науки и философии — следствие зафиксированного Декартом рационалистического представления о познании и бытии как противостоящего человеку мира. При этом и Бергсон, и Гуссерль выносят человека в его собственном существовании за рамки бытия. Этот пробел, оппонируя Э. Гуссерлю («мне трудно понять, как приводится в исполнение способ, называемый феноменологией»), заполняет М. Хайдеггер.

Рассматривать бытие вне бытия человека значит проходить мимо бытия в его обозначенном присутствием человека наличии (нем.: *Dasein*). Бытие существует и до человека, как возможность выйти за свои пределы, что и происходит благодаря человеку. Бытие обретает определенность и ее теряет, когда человек «отпадает от бытия». Бытие — не мир, а бытие мира, становящееся таковым с появлением человека, в мире бытие взаимодействует с сознанием, так мир осознает себя. Бытие человека — экзистенция, устремленность за пределы предметности, к тому, что уже «Ничто». Будучи «заброшенным» в мир, человек пытается постичь его смысл, он и в бытии, и вне бытия, и в мире, и с миром. Постигая мир, приобретает к истине, которая в бытии и открывается ему, когда он погружается в него своей способностью понимать и объяснять сущее. Познание истины — выход человека за пределы мира к бытию, трансцендирование его субъективности... Вещи, события мира наделяются значениями языка, сущее «опредмечивается», изменяются значения — изменяется познание. О присутствии субъективности человека в познании говорят значения языка

древних греков, наука Нового времени в своем стремлении достичь объективного знания изгоняет из познания субъективность, бытие обезличивается. Познание предполагает присутствие и заботу человека во времени его бытия, это условие бытия мира в его истинных формах.

Бергсон апеллирует к длительности как «живому» свойству бытия. Гуссерль провозглашает лозунг «Назад к вещам!», чтобы постичь бытие в его сути. Лозунг Хайдеггера — «Язык — дом бытия», через язык бытие выходит из своего «дома», рассказывает о себе. С предшественниками его объединяет понимание источника кризиса познания в неспособности человека постичь бытие в его отстраненности от него самого. Это уже другое мышление о бытии, но все тот же субстанциализм, снимающий границу между субъективным и объективным.

М. К. Мамардашвили тоже начинает с Р. Декарта: следуя его теории познания, наука утверждает идею «готовых законов существования мира», хотя неизвестно, каким был мир до того, как стал объектом познания. Место принципа наблюдения должен занять принцип неотделимости объекта от пространства наблюдения; оснований для противопоставления субъективного объективному нет. Явление неотделимо от мышления о нем, имеет место не «знание явления, а явление знания». Феномен идеологии (К. Маркс), бессознательного (З. Фрейд), данные о невозможности бесконечно проследживать движение объекта (Н. Бор) говорят о том, что образ мира складывается за пределами конкретного акта познания, что человек отчужден от своего сознания. Познание требует «феноменологического сдвига» (Э. Гуссерль), но феномены сознания не наблюдаемы, их репрезентируют символы, они же репрезентируют место человека в мире. Мир индивидуализируется, истина постигается «моим» мышлением, это живой процесс, его невозможно пе-

редать кому-то другому. Знание рождается «неизбежностью мышления», является самодостаточным, завершенным и не может быть ступенькой к чему-то новому; существует «разрыв понимания». Философия реализует неизбежность мышления и открывает науке ее предпосылки; в лице философа человек осознает себя, история философии — «акты самоосознания человека». В научной картине мира «понимание законов мира является одновременно элементом мира, законы которого понимаются». Понимание — орган «продуцирования истины», «структурирования мира». Познание — свободное действие, причина которого кроется в нем самом. Трансцендентной теории познания (И. Кант) противостоит трансцендентальная, то, что для первой — предмет, для второй — символ. Последний интерпретируется, знание рождается актом осуществления. В терминах наблюдения эффекты осуществления фиксируются как его продукты, появляются противопоставления: «бытие — сознание», «субъект — объект», «мышление — предмет»; закрывается возможность теории познания как осуществляющегося мышления.

История эпистемологии начинается с установленного Декартом несоответствия свойств человека и свойств познаваемого им мира, это субъектоцентризм и классическое мышление в эпистемологии и науке. Субстанциализм Спинозы и процессуализм Канта противостоят дуализму Декарта: свойство человека познавать мир — свойство субстанции через него открывать свою потаенную сущность; именно свойства человека определяют объект мира. Создаются предпосылки неклассического мышления, и далее это уже субстанциализм Гегеля и Маркса. Каждый говорит о бытии как форме субстанции и находит, что человек мышлением отражает исторический закон бытия. На место отношения «субъект — объект» становится отношение «мышление — бытие», чело-

век в познании объявляется частью объективного процесса, на смену классической приходит неклассическая эпистемология, и дальше это уже история начатой Бергсоном и продолженной Гуссерлем характеристики познания как постижения бытия через субъективность человека. Снимается граница между субъективным и объективным, внимание исследователей перемещается в плоскость иррационального. Хайдеггер вводит понятие *Dasein*, и это уже определение бытия через человека, а человека — через бытие. Познание предстает самоотражением бытия в человеке, такого же рода теорию разворачивает Мамардашвили: человек — носитель способности мышлением понимать мир, познание — понимание мира. Субстанциализм сочетается с процессуализмом. Каждый оппонирует Декарту, продолжая с того места, где останавливается Кант. Каждый отрицает предшественников, их продолжая, историю эпистемологии пронизывает нескончаемый диалог, рождая все новые и новые идеи.

Мыслители стремятся показать выход из кризиса, в котором оказывается наука, но ученые если и обращаются к теории познания, то наполняют ее своими идеями, при этом рассматривают не отношение «мышление — бытие», а отношение «субъект — объект». Потому что в науке на месте субъекта — познание, на месте объекта — познаваемое. Как получить объективные знания об объекте, не вынося познающего за рамки познания? Если в эпистемологии отношение «субъект — объект» снимается неклассическим мышлением, то в науке это является условием ее существования, и не только в естествознании, но и в гуманитаристике. Психология с ее направленностью на субъективный мир также отстраняется от мира объективного. Это все тот же классический взгляд на процесс, пребывающий в поле сосуществования несоизмеримых сущностей. Вопрос, поставленный

в начале статьи, — как сочетается мышление в эпистемологии и психологии — является вполне правомерным.

Неклассическое мышление в эпистемологии преодолевает субъектоцентризм, переступает границы процессуализма, осуществляет свое движение в русле субстанциализма, при этом о человеке как объекте познания речи нет. Правда, есть исключения.

Человек как объект в теории познания

М. Фуко изучает труды К. Маркса, но соглашается только с тем, что жизнью человека правит исторический закон. Это не непрерывный закон производства предметов, а прерывный закон приобретения знания. Исторические структуры мышления, эпистемы, рожают конфигурации знания (ренессансная, классическая, современная), определяют образ мыслей человека, условия и способы образования идей, характеризуют культуру эпохи, ограничивая появление новых идей. Такого объекта познания, как человек, до XIX столетия не существовало, это продукт дискурсивной практики о том, как человек осуществляет свою жизнь в мире. Последняя устанавливает порядок в «сети местоположений актов высказываний», что не предполагает ни «трансцендентного субъекта», ни «психологической субъективности». Человек в познании — автор текста, и это текст, а не он, проговаривает истину. Выявление раньше неизвестного текста Г. Галилея или И. Ньютона может изменить представление об этих ученых, но не о механике, которая хотя и основывается на их идеях, является продуктом дискурсивной практики. Понятие субъекта познания, говорит о нем Декарт или Кант, теряет смысл. Для Фуко это понятие исторического, надындивидуального, а не психологического содержания. К психологии он критичен: то, что

дается в эмпирическом знании, считается тем, что определяет его формы; перекрывается путь к психологии бытия человека в мире. Человека следует понять через то, что кристаллизуется в продуктах истории, только так в психологии можно преодолеть противоречие между внутренним и внешним, субъективным и объективным, человеком и миром. Сам Фуко преодолевает точно такое же противоречие в эпистемологии и этим свидетельствует, что психология связана с ней общим основанием, расколотым надвое логикой Декарта

И когда человек считается точкой отсчета познавательного процесса (субъектоцентризм), и когда исследуется сам процесс (процессуализм), и когда утверждается, что познание является отражением и самопознанием бытия (субстанциализм), объектом познания выступает природа, а не человек. В этом отношении Фуко делает значительный шаг вперед: эпистемология получает человека как объект познания, правда, вместе с отрицанием понятия «субъект познания». Субстанциализм приходит к своему логическому завершению.

Функцию эпистемологии выполняет философия науки — позитивизм (О. Конт, Дж. Ст. Милль), неопозитивизм (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап...), постпозитивизм (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд, И. Пригожин, В. С. Степин...). Позитивисты сводят философию к исследованию индуктивных построений в науке, неопозитивисты анализируют логику положений науки, постпозитивисты исследуют ее историю и достижения. Позитивизм оттеняет место человека в познании, неопозитивизм снимает этот вопрос с рассмотрения, постпозитивизм к нему возвращается, уделяя особое внимание мышлению ученого. Как и в эпистемологии, здесь следующий шаг, отрицая предыдущий, его продолжает.

К. Поппер соглашается с И. Кантом: «коперниканский переворот» в эпистемологии говорит, что порядок, открываемый познанию, является результатом творческих усилий человека, что объект определяется субъектом. История науки это подтверждает и говорит о том, что здесь применяется не диалектическое (Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс), а критическое мышление, и действует не принцип верификации (Р. Карнап), а принцип фальсификации — опровержения известного. Отличия научного знания от ненаучного условны; нормы науки — «интеллектуальная тюрьма для ученого»; наука — приближение к истине на основе способности человека исправлять ошибки. С философией она пересекается в связи с проблемой познания человека миром и себя самого, когда «человек находит себя частью мира». В этом Поппер соглашается со Спинозой: человек познает мир, будучи элементом этого мира. Субстанциализм в эпистемологии продолжается конкретизированным на материале истории науки решением основного вопроса этой дисциплины.

И. Пригожин ссылается на А. Бергсона, когда говорит, что время — это длительность, и на М. Хайдеггера, когда утверждает, что наука не принимает во внимание события, предполагающие присутствие в мире человека. Господствует идущая от Г. В. Лейбница «концепция вечности»: законы природы считаются неизменными, мир делится на детерминированное внешнее и недетерминированное внутреннее, первое становится объектом естествознания, второе — «отдается на откуп гуманитарным наукам». Новые данные показывают, что фундаментальным свойством материи является нестабильность с «точками бифуркации», что делает ее развитие непредсказуемым. События, с которыми имеет дело наука XX столетия, — случайны и уникальны; противопоставлять объекты на основа-

нии способа детерминации неправомерно. Пригожин развивает положение о том, что базисным механизмом эволюции являются неравновесные структуры, что макро- и микромир — взаимосвязанные аспекты Вселенной, что человек продукт ее эволюции и принадлежит изучаемому им миру. Наука — «небольшое окошко в универсум», законы науки — продукт познавательной деятельности, человек пребывает в «центре законов мира». Требуется научная рациональность, которая учитывала бы реальное место человека в мире. Наука развивается в культурном контексте и открытиями его формирует; научные и ненаучные способы познания могут дополнять друг друга; деление науки на естествознание и человекознание должно уйти в прошлое. Пригожин говорит то же, что Поппер: присутствие человека в познании — его присутствие в мире, он изучает то, частью чего является. С провозглашением человека центром познания начинается *субъектоцентризм*, теперь же на место отношения «субъект — объект» становится отношение «человек — мир», на место субъектоцентризма — *человекоцентризм*. Философия науки демонстрирует новые решения основного вопроса эпистемологии и в лице К. Поппера и И. Пригожина выходит на *постнеклассический* уровень развития.

Т. Кун соглашается с К. Поппером: одна научная теория отвергает другую; в наращивании знания нет последовательности; наблюдение в науке является «теоретически нагруженным», не соглашается он с тем, что ошибки теории — основание для ее опровержения и что фальсифицируемая теория лучше любой другой. Одна теория может уступать другой еще до процедуры фальсификации, лучше ее она потому, что предлагает новое решение проблем. Ученый применяет теорию именно в таком качестве, при этом не сомневается в ее истинности, если же не достигает успеха, то страдает не тео-

рия, а его компетентность. Когда им овладевает новая идея, происходит как бы переключение гештальта, исследование логики науки следует дополнить исследованием психологии научного открытия. Важно понять, как ученый создает теорию и что вынуждает его коллег принимать, а затем отрицать ее. Т. Кун вводит понятия «парадигма», «головоломка», «научная революция», «научное сообщество», науку видит историко-логическим, наполненным психологическими моментами, процессом. Ученый открывает новый способ решения проблем, он овладевает умами других ученых, становится парадигмой, наука возвращается в русло надындивидуального движения к истине — до очередной научной революции и парадигмы. П. Фейерабенд идет намного дальше: наука принципиально не отличается от мифа или религии, это иррациональный процесс; у каждой теории — своя реальность, это «открытие», «уникальный взгляд на мир», «конвенция», создающая видимость общих усилий; оснований для сравнения теорий нет. Люди осуществляют познание в соответствии со своими мировоззрением, убеждениями, установками; ученый достигает успеха только тогда, когда нарушает нормы науки, в науку следует ввести принцип «допустимо все». Т. Кун находит человека активным участником закономерного процесса, П. Фейерабенд — источником процесса, лишенного каких-либо закономерностей. Позиции существенно различаются, но в обоих случаях это уже область психологии науки.

По А. Маслоу, наука — «продукт человеческой природы ученого», «пиковые переживания» — такой же инструмент познания, как и разум; ученый удовлетворяет свою потребность в самоактуализации, заявляя о своих интересах, страстях, одержимости, стремлении постичь тайну мироздания (Maslow, 1966). Объект науки переносится во внечувственную область, но только благодаря переживаниям

обретает черты реальности, на достижениях науки лежит печать индивидуальности ученого; классическая «безличная модель» науки не соответствует действительности. А. Маслоу смотрит на науку с позиций гуманистической психологии, основателем которой является. М. Г. Ярошевский — с позиций своей теории историко-психологического процесса и с этих позиций вместе с сотрудниками исследует научное мышление, общение, научные школы, группы, личность ученого (Аллахвердян и др., 1998). По Маслоу, ученый — главенствующее звено науки, по Ярошевскому, он представлен категориальными структурами мышления, природа которых историко-логична и которые определяют форму детерминистического, собственно научного объяснения; личность ученого — неотъемлемый компонент порождения нового знания, но этот процесс протекает независимо от его психической организации. Маслоу говорит о преобладании субъективного над объективным, Ярошевский — объективного над субъективным. Принципиально по-разному решается вопрос о месте человека в познании. В психологии науки происходит то же, что и в эпистемологии.

В. С. Степин (2004) по поводу психологии науки замечает: она правомерна, если опирается на логико-методологические разработки, учитывает механизмы включения достижений науки в культуру и влияние последней на науку через ее философские основы. Это оценка с позиций его теории структуры и исторической эволюции теоретического знания. Наука — культурно-историческая система получения объективных знаний о мире; научная картина мира — систематизация знаний на почве категориальных структур сознания. Новое в науке — следствие научной революции (Т. Кун), история науки — история интерпретации отношения «субъект — объект»: субъект отделяется от объекта; полагается, что через средства

влияет на объект, что взаимодействует с объектом в границах мировоззренчески и интеллектуально обусловленных взаимоотношений с миром. Это основные черты классического, неклассического естествознания и постнеклассической науки, каждый раз это новая научная рациональность и новая научная картина мира. Постнеклассическая наука — исследование сверхсложных «человекоразмерных комплексов», применение исторических методов, междисциплинарный синтез знания, сближение естествознания и гуманитарных наук, науки Запада и Востока. Складывается многомерная картина мира, включающая в себя знание о человеке. В. С. Степин не разделяет свойственную К. Попперу и И. Пригожину идею человекоцентризма: человек в картине мира — «один из объектов сугубо объективного способа ее построения». На вопросе о том, какой должна быть наука о человеке, он не останавливается.

Отношением к психологии философия науки не отличается от эпистемологии: состояние, в котором она находится, не принимается, ее ориентация на естествознание осуждается. К психологии философы если и обращаются, то только для иллюстрации своих идей. Б. Рассел находит возможным перевод понятий психологии на язык физики — только тех, которые не касаются «интуитивного знания»; Р. Карнап требует от психологов верификации их позиций; Л. Витгенштейн называет свою теорию философской психологией, при этом отрицает и философию, и психологию в их традиционном виде; К. Поппер по поводу идей З. Фрейда заявляет, что они «не более научны, чем истории Гомера об Олимпе». И. Лакатос не принимает апелляции к психологии Т. Куна и П. Фейерабенда: иррациональные основания науки делают ее невозможной. Философы видят, что психология не выдерживает сравнения с естествознанием, и выносят ее за рам-

ки науки. Характерно, что А. Маслоу и М. Г. Ярошевский за примерами обращаются преимущественно к естествознанию.

А. В. Юревич (2005) так описывает психологию: сосуществуют альтернативные модели объяснения природы психического; каждое новое направление объясняет предыдущие набором ошибок и артефактов; отсутствуют критерии добытия, верификации и адекватности знания; знание не образует последовательности и не накапливается; психология человека расчленяется на отдельные психические процессы и явления; проблемы здесь указывают на отсутствие прогресса в познании, научные школы «не имеют ничего общего, кроме границ», а теории, «как и парадигмы Т. Куна, несовместимы». Это оценка психологии с позиций позитивизма, дальше — уже постпозитивизм в духе П. Фейерабенда: «психология такова, какова она есть и другой быть не может»; зачем психологам следовать нормам познания, принятым в физике, если сами физики им не следуют? О нормах психологии говорить трудно уже потому, что по-разному определяется предмет этой науки (Мазилев, 2006). Психологи исследуют реакции, состояния, процессы, свойства, человек в психологии — и организм, и индивид, и личность, и межличностные отношения, и взаимоотношения с миром... Количество теорий здесь отвечает количеству выдающихся психологов, при этом у каждой теории — свой предмет, что для автора теории является предметом психологии. Историки находят в ней логику, но к общему мнению не приходят, уже этим свидетельствуя, что психолог непосредственно присутствует в психологическом познании (Мясоед, 20156). Как можно психологию ставить в один ряд с естествознанием?

Философия науки указывает на особую роль ученого в научном поиске (Т. Кун, П. Фейерабэнд) и выводит эпистемологию на новый этап развития, ког-

да находит его присутствующим в мире, предстоящем перед ним как объект познания (К. Поппер, И. Пригожин). Субъектоцентризм в эпистемологии трансформируется в *человекоцентризм*, и это уже *постнеклассическое* определение места человека в познании. Исследование постнеклассической науки приводит к осознанию необходимости включения знаний о человеке в научную картину мира (В. С. Степин), об этом же говорит психология науки (А. Маслоу, М. Г. Ярошевский). Каждая позиция в области науковедения несет на себе печать мышления автора, это форма его присутствия в исследуемом процессе.

Психология предметом эпистемологического анализа не становится, но необходимость в этой науке осознается: Э. Гуссерль разрабатывает проект феноменологической психологии, М. Хайдеггер закладывает основания экзистенциальной психологии, Э. В. Ильенков говорит о марксистской психологии, М. Фуко — о психологии бытия. Движение от эпистемологии к психологии, о чем говорилось в начале статьи, происходит и продолжается в мышлении психологов, когда они обращаются к идеям эпистемологов.

Идеи эпистемологов и мышление психологов

Последователи Э. Гуссерля реализуют проект феноменологической психологии в форме дескриптивного интуитивно-аналитического метода в исследованиях соотношения знаков и предметных референтов, структуры переживаний и «чистого» сознания; проект не выдерживает проверки временем, но метод находит применение в экзистенциальной психологии (Улановский, 2007). Прежде всего — в Dasein-анализе Л. Бинсвангера (2001), основанном на идеях М. Хайдеггера. Феномены бытия определяются

в терминах «понимание» и «интерпретация», уровни Dasein становятся критерием разграничения психического здоровья и заболевания. Dasein-анализ наполняется понятиями «я», «бытие-с-другим», «априорные матрицы значений», «бытие-за-пределами-мира». «Я» — это «внутреннее пространство и время», потребности, переживание, мышление, акты творчества, постигаемые «феноменологическим методом». Л. Бинсвангер понимает Dasein как возможность выбора человеком восприятий и переживаний мира, трансцендирование субъективности, дальше вводит понятие индивидуально-го Dasein как свидетельства присутствия конкретного человека в бытии и основания индивидуального мира, представленного в матрице априорных значений. По словам Л. Бинсвангера, М. Хайдеггер уничтожил «роковой дефект психологии — субъект-объектную дихотомию», но сам он преодолевает эту дихотомию не через понятие Dasein, а через понятие «я», бытие предстает в субъективном, «внутреннем» измерении. О бытии мира речи нет.

Теорию марксистской психологии разрабатывает А. Н. Леонтьев (1983), утверждая, что только категория предметной деятельности, практики позволяет объяснить природу психического, удерживая в себе то, что для картезианской психологии является несовместимыми сущностями. Субъективное и объективное — не душа и тело, материальное и идеальное, а деятельность в ее двух, тождественных по строению, формах. Внешняя форма интериоризируется, мир отражается в образе. Последний является предметным и в этом качестве побуждает деятельность: ее мотивом выступает вещь мира, способная удовлетворить потребность человека, актуализированную процессом деятельности; эмоция сигнализирует о степени ее удовлетворения. За усложнением строения деятельности следует развитие познавательных процес-

сов, формирование сознания; исторически это продукты производственных отношений, онтогенетически — усвоения ребенком объективированного в предметах общественного опыта. Разграничение, лежащее в основе картезианской психологии, — мышления и протяженности — уступает место разграничению предметной деятельности и ее превращенных, идеализированных форм. Место «постулата непосредственности», согласно которому образ возникает вследствие воздействия внешних агентов на органы чувств, занимает «принцип опосредования», его функцию выполняет категория практики. Это явственно неклассическая, монистическая психология (Соколова, 2001). А. Н. Леонтьев создает научную школу, но «идеологическая функция психологии», под которой он понимает противоборство марксистской теории психического с любой другой теорией, после распада СССР теряет свое значение, а школа — позиции. Новое поколение российских ученых провозглашает идеи гуманистической и экзистенциальной психологии; вместе с категорией практики за пределами психологии оказывается общенаучный принцип детерминизма, психическое объявляется самоценным, самопроизвольным явлением (Мясоед, 2015а).

Психология бытия, по А. Маслоу (1997), — психология «внутренней природы человека», угнетение бытия в человеке — искажение его природы и причина болезни, освобождение через самоактуализацию — признак психического здоровья. Самоактуализация — реализация творческого потенциала человека, поиски «в самом себе» решений проблем, личностный рост. Бытие человека — становление возможного и появление новой, через «пиковые» переживания, психической реальности; основой этого процесса является сила, которая «живет в человеке», побуждает его к постижению все-

общих ценностей, так индивидуальное восходит к универсальному. Личность — замысел и детерминанта собственного развития, выход за пределы «географической» и достижение истинной свободы. Призвание психологии — открыть человеку ценности его бытия, поддержать стремление к самоактуализации, помочь преодолеть преграды на пути к личностному росту. А. Маслоу конкретизирует позиции гуманистической психологии, основателем которой является, психология бытия в его понимании имеет им же заложенные эпистемологические основания.

То, как преодолевается логика Р. Декарта в эпистемологии, — такова эпистемология, как это происходит в психологии — такова психология (Мясоед, 2015б). Определение места человека в познании отражается в определениях природы психического: субъективное либо обособляется от объективного, либо приводится с ним в соответствие. Дуалистическое и монистическое мышление в эпистемологии является таковым же в психологии, преодолевая дуализм, эпистемология и психология выходят на неклассический и далее — постнеклассический уровень развития. Мышление в этих дисциплинах открывает возможность психологического взгляда на эпистемологию и эпистемологические характеристики психологии.

Экзистенциальная психология Л. Бинсвангера вопрос о соотношении субъективного и объективного решает противоположным относительно марксистской психологии А. Н. Леонтьева образом. Объективное характеризуется через субъективное, мир, являющийся для А. Н. Леонтьева исторической, объективной данностью, в мышлении Л. Бинсвангера не представлен. Как и Р. Декарт, он не находит связи между свойствами человека и свойствами мира. А. Маслоу ее даже не ищет, объявляя бытием человека его «внутреннюю природу». И экзистенциальная, и гуманистическая психологии

исследуют мир переживаний человека, но не мир его бытия. Психическое понимается как причина самого себя. «Causa sui», — говорит Б. Спиноза, но это означает, что сущность заключает в себе существование, существованием является природа, психическое — ее атрибут. С эпистемологической точки зрения, между гуманистической и экзистенциальной психологией нет разницы, это *субъектоцентризм*. С. Л. Рубинштейн называет такой подход «куцым антропологизмом, не учитывающим объективного места человека в мире» (2003, с. 359), В. А. Роменец — «психологией Мюнхгаузена, который сам себя поднимает за волосы» (Роменец, Мануха, 1998, с. 826). Если марксистская психология — это психология деятельного способа бытия человека в мире, то «куцый антропологизм» или «психология Мюнхгаузена» — это психология бытия в человеке.

Экзистенциальную психологию называют «неклассическим подходом в науках о человеке» (Леонтьев, 2008). Чтобы говорить о классическом или неклассическом подходе, следует исследовать мышление психолога. С классическим подходом, отталкиваясь от категории практики, последовательно борется А. Н. Леонтьев, эта же категория разводит его с Л. С. Выготским (Мясоед, 2010). Он связывает с именем Л. С. Выготского марксистский «принцип опосредования» в психологии, но согласно его теории развитие психического опосредуется деятельностью, а не «культурным знаком». Классической дуалистической психологии внутреннего мира противостоит монистическая психология интериоризированного мира. Вопрос в полноте охвата психической реальности. Если психическое — момент предметной деятельности, природа которой общественно-историческая, то где здесь место индивидуальным особенностям человека? Как психическое соотносится с явлениями другой природы, например, с генетическим? С. Л. Рубин-

штейн (1973) находит, что А. Н. Леонтьев неправильно трактует марксову категорию присвоения, не учитывает диалектику внутреннего и внешнего, не принимает во внимание, что ничто не входит в процесс развития извне, «безо всяких на то причин». Далее идет формула принципа детерминизма: «внешнее преломляется через внутреннее», но в трудах С. Л. Рубинштейна она описывается по-разному, а дискуссии ясности не приносят (Мясоед, 2009). Марксистская психология сталкивается с трудностями в попытках определить природу психического.

Преодолеть трудности можно только при другом толковании бытия человека. Именно так и происходит, когда С. Л. Рубинштейн в последнем труде проводит «основную линию выхода за пределы марксизма» и провозглашает идею существования человека внутри бытия (Рубинштейн, 2003). Она напоминает хайдеггеровскую, на самом деле это ряд новых, относительно положений К. Маркса, позиций: индивидуальное соотносится не с социальным, а со всеобщим; природа — не только сфера материального производства, это мир как совокупность соотношенных с человеком вещей, очеловеченное бытие; свое присутствие в бытии человек выявляет любым отношением к миру, включая созерцание; свобода человека — в действиях вопреки внешнему давлению; смысл его бытия — быть «состью мира», «сознанием человечества»; «человек — зеркало Вселенной». С. Л. Рубинштейн приходит к выводу, что за отношением «мышление — бытие» следует видеть отношение «человек — мир», переступает границы марксизма, существенно расширяя понятие бытия. Последнее не субъективизируется, как в экзистенциальной психологии Л. Бинсвангера или гуманистической психологии А. Маслоу, и не объективизируется, как в марксистской психологии А. Н. Леонтьева, а очеловечивается — предстает историческим

движением, освещающим фундаментальные смысловые аспекты того, что и как человек делает в мире и что предельным образом характеризует его самого. Это неклассическая психология в ее развитии и новый предмет данной науки — психическое человека как свидетельство его непосредственного присутствия в бытии. И проблема человека, которую через «объективное» видение бытия теряет марксистская психология. Открывается возможность пути к психологии бытия принципиально нового типа. Пройти его С. Л. Рубинштейн не успевает. В диалоге с ним путь проходит В. А. Роменец. Это оригинальная линия развития психологической мысли и неординарный вклад в психологическое познание (Гусельцева, 2016; Мясоед, 2013).

Позиции диалога: идеи о непосредственном присутствии психического в мире, о мире как совокупности явлений, соотношенных с людьми, человеке как зеркале Вселенной — возможность охарактеризовать психическое онтологически, все в психологии следует понимать через «человеческий срез как зеркало Вселенной». Суть психического — в «видении мира изнутри», это своеобразный способ самоотражения мира. Формула С. Л. Рубинштейна «человек внутри бытия» раскрывает отношение конечного и бесконечного, но следует продолжить: конечное и бесконечное удерживает в себе поступок. *«Диалектический переход человека и мира — вот что такое поступок»*, это «универсальная категория», с которой нужно начинать и завершать теорию психологии (Роменец, Маноха, 1998, с. 150). Поступок открывает мир изнутри, мир становится «видимым», все содержание психического сосредоточивается в поступке, при этом «открывается центральная проблема психологии — *проблема человека*» (там же, с. 898). Психология XX столетия рассматривает только один компонент поступка — действие — и проблему не иссле-

дует. Возникают «антигуманистические направления» — рефлексология, гештальтпсихология, бихевиоризм, психоанализ. Последний становится «комплексом вины» столетия: человек теряет веру в себя, погружается в бессознательное и выносит оттуда темные стороны своей сути. Гуманистическая психология ситуацию не меняет, «самоопределение может быть катастрофически преступным». Проблема человека возвращается в психологию вместе с пониманием, что психическое объективируется в предметах культуры, событиях истории, вкладах в культуру выдающихся личностей, в пути, который человек, с находками и потерями, через страдания и экстатические переживания, удерживая в себе канон бытия, исторически прокладывает². Свою теорию В. А. Роменец называет культурно-гуманистической, ее истоки находит в украинской мысли эпохи Просвещения.

С. Л. Рубинштейн мыслит марксистской категорией практики, в последний

период творчества переживает «великий переворот» и провозглашает новые идеи; В. А. Роменец мыслит категорией поступка, идет дальше и разворачивает теорию поступка, составляющей которой является психология способа бытия человека. Как и в теории А. Н. Леонтьева, в основу объяснения природы психического положен принцип опосредования, но это не предметная деятельность, а поступок, и монизм уже другого порядка. Для А. Н. Леонтьева практикой является общественно-историческая деятельность, для С. Л. Рубинштейна — любые формы взаимоотношений человека с миром, для В. А. Роменца — поступок. Человек подчиняется способу бытия, провозглашается присутствующим в бытии, характеризуется через способ бытия. По-разному понимается место человека в бытии, по-разному определяется природа психического. Относительно марксистской психологии интериоризированного мира, это психология экстериоризированного мира. Выготский и Леонтьев исходят из первого понимания психологии и ограничивают ее исследованием природы психического как такового; Рубинштейн и Роменец исходят из второго понимания и открывают перед этой наукой возможность исследования человека со свойственным ему психическим в его взаимоотношениях с миром. Завершая свой творческий путь Роменец провозглашает идею канонической психологии: поступок возвышается к рангу канона, свидетельствуя о своей трансцендентности, о человеке говорит, что он экстатически возносится к универсальному — временем-пространством человеческого бытия, последнее предстает во всеобщем-универсальном творческом выражении.

Психология в лице конкретного мыслителя устремляется к бытию человека в его полноте. И это уже *постнеклассическая психология*, существенно отдаленная от предшествующих этапов становле-

² Решением проблемы человека считается комплексное изучение человека как многоуровневой системы; сущность человека видится в совокупности свойственных ему функций, объединить которые призван системный подход (Логина, 2017). А. Г. Асмолов называет это «птолемеевской системой отсчета в познании человека» и противопоставляет ей «коперниканскую деятельностьную концепцию анализа человека — бытие человека в мире, включающее естественно-исторический процесс становления человечества в ходе преобразования природы, общества, человека, очеловечивание мира, поступки человека как автора и действующего лица своей жизненной драмы, восхождение в истории общества и истории каждого человека к свободной индивидуальности» (Асмолов, 2007, с. 67). Это предмет неклассической психологии, и решение проблемы человека психологом состоит в усмотрении сущности человека в том, как, каким образом он осуществляет свое бытие в мире. Определения таким образом понимаемой сущности человека различаются, каждое несет на себе печать индивидуальности автора. Общим является стремление преодолеть картезианскую психологию и выйти на простор целостного, монистического анализа феномена человека, приняв за точку отсчета способ его бытия.

ния данной науки. Как и в науке в целом, в психологии происходят научные революции: на смену классической приходит неклассическая и, далее, — постнеклассическая рациональность (В. С. Степин). Субъективное и объективное предстают противоположностями, сторонами единого мира, характеристиками способа бытия человека в мире. На смену классической, на изменяющемся эпистемологическом основании, приходит неклассическая и постнеклассическая психология.

А. Маслоу к эпистемологии не обращается, Л. Бинсвангер конкретизирует эпистемологические идеи М. Хайдеггера, А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн — К. Маркса. В. А. Роменец излагает теории познания, но ни одной не отдает предпочтения. Связь его теории с эпистемологией прослеживается, когда он дополняет определение С. Л. Рубинштейна «человек — зеркало Вселенной»: мир видит себя «изнутри» через поступок, в этом состоит функция психического. Конкретизируется то, что в эпистемологии звучит мыслью Б. Спинозы о свойстве бытия через человека выражать свою потаенную сущность, Г. В. Лейбница о монаде как зеркале мира, словами Г. В. Ф. Гегеля: «Человек знает о Боге то, что Бог в человеке знает о себе». В. А. Роменец неоднократно цитирует созвучные слова Г. С. Сковороды: «Одними и теми же глазами, которыми человек смотрит на Бога, Бог смотрит на человека» и Ибн аль-Фарида: «Вселенная, любя, творит глаза и уши, чтобы познать себя». С. Л. Рубинштейн, в свою очередь, приводит высказывание К. Маркса об органах индивидуальности как «зеркале и эхе Вселенной». Человек видится неотъемлемой частью мира, познание мира — его, в лице человека, самопознанием. Идея высказывается, теряется, снова появляется, теперь уже на постнеклассическом, со свойственным ему человекоцентризмом, этапе истории эпистемологии. Согласно К. Попперу и И. Пригожину, че-

ловек присутствует в мире, предстоящем перед ним как объект познания. В. А. Роменец, продолжая С. Л. Рубинштейна, утверждает: познание — способ бытия человека в мире в форме поступка; познавая мир, человек познает себя; психическое — своеобразный способ самоотражения мира. Место человека в познании предстает местом человека в психологическом познании. Эпистемология становится психологией.

Культурно-гуманистическая психология В. А. Роменца — движение не от эпистемологии к психологии, как в экзистенциальной психологии Л. Бинсвангера и марксистской психологии А. Н. Леонтьева, а от психологии к эпистемологии, как в гуманистической психологии А. Маслоу. Но противоположным образом: А. Маслоу центрируется на субъективном и продолжает картезианскую психологию внутреннего мира. В. А. Роменец осмысливает историю познания человека, находит ее неотъемлемым аспектом познания человеком мира и выражает идеи эпистемологии, когда она выходит на уровень человекоцентризма. Психологию и эпистемологию связывает мышление авторов теорий этих дисциплин.

Заключение, или Человек как автор теории познания

Источником психологической мысли выступает заданная Р. Декартом оппозиция «субъект — объект», принципом — творческий диалог, вектором — движение мышления от дуализма к монизму. Р. Декарту возражает Б. Спиноза: субъект и объект охватываются понятием субстанции. И. Кант делает революционный шаг, заявляя, что объект конструируется мышлением субъекта. У Г. В. Ф. Гегеля — диалектическое мышление и историческая теория познания о всеобщем субъекте идеального бытия; в плане уже «объективного» понимания бытия ее про-

должает К. Маркс. А. Бергсон — следующая революция и представление о познании бытия в его живом движении, длительности; ее конкретизируют теории Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. М. Фуко оппонирует Р. Декарту, И. Канту, К. Марксу и таким образом их продолжает. Теория познания — следствие логики, установленной ее автором во время изучения идей предшественников и творческого диалога с ними. Образуется цепь определенным образом связанных идей, высвечивается путь от классической к неклассической и, уже в философии науки (К. Поппер, И. Пригожин), постнеклассической эпистемологии.

Т. Кун называет теорию гештальтом, который организывает видение автором предмета объяснения, отсюда *эффект скованности* автором собственной теорией. Он считает ее единственно правильной, от нее не отступает, а когда отступает, то это уже другая теория. В этом же ряду *эффект абсолютизации*: автор попадает в плен им созданного, не видит, что степень совершенства его теории относительна и что вскоре она сойдет со сцены познания. Теория является историко-логико-психологическим продуктом. В следующей теории идеи предшествующей как бы исчезают, на самом деле освещают расстояние, которое проходит автор, обозначая его уровнем дарований, знаниями, темами сознания и бессознательного и, что главное, — мышлением. Биография мыслителя — не только история его идей, но и история процесса, рождающего и разворачивающего эти идеи. На каждой теории лежит печать мышления автора, при этом сама теория становится теорией познающего мышления. В теории познания это происходит, когда выясняется, что за отношением «субъект — объект» кроется отношение «мышление — бытие».

Автор теории познания находит объект предстоящим субъекту в наглядно данной ему системе координат, утвержда-

ет, что объект неотделим от процесса познания, настаивает, что субъект и объект являются элементами некоего большого целого. Каждый раз это принципиально разные теории, другое направление в эпистемологии — субъектоцентризм, процессуализм, субстанциализм, и другое представление о месте человека в познании. Дуалистически мыслит Р. Декарт, когда противопоставляет неделимую и протяженную субстанции, монистически — Б. Спиноза: противопоставляются свойства природы мышлением как свойством природы, человек — ее неотъемлемая часть, природа через него познает себя. Проговаривается идея тождества мышления и бытия. У Г. В. Ф. Гегеля ее новая, диалектическая форма: всеобщая природа мышления отчуждает свое бытие в форме материи, материя — инобытие мышления, познание — постижение мышлением всеобщей сути того, выражением чего само является. Э. В. Ильенков находит эту идею у К. Маркса: мышление тождественно вещи потому, что формируется в деятельности, где вещь превращается в понятие, а понятие — в вещь. Идею тождества мышления и бытия рождает мышление конкретного философа, что становится свидетельством непосредственного присутствия в бытии того, кто о нем мыслит. А. Бергсон и Э. Гуссерль апеллируют к интуиции, но именно мышлением доказывают: бытие познается через присутствие в нем обладающего сознанием человека, он погружается в то, с чем имманентно связан. Идея тождества мышления и бытия рождается мышлением философа, через него заявляющим о своей имманентной связи с тем, о чем он говорит другим людям. М. Хайдеггер, мысля уже по-другому, создает систему философии, выражая собственное представление о бытии. Познание в любой его форме осуществляется способом мышления конкретного человека и потому является «моим» познанием (М. К. Мамар-

дашвили). М. Хайдеггер как-то сетовал, что с трудом узнает свои мысли в изложении коллег. Потому, что мыслит о том и там, где пребывает сам; бытие его словами рассказывает о себе, предстает в уникальном, неповторимом выражении. Идея тождества мышления и бытия характеризует место человека в познании, при этом затеняет то, что это также место автора данной идеи, что он присутствует в познании способом бытия, каковым является его мышление.

Авторы теорий, квалифицируемых как субъектоцентризм и процессуализм, идею тождественности мышления и бытия не проводят: за точку отсчета берется человек, бытие видится в его отстраненности от человека. За точку отсчета бытие берется в теориях, квалифицируемых как субстанциализм, при этом теряется видение человека как субъекта познания. М. Фуко доводит эту линию мысли до логического завершения — исключает понятие «субъект» из теории познания, отрицая таким образом собственное присутствие в познании. Ситуацию радикально, в лице К. Поппера и И. Пригожина, меняет философия науки, и это уже субстанциализм с видением человека в центре познавательного процесса. Как и прежде, исследователи выносят себя за рамки познания, не принимая во внимание, что своим мышлением его осуществляют. Тогда как в познании соотносятся универсальное и уникальное?

В. А. Роменец отвечает на этот вопрос словами: «Уникальное — инструмент постижения универсального», а его собственное творчество становится тому прямым свидетельством. Ситуация, мотивация, действие, последствие, о которых он говорит как о компонентах поступка, — компоненты его, развернутого во времени и объективированного во многих книгах, мышления. Ситуация поступка предстает своими значениями; мотивация — побуждением к установлению

новых отношений с миром; действенное отношение состоит в череде преобразований мира, вступает в силу последствие и это уже реакция на сделанное и содеянное. Каждая историческая эпоха видит поступок по-своему, он же удерживает в себе канон и к нему устремляется. Мышление о поступке вначале накладывается на ситуацию психологического познания новые значения, рождает идеи, побуждающие продолжить этот процесс, последовательными актами разворачивает теорию поступка, последствием становится идея канонической психологии. «Поступковая спираль» в психологическом познании, о которой говорит В. А. Роменец, — это и спираль его мышления, где каждый виток возвышается над предыдущим, приближаясь к своему канону. Поступок как объект исследования конструируется мышлением, осуществляемым как поступок³. Идея мыслителя о психическом как своеобразном в поступке, способе самоотражения мира согласовывается с идеей тождества мышления и бытия на основе положения о непосредственном присутствии психолога в исследуемом им всеобщем процессе.

Идеи классической, неклассической, постнеклассической эпистемологии обнаруживают себя в идеях классической,

³ Еще пребывая в поисках собственного пути в науке, В. А. Роменец (1972) описывает процесс, который впоследствии становится процессом его творчества. Человека он называет «органом творческого процесса», «субъективностью, которая стремится быть выраженной» и «исчезает в творческом продукте». Уникальное, в форме мышления ученого, непосредственно присутствующего в познании, экстатически восходит к универсальному, каковым является сущностный способ бытия человека, и через себя его выражает. Универсальное рассказывает о себе его словами, оставаясь универсальным, психологическое познание не знает границ. Как и любая другая теория, теория поступка является «уникальным взглядом на мир» (П. Фейерабенд), при этом складывается диалогически и продолжает историю и логику психологического познания, представленную мышлением ее автора.

неклассической, постнеклассической психологии. Определение эпистемологами места человека в познании находит отражение в теориях психологов; мышление в эпистемологии коррелирует с мышлением в психологии; эти дисциплины связаны необходимостью соотнесения субъективной и объективной реальностей. В эпистемологии преодолевается субъектоцентризм и утверждается человекоцентризм, человекоцентричной на новом этапе своей истории становится психология. Мышление автора теории психологии является эпистемологически нагруженным и становится свидетельством осуществляемого в его лице движения от дуализма ко все более содержательному монизму. Философская идея тождества мышления и бытия выступает иллюстрацией непосредственного присутствия человека в познании, в любой его форме. Место, которое автор теории, и эпистемологии, и психологии, реально занимает в познании, говорит о том, что понятия «субъект», «объект», «автор теории познания» образуют один ряд и что только анализ соотношения этих понятий позволяет составить представление о природе и сущности данного феномена.

Эпистемология остается теорией познания человеком мира, но уже то, что мышление в эпистемологии продолжается в психологии, а мышление в психологии конкретизирует идеи эпистемологии, открывает возможность продвижения к теории познания человека. Для этого необходим диалог между исследователями, который учитывал бы достижения этих дисциплин, центрировался на свойствах человека в познании и способе его бытия в мире и служил бы их взаимному обогащению. Теория познания человека необходима и психологии, и другим наукам антропологического круга для продолжения исторического процесса постижения феномена человека, а также, чтобы служить основанием обобще-

ний результатов исследований в области антропологии⁴.

Литература

Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. (1998) Психология науки. М.: Московский психолого-педагогический институт; Изд-во «Флинта».

Асмолов А. Г. (2007) Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия.

Балл Г. А. (2006) Психология в рационалистической перспективе. Избр. работы. К.: Основа.

Бинсвангер Л. (2001) Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя и др. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс. С. 308–332.

Гусельцева М. С. (2016) Творчество В. А. Роменца в эволюции психологического знания // Академік В. А. Роменець: творчість і праці / упоряд. П. А. М'ясоїд; відп. ред. Л. О. Шатирко. К.: Либідь. С. 146–170.

Лекторский В. А. (2001) Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС.

Леонтьев А. Н. (1983) Деятельность. Сознание. Личность // А. Н. Леонтьев. Избр. психол. произв.: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика. С. 94–231.

Леонтьев Д. А. (2008) Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: сб. науч. работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. С. 205–225.

⁴ В «Теории познания» (см. сноску 1) антропологией считается комплексное познание человека, не связанное ни с психологией, ни с «философской проблемой человека». При этом высказывается предположение, что «решение проблем человековедения лежит на пути внимательного изучения и анализа позиций исследователя» (1995, т. 4, с. 24). А это область и эпистемологии, и психологии. Психология, перед которой встает проблема человека, — наука философского содержания. Вынесение психологии и философии за рамки антропологии является безосновательным.

- Логинова Н. А. (2017) Проблема человека в современной российской психологии // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. № 1. С. 81–110.
- Мазилев В. А. (2006) О предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 55–72.
- Маслоу А. (1997) Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер.
- Мясоед П. А. (2009) С. Л. Рубинштейн: идея живого человека в психологии // Вопросы психологии. № 4. С. 108–118.
- Мясоед П. А. (2010) История, логика и психология «параллелограмма Леонтьева» // Вопросы психологии. № 6. С. 113–124.
- Мясоед П. А. (2013) Творческое наследие В. А. Роменца в историко-психологическом знании // Психологический журнал. № 3. С. 51–59.
- Мясоед П. А. (2015а) Категория практики и методологии психологии // Вопросы психологии. № 3. С. 106–115.
- Мясоед П. А. (2015б) Плюрализм и монизм в методологии психологии // Методология современной психологии. Вып. 5 / под ред. В. В. Козлова и др. М.; Ярославль: ЯрГУ; ЛКНИСИ; МАПН. С. 146–159.
- Пиаже Ж. (1994) Генетическая эпистемология // Вопросы философии. № 5. С. 54–63.
- Ройс Дж. Р. (2006) Эпистемология психологическая // Р. Корсини, А. Ауэрбах. Психологическая энциклопедия. СПб.: Питер. С. 1788.
- Роменець В. А. (1972) Аналіз творчого процесу // Філософська думка. № 1. С. 52–62.
- Роменець В. А., Маноха І. П. (1998) Історія психології ХХ століття. К.: Либідь.
- Рубинштейн С. Л. (1973) Теоретические вопросы психологии и проблема личности // С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. С. 241–252.
- Рубинштейн С. Л. (2003) Человек и мир // С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер. С. 281–426.
- Соколова Е. Е. (2001) «Неклассическая» психология А. Н. Леонтьева и его школы // Психологический журнал. № 6. С. 14–24.
- Степин В. С. (2004) Важно, чтобы работа не прекращалась: беседы // Вопросы философии. № 9. С. 16–71.
- Теория познания: в 4 т. (1991–1995) / под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль.
- Улановский А. М. (2007) Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 130–150.
- Юревич А. В. (2005) Психология и методология. М.: Институт психологии РАН.
- Bishop M. A., Trout J. D. (2005) Epistemology and the psychology of human judgment. Oxford: Oxford University Press, Inc.
- Corlett J. A. (1991) Some connections between epistemology and cognitive psychology // New ideas in psychology. V. 9. Is. 3. P. 285–306.
- Fenici M. (2009) Psychology and psychologies: wich epistemology? // Humana. Mente. Is. 11. / M. Fenici (Ed.). P. V–XV.
- Goldman A. I. (1990) The relation between epistemology and psychology // Philosophy, mind and cognitive inquiry / D. J. Cole at al. (Eds.). Kluwer academic publisher. P. 305–344.
- Maslow A. (1966) The psychology of science: a reconnaissance. N.Y.: Harper & Row.

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. С. МЕРЛИНА

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТИЛЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ШКОЛЕ В. С. МЕРЛИНА (к 120-летию со дня рождения ученого)

Б. А. Вяткин

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет, Пермь, Россия,
e-mail: bronslav.vyatkin@gmail.com*

М. Р. Шукин

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет, Пермь, Россия*

Статья посвящена анализу истории создания и развития учения об индивидуальном стиле деятельности, разработанном В. С. Мерлиным и его учениками. В развитии представлений о стилях человека в его научной школе отчетливо выделяются несколько линий, характеризующих переход от одного этапа исследования к другому. Так, последовательно происходил переход от изучения стиля в связи с основными свойствами нервной системы к его изучению в связи с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности; от характеристики стиля в узком плане, отражающей процессуально-операциональные особенности деятельности, поведения и т. д., к характеристике его структуры в широком плане, включающей в себя особенности его результативной стороны, системы его внутренних условий и отражения субъектом внешних условий жизнедеятельности; от изучения стиля на уровне его достаточной сформированности к изучению разных уровней его развития; от характеристики стиля как системы к его полисистемной характеристике; от выделения приспособительной и компенсаторной функций стиля к выделению новых функций: системообразующей, интегративной, развивающей и др.; от преимущественно адаптивных схем рассмотрения взаимодействия стиля с миром к схемам, отражающим активность субъекта в этом взаимодействии, что связано с применением субъектного подхода в изучении стиля; от изучения стилей различных видов деятельности к изучению стилей других аспектов жизнедеятельности человека: активности, поведения, самоорганизации и т. д. Это свидетельствует о достаточно оформившейся фундаментальной теории стиля, которая выступает в качестве одной из ведущих, наряду с теориями интегральной индивидуальности и субъекта, обеспечивающих целостное познание человека в современной отечественной психологии (Вяткин, Шукин, 2016а).

Ключевые слова: стиль, жизнедеятельность, активность, деятельность, поведение, свойства, интегральная индивидуальность, процессуальная сторона стиля,

результативная сторона стиля, внутренние условия, внешние условия, функции стиля, развитие стиля, система, полисистема, интеграция.

DOI: 10.7868/S1819265318030081

Для цитаты: Вяткин Б. А., Щукин М. Р. (2018) История и методология исследования стилей человека в школе В. С. Мерлина (к 120-летию со дня рождения ученого) // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 127–150.

Введение

В январе 2018 года исполнилось 120 лет со дня рождения видного деятеля отечественной психологической науки, основателя Пермской психологической школы Вольфа Соломоновича Мерлина. В круглые юбилейные даты принято подвергать осмыслению научное наследие и перспективы развития теорий крупных ученых, так как со временем их фундаментальные идеи не устаревают, в них открываются новые горизонты, повороты и направления.

В. С. Мерлин, выдающийся психолог-исследователь, внес существенный вклад в развитие представлений о темпераменте, личности, мотивах, способностях, интегральном исследовании индивидуальности человека, обогатив общую и дифференциальную психологию, психофизиологию, психологию развития и другие области психологического знания. Особой его заслугой стала разработка теории индивидуального стиля. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы обозначить основные положения этой теории, определить в ней актуальные направления, охарактеризовать их развитие и перспективы.

1. Вклад В. С. Мерлина в разработку проблем стилей человека

В исследованиях В. С. Мерлина проблемы индивидуального стиля деятельности (ИСД) были предметом постоянного внимания на протяжении более чем 30 лет. Он являлся научным руководителем восьми кандидатских диссертаций

по проблемам стиля и был научным консультантом по докторской диссертации своего ученика Е. А. Климова, нашедшей отражение в известной монографии последнего (Климов, 1969).

Проблемы стиля представлены также в большом числе публикаций В. С. Мерлина, начиная от обобщения дипломных работ, выполненных под его руководством, и заканчивая последней его монографией (Мерлин, 1986). Эти проблемы рассматривались им при разработке многих вопросов, касающихся темперамента, личности, способностей, социально-психологических проблем и проблем интегральной индивидуальности (ИИ).

В издававшихся под его руководством сборниках научных трудов и психологических журналах постоянно публиковались результаты исследований по проблемам стилей человека, выполненных в его лаборатории и лаборатории Е. А. Климова. В одном из первых таких сборников (Типологические исследования..., 1964) были опубликованы результаты исследования по стилям трудовой деятельности наладчиков (Л. А. Копытова, с. 7–43) и учебно-производственной деятельности учащихся-токарей (М. Р. Щукин, с. 43–65; С. И. Асфандиярова, с. 66–79). В дальнейшем под руководством В. С. Мерлина были выполнены исследования по стилям учебной деятельности (А. К. Байметов, М. Б. Прусакова), деятельности дошкольников (Э. М. Мазвилюк, Л. А. Вяткина, Э. В. Штиммер), деятельности руководителей-бригадиров (В. В. Люкин); результаты исследований были опубликованы в редактируемых им

В. С. Мерлин знакомится со своей статьей
«Чему и как учить будущих учителей по пси-
хологии» в журнале «Вопросы психологии».
Пермь, 1964 г.

В. С. Мерлин с группой молодых преподавателей и аспирантов (слева направо: В. С. Мерлин,
М. Р. Шукин, Г. В. Быстрова, А. А. Коротаев, Э. В. Штиммер, Т. М. Палкина). Пермь, 1968 г.

сборниках. В. С. Мерлин также разрабатывал проблемы стиля общения. В ряде исследований, проведенных в его лаборатории, были получены данные, имеющие отношение к этим проблемам (Н. М. Гордеева, А. А. Ерошенко, В. В. Люкин, И. Х. Пикалов), что нашло отражение в его последней монографии (Мерлин, 1986, с. 181–195).

В. С. Мерлин сформулировал ряд важных положений, которые сохранили свою актуальность по настоящее время. Они касаются как основных проблем ИСД (структура, функции, условия формирования), так и более частных вопросов (механизмы приспособления возможностей субъекта к требованиям деятельности, зона неопределенности деятельности и т. д.). Идеи В. С. Мерлина послужили основой для проведения дальнейших исследований его учениками, учениками его учеников и последователями. Наиболее активно проблемы стиля разрабатывались и разрабатываются в Пермской психологической школе, которая выросла из лаборатории В. С. Мерлина и продолжает развитие ее научных традиций (Вяткин, 2007; Вяткин, Щукин, 2007, 2013, 2016а, 2016б; Полисистемное исследование..., 2005; Психология интегральной индивидуальности..., 2011; Щукин, 1995).

Естественно, некоторые аспекты характеристики стиля недостаточно отражены или вовсе не отражены в работах В. С. Мерлина. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, многие факты по проблемам стиля при его жизни еще не были известны. Во-вторых, названные проблемы в основном им рассматривались не как самостоятельные, а в связи с другими проблемами (они названы выше). Это не умаляет значения сформулированных им положений об ИСД. Кроме того, проблемный характер некоторых положений и незавершенность разработки ряда вопросов имеют определенный

позитивный смысл, так как с достаточной отчетливостью показывают необходимость их дальнейшей разработки.

Таким образом, есть основания считать, что В. С. Мерлин внес важный вклад в разработку проблем стилей человека. Вместе с тем сформулированные им положения послужили существенной основой для последующего развития теории ИСД и теории стиля в более общем плане. Проведенные в рамках его концепции ИИ исследования позволили углубить рассмотрение ряда вопросов по различным проблемам стилей человека, уточнить некоторые положения, выделить новые аспекты в характеристике стиля, реализуя таким образом творческий потенциал, заложенный в работах В. С. Мерлина, одновременно открывая новые принципиально значимые характеристики стиля и расширяя проблемное поле его исследования.

2. Этапы, направления и подходы в исследовании стилей человека в школе В. С. Мерлина

В изучении стилей человека в школе В. С. Мерлина ретроспективно можно выделить четыре этапа, которые идут не в строгой последовательности, а в определённой степени перекрывают друг друга.

Для **первого этапа**, охватывающему вторую половину 50-х и 60-е гг. XX века, было характерно, во-первых, выделение особенностей процессуальной стороны стиля в различных действиях и операциях (в подготовительных, контрольных операциях, скоростных возможностях субъекта и др.); во-вторых, установление связей между этими особенностями и отдельными типологическими свойствами нервной системы (подвижностью — инертностью, силой — слабостью). Этот подход можно обозначить как *аналитический*. Уже на этом этапе с достаточной ясностью определилось основное направ-

ление в изучении стиля, заключающееся в выделении особенностей деятельности в связи со свойствами субъекта. Вместе с тем на этом этапе обозначились направления, связанные с изучением структуры стиля, касающейся его процессуально-операциональной стороны, и его функций.

Второй этап, охватывающий 70-е — 80-е гг. XX-го столетия, связан с переходом к изучению особенностей деятельности в связи с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности и систематизацией проявлений процессуальной стороны стиля (выявление симптомокомплексов операций, выделение соотношения ориентировочных и исполнительных действий и т. д.). На этом этапе в структуре стиля стали рассматриваться и особенности его результативной стороны. Важной методологической основой исследований стиля на этом этапе явились разработка В. С. Мерлиным учения об интегральной индивидуальности и целенаправленное изучение стилевых характеристик деятельности в связи с разноуровневыми свойствами индивидуальности: социально-психологическими, личностными, психодинамическими (свойствами темперамента) и нейродинамическими (свойствами нервной системы). Такое изучение стиля позволило В. С. Мерлину сформулировать положение о системообразующей функции стиля по отношению к свойствам интегральной индивидуальности. Подход к изучению стиля на этом этапе может быть назван *системным*. При таком подходе изучение стилевых проявлений стало осуществляться на основе целостных характеристик деятельности. В более конкретном плане стилевые характеристики деятельности стали изучаться на основе выделения в её структуре целей, действий и операций, а также следующих сторон: внешних условий, внутренних условий, способов и результатов деятельности. С применением системного подхода бы-

В. С. Мерлин открывает III Всесоюзный симпозиум «Психологический стресс в спорте». Пермь, 1977 г.

ла решена задача составления целостной разносторонней характеристики стиля на основе учёта общего строения деятельности. Таким образом, на этом этапе произошел существенный прорыв по названным выше направлениям, касающимся связей стилевых характеристик не только с основными свойствами нервной системы, но и со свойствами других иерархических уровней индивидуальности, а также структуры стиля, выходящей за пределы

его процессуально-операциональных характеристик, и функций, определяющих взаимодействие разных сторон стиля.

Третий этап, включающий в себя период с 90-х гг. прошлого столетия по первые годы XXI века, связан с развитием системного подхода, а именно с переходом к полисистемному подходу в изучении структуры и развития стиля. Целостная характеристика стиля стала основываться на выделении трёх полисистем, которые рассматриваются как взаимодействия следующих систем: 1) стиля деятельности в узком смысле (имеются в виду его процессуальная и результативная стороны); 2) интегральной индивидуальности и 3) внешних условий и требований деятельности. Соответственно выделены три полисистемы: 1) стиль деятельности — интегральная индивидуальность; 2) стиль деятельности — внешние условия и требования деятельности и 3) интегральная индивидуальность — внешние условия и требования деятельности. Сказанное позволяет характеризовать подход к изучению стиля на этом этапе как *полисистемный*. В связи с этим подходом было сформулировано положение о системообразующей функции интегральной индивидуальности по отношению к стилевым проявлениям. Существенной особенностью изучения стиля на этом этапе является то, что наряду с продолжением изучения стилей деятельности и общения стали изучаться стили других аспектов жизнедеятельности человека: различных видов активности, поведения в конфликтной ситуации, самоорганизации, адаптации к новым условиям, психологической защиты, реагирования на болезнь, а также стили преодоления личной беспомощности и стили совладания со стрессом в экстремальных условиях деятельности (труд, спорт, искусство). Кроме того, изучались гендерные различия в проявлениях разных стилей. Как особое направление на этом

этапе обозначилось изучение развития стиля в процессе обучения и профессионального становления. В этом же периоде в достаточно оформленном виде выступило направление, в котором предметом анализа стала активность субъекта в стиле, что было связано с реализацией субъектного подхода.

Четвертый этап (первые десятилетия XXI века) характеризуется интеграцией теории стиля с теориями интегральной индивидуальности и субъекта, что позволяет считать теорию стиля одной из теорий, обеспечивающих наиболее полное познание человека. Соответственно этот этап может быть обозначен как *интегративный*.

3. Общая характеристика структуры стиля

На начальном этапе изучения ИСД в его структуре были выделены симптомокомплексы особенностей деятельности. В качестве существенной характеристики в выделенных симптомокомплексах выступило различное соотношение ориентировочных, исполнительных и контрольных действий и операций. Обозначились два вида ИСД: у одних лиц ориентировочная деятельность более развернута и более обособлена от исполнительных действий (у лиц с инертной и слабой нервной системой), а у других эта деятельность менее развернута и в большей степени осуществляется в связи с исполнительными действиями (у лиц с подвижной и сильной нервной системой). Представленные варианты соотношения действий и операций обнаружены в разных видах деятельности (Типологические исследования..., 1964 (Копытова, с. 7–42; Щукин, с. 43–65; Асфандиярова с соавт., с. 65–79); Климов, 1969; Психология стилей человека, 2013 (Байметов, с. 160–176); Щукин, 1995). Отмеченные особенности В. С. Мерлиным (1986) рассматри-

вались как устойчивая система способов выполнения деятельности, характеризующая структуру ИСД.

Е. А. Климов (1969) вводит новый аспект в исследование структуры ИСД, выделяя в нем «ядро» и «пристройку» к нему. В ядро стиля были включены такие способы и особенности деятельности, которые непроизвольно провоцируются в данной обстановке на основе имеющегося у человека комплекса типологических свойств нервной системы, а в пристройку к ядру — особенности деятельности, которые вырабатываются в процессе поисков нужных приемов деятельности. В ядре выделяются особенности деятельности с противоположными характеристиками: одни — способствуют успеху, а другие — препятствуют ему. Последние, как отмечает Е. А. Климов, «обрастают» компенсаторными механизмами. В особенностях, составляющих пристройку, одни связаны с максимальным использованием благоприятных возможностей, а другие выполняют компенсаторную функцию. В отношении обусловленности приемов деятельности особенностями субъекта Е. А. Климов отмечает, что не существует ИСД, однозначно определяемого природными особенностями человека, и что этот стиль в конечном счете выступает как интегральный эффект взаимодействия человека с предметной и социальной средой.

Как видно из сказанного, в первых работах структура стиля деятельности (СД) рассматривалась в плане выделения индивидуального своеобразия в процессуально-операциональной стороне деятельности. Однако, если последовательно исходить из структуры деятельности и при этом иметь ввиду ее психологическую составляющую, возникает необходимость выделения в структуре СД и других аспектов. В соответствии с этим стиль стал рассматриваться расширительно, как целостное образование, включающее

ряд особенностей следующих сторон деятельности: 1) системы внутренних условий, 2) отражения субъектом внешних условий и требований деятельности (ВУТ), 3) процессуальной стороны, включающей в себя систему приемов деятельности (стиль в узком смысле слова), и 4) результативной стороны (Шукин, 1995). В этой структуре стиля в качестве определяющего звена рассматривается взаимодействие внутренних условий, в качестве которых выступают задействованные в нем разноуровневые свойства ИИ. Взаимодействие этих условий характеризует саморегуляцию и обеспечивает индивидуальное своеобразие процессуальной и результативной сторон деятельности, а также отражения субъектом внешних условий и требований. (Характеристика названных сторон стиля дана в последующем изложении.) Представленная целостная характеристика стиля деятельности строится на основе выделения трех полисистем, характеризующих взаимодействие следующих систем: 1) стиля (имеются в виду его процессуальная и результативная стороны) и ИИ, 2) стиля и ВУТ, 3) ИИ и ВУТ (Полисистемное исследование..., 2005 (Шукин, с. 17–49)).

Следует заметить, что в связи с развитием теории ИИ, В. С. Мерлин (1986) выделяет в структуре стиля различные иерархические уровни. При этом он подчеркивает, что они различаются по компонентам деятельности и соответственно выделяются индивидуальные стили реакций и движений, операций и промежуточных целей. В тоже время иерархические уровни стиля определяются тем, какие иерархические уровни ИИ по преимуществу их детерминируют — биохимические свойства, свойства нервной системы, темперамента, личности и т. д. Он рассматривает индивидуальный стиль электрической активности мозга, моторной активности и ИСД как системы операций. Ряд сформулированных

В. С. Мерлиным положений не имел достаточного экспериментального подтверждения. Эти положения нашли подтверждение и получили дальнейшее развитие в проведенных под руководством Б. А. Вяткина исследованиях стилей разных видов активности: моторной, эмоциональной, волевой, учебной, коммуникативной и др. (Вяткин, 2007, с. 169–211). Благодаря этим исследованиям психология активности стала занимать существенное место в учении об ИИ (Вяткин, 2007; Психология интегральной индивидуальности..., 2011).

4. Процессуальная и результативная стороны стиля

Во многих исследованиях были подтверждены ранее сформулированные положения о существенной роли в процессуально-операциональной стороне стиля особенностей ориентировочного и исполнительного компонентов деятельности и их соотношения. При этом в соответствии со спецификой деятельности выделены конкретные варианты проявления этих компонентов, например, развернутость подготовительных действий, выделение проверки задания в отдельный этап, выраженность планирования и т. д. (Полисистемное исследование..., 2005 (Жданова, с. 259–283; Самбикина, с. 165–172; Кузнецова, Щукин, с. 309–339)).

Наряду с этим были выделены и другие аспекты этой стороны стиля. Один из этих аспектов характеризует активность субъекта в плане обеспечения себя более удобными условиями деятельности. Речь идет о различиях в подготовке к работе, в выборе ситуаций и заданий, а в определенных условиях и в создании субъектом ситуаций, соответствующих его индивидуальным свойствам. Показано также, что своеобразие деятельности связано с проявлением активности субъекта, выходящей за пределы выполняемых дей-

ствий (отвлечения от работы, контакты с товарищами) (Типологические исследования..., 1964 (Асфандиярова с соавт., с. 66–79); Щукин, 1995). Эти проявления характеризуют поведенческий аспект жизнедеятельности и были обозначены как околodeятельностные.

В процессуальной стороне стиля выявлены и такие особенности деятельности, которые характерны именно для данного вида деятельности: концентрация на деталях, установление межпредметных связей, желание доказывать правильность своей гипотезы, внимание к ответам одноклассников, жесткое следование предписаниям, вариативность рациональных приемов в профилактико-предупредительной работе (Полисистемное исследование..., 2005 (Жданова, с. 259–283; Самбикина, с. 165–172; Кузнецова, Щукин, с. 309–339)).

В отношении результативной стороны СД в довольно острой форме встал вопрос о необходимости существенной коррекции традиционных представлений о ней. Эта сторона СД односторонне отражалась в его характеристике: успешное выполнение деятельности рассматривалось как один из признаков СД. Но при этом под словом «успешное» стала подразумеваться одинаковая успешность. В таком понимании успешности налицо сглаживание индивидуальных различий в результатах деятельности. Между тем в ряде исследований были выявлены отчетливо выраженные различия в результатах деятельности наряду с различиями в ее процессуальной стороне (Щукин, 1995). Различия в успешности деятельности проявляются не только по полярным позициям (высокая или низкая успешность), но и в пределах успешного ее выполнения. Кроме того, эти различия обнаруживаются в том, что высокая успешность в одной из сторон деятельности (производительной или качественной) может сочетаться с невысокими показа-

телями в другой. В русле индивидуальных различий в результатах деятельности следует рассматривать проявления скоростного и точностного типов деятельности: в первом типе преобладает успешность в производительной, а во втором — в качественной стороне деятельности.

Индивидуальные различия в результатах профессиональной и учебной деятельности имеют прямое отношение к проблемам профессиональной пригодности и профессионального отбора (Вяткин, Шукин, 2013, с. 108–111). В русле этих проблем встает вопрос об их связи с проблемами индивидуального стиля и его формирования. Особую роль в этой взаимосвязи играет степень выраженности общетипологических свойств нервной системы субъекта. На это также обращают внимание К. М. Гуревич и Е. А. Климов (Психология стилей человека... (2013, Гуревич, с. 15–24; Климов, с. 130–147)). В ряде исследований показано, что в некоторых профессиях (например, водительских) наряду с проявлением профессионального отбора (в том числе стихийного) имеет место формирование СД. В связи с этим совершенствование профессионального обучения, включающее в себя формирование СД, следует рассматривать как фактор, ограничивающий профотбор или устраняющий его.

Данные, полученные при изучении деятельности мастеров производственного обучения и учителей труда, свидетельствуют о связи успешности овладения трудовыми действиями с разноразноуровневыми свойствами ИИ обучающихся: личностными, интеллектуальными, нейродинамическими. При этом правомерно говорить о разноплановой успешности деятельности учащихся, проявляющейся в том, что в зависимости от их индивидуальных качеств одни задания или действия выполняются ими более успешно, а другие — менее успешно. Такая разно-

плановая успешность находит отражение в ориентации педагогов на различные качества учащихся при использовании приемов индивидуального подхода к ним и подборе заданий (Шукин, 1990).

Связь результативной и процессуальной сторон деятельности в индивидуальном стиле не является однозначной. В одних случаях ряд особенностей процессуальной стороны (высокая скорость выполнения действий, тщательный самоконтроль и т. д.) может проявиться в высоких достижениях в производительной или качественной сторонах деятельности. В других случаях некоторые особенности деятельности (торопливость, частые отвращения и т. д.) могут привести к тому, что некоторые благоприятные возможности (в частности, скоростные) окажутся не реализованными в результатах деятельности (Шукин, 1990; 1995). Выделение индивидуальных различий в результативной стороне деятельности является одним из аргументов в пользу признания разных уровней развития СД, а именно, в пользу признания того, что наряду с рациональным стилем существует нерациональный и что рациональный стиль может находиться на разных уровнях развития (Вяткин, Шукин, 2013).

5. Внутренние условия стиля

Обозначенные условия стиля, представляющие одну из его сторон, играют в его структуре определяющую роль. На ранних этапах изучения стиля особенности деятельности рассматривались в зависимости от основных свойств нервной системы, что первоначально было оправдано. Но, как показали последующие исследования, этот подход имел существенные ограничения. Полученные данные свидетельствуют о совместном влиянии разноразноуровневых свойств ИИ на особенности процессуальной и результативной сторон стиля.

В проведенных разными авторами исследованиях выявились следующие варианты совместного проявления разноразличных свойств ИИ в деятельности и поведении (Щукин, 1995). Во-первых, в одних исследованиях была показана обусловленность особенностей деятельности и поведения учащихся их нейродинамическими свойствами, а в других — обусловленность тех же особенностей свойствами личности. Во-вторых, получены данные, свидетельствующие об интегративном проявлении в особенностях деятельности свойств отмеченных уровней ИИ. В-третьих, при изучении влияния свойств нервной системы на особенности деятельности обнаружена зависимость последних от опыта и уровня интеллектуального развития субъекта. В-четвертых, в исследованиях, выполненных под руководством В. С. Мерлина в связи с разработкой им концепции ИИ, в которой был реализован системный подход, была показана разноразличная обусловленность деятельности и общения (Мерлин, 1986).

Необходимо отметить, что положения В. С. Мерлина о соотношении приемов деятельности и индивидуальных свойств субъекта, выступающих как внутренние условия стиля, характеризуются отчетливо выраженной проблемностью. Говоря о влиянии социально-типичных условий на все уровни ИИ, он пишет: «Лучше всего это обнаруживается в ИСД, в котором *представлены* (курсив наш — Б. В., М. Щ.) все иерархические уровни. Индивидуальный стиль зависит от свойств типа нервной системы, от биохимических свойств, от системы способов и приемов работы, от направленности личности» (Мерлин, 1977, с. 15). Несколько раньше он пишет: «Индивидуальный стиль определяется свойствами различных иерархических уровней — нейродинамическими, психодинамическими, навыками, умениями. Стиль

деятельности представляет собой интегральную характеристику индивидуальности» (там же, с. 13). Как видно, в приведенных положениях, с одной стороны, приемы деятельности и свойства индивидуальности в ИСД рассматриваются в единстве (представленность в стиле всех иерархических уровней, стиль как интегральная характеристика индивидуальности). С другой стороны, когда речь идет о зависимости стиля от разноразличных свойств ИИ, его характеристика сужается до системы приемов деятельности: в таком случае свойства ИИ оказываются как бы вынесенными за пределы характеристики ИСД. В более определенном плане рассматриваемая проблема представлена В. С. Мерлиным в последней его монографии (1986). Отмечая противоречивость ситуации, когда стиль характеризуется не только через приемы деятельности, но и через функционально-психологические и формально-динамические свойства, он считает, что последние было бы точнее назвать стилевыми свойствами индивидуальности, а «ИСД следует понимать не как набор отдельных свойств, а как целесообразную систему взаимосвязанных действий, при помощи которой достигается определенный результат» (Мерлин, 1986, с. 166–167).

Думается, проблему соотношения свойств индивидуальности, составляющих систему внутренних условий ИСД, и приемов деятельности необходимо решать не через исключение этих условий из характеристики стиля, а через выделение в нем особой стороны, включающей эти условия и их взаимодействие. Такой подход мы считаем принципиальным потому, что благодаря ему создается возможность через это взаимодействие характеризовать саморегуляцию деятельности, позволяющую объяснить самые различные характеристики в процессуальной и результативной сторонах деятельности:

динамические характеристики, программирование, мобилизацию усилий, глубинную ориентировку в условиях деятельности, эффективность действий и т. д.

На основании полученных данных В. С. Мерлин (1986) сформулировал ряд принципиальных положений, в которых отражена роль ИСД в структуре ИИ. Он показал, что ИСД играет *системообразующую функцию* в развитии ИИ. Следует заметить, что исследования стилей разных видов активности показали, что не только СД, но и стили активности выполняют в ИИ системообразующую функцию и другие сопутствующие ей функции (Вяткин, 2007; Шукин, 2005). В связи со сказанным встает вопрос о совместном проявлении системообразующих функций стилей деятельности и активности в структуре ИИ.

К соотношению ИИ и стиля можно подойти иначе, а именно, в центр анализа поставить стиль. Тогда встает вопрос о роли ИИ в стиле. Положение о том, что определяющей стороной стиля является система внутренних условий и их взаимодействие, фактически означает, что ИИ по отношению к стилю выполняет системообразующую функцию. В этой связи с достаточной остротой встала проблема взаимодействия систем «ИИ» и «стиль», решение которой связано с применением *полисистемного подхода* (Полисистемное исследование..., 2005 (Шукин, с. 17–49); Психология интегральной индивидуальности..., 2011 (Вяткин, Шукин, с. 219–232)).

В многочисленных исследованиях, проведенных с конца пятидесятих годов прошлого века, показана связь стиля (имеется в виду его процессуально-операциональная сторона) с социально-психологическими свойствами субъекта, свойствами личности, опытом, интеллектуальными характеристиками, психо- и нейродинамическими свойствами, возрастом и гендерными различиями (Поли-

системное исследование..., 2005 (Шукин, с. 17–47; Исмагилова, с. 143–162; Самбикина, с. 165–192; Жданова, с. 259–283; Кузнецова, Шукин, с. 309–339); Психология интегральной индивидуальности..., 2011 (Вяткин, Шукин, с. 155–192; Баженова, Шукин, с. 202–219; Вяткин, с. 243–266; Федотов, с. 298–305)).

Необходимо заметить, что компоненты опыта (знания, умения и др.) и интеллектуальные характеристики были выделены в качестве свойств особых уровней ИИ наряду со свойствами уровней, выделенных В. С. Мерлиным, именно на основе исследований по проблемам стиля. В этом нашла отражение одна из линий взаимного обогащения теорий стиля и ИИ.

Взаимодействие внутренних условий в стиле характеризует *саморегуляцию* субъекта в различных аспектах его жизнедеятельности (активности, деятельности, поведении и т. д.). В этом взаимодействии ведущую регулирующую роль играют мотивационно-личностные и интеллектуальные характеристики субъекта. Такая роль свойств личности в отношении проявлений свойств темперамента и нервной системы осуществляется через особенности самооценок, интеллектуальные качества, компоненты опыта и эмоциональной реакции. При этом свойства личности играют регулирующую роль в отношении интеллектуального фактора, а последний может расширять или ограничивать возможности личностной саморегуляции (Шукин, 1995).

В исследованиях, проведенных в последние десятилетия, обнаружен ряд изменений в системе внутренних условий стиля по мере перехода на последующие этапы обучения и профессионального развития. В эмпирических данных, полученных при изучении стиля деятельности у учащихся средних учебных заведений, студентов и инспекторов подразделений по делам несовершенно-

летних (ПДН), выявлено общее направление, заключающееся в уменьшении роли нейро- и психодинамических свойств как свойств нижележащих уровней интегральной индивидуальности и увеличение роли свойств личности как свойств ее вышележащего уровня (Полисистемное исследование..., 2005).

6. Отражение в стиле внешних условий и требований

Одна из важных линий изучения стиля заключается в выявлении его зависимости от внешних условий и требований деятельности, отражающей одну из сторон его структуры. Здесь речь идет об отражении этих условий и требований и их учете в процессе непосредственного выполнения деятельности. К числу этих условий относятся не только конкретные (в том числе производственные) условия и требования, касающиеся отдельных действий и заданий, но и более общие социальные требования.

В проведенных в Пермской психологической школе исследованиях, выполненных под руководством Б. А. Вяткина, Т. М. Хрустальной и М. Р. Щукина, в качестве внешних условий и требований деятельности выступили разные этапы обучения и профессиональной деятельности, обучение на разных факультетах, специфические требования профессии, СД педагогов (по отношению к СД учащихся) (Вяткин, Щукин, 2007).

В лонгитюдном исследовании О. С. Самбикиной (Психология стилей человека..., 2013, с. 194–216) выявлены статистически значимые различия между показателями ряда компонентов СД у одних и тех же учеников в младших и средних классах. У подростков возросли темп деятельности и динамика переключения с одной формы работы на другую. Подростки перестают выделять проверку заданий в отдельный этап, а подго-

товку к выполнению задания, напротив, начинают выделять. В связи с переходом к подростковому возрасту школьники стали более склонны работать в оживленной обстановке, больше любят отвечать с места и в письменной форме, тогда как, будучи учениками начальных классов, они, напротив, предпочитали заниматься в тишине, отвечать у доски устно.

С. Ю. Жданова (Полисистемное исследование..., 2005, с. 259–283) выделила на фоне общих тенденций в развитии СД студентов-филологов и математиков специфические особенности, характеризующие студентов разных факультетов. Различия проявляются, прежде всего, в характеристике процессуальной стороны стиля. Для студентов 1-го курса математического факультета в отличие от студентов-филологов 1-го курса характерно более разнообразное использование приемов учебной работы. Выраженными у них являются такие приемы, как установка на понимание изучаемого материала, проверку и доказательство своих действий, использование ориентировочных действий и др. Студенты-филологи 1-го курса в большей мере используют приемы установления межпредметных связей, для них характерны развернутость исполнительных действий, установка на запоминание учебного материала и др. К 3-му и 5-му курсу различия в характеристике СД филологов и математиков усиливаются.

Ю. С. Шведчиковой (Психология стилей человека..., 2013, с. 111) получены данные, показывающие, что молодые учителя-филологи в сравнении с учителями-математиками используют более широкий репертуар дидактических действий, характеризующих творческое обучение. И у зрелых педагогов проявляется отмеченное соотношение. Вместе с тем, опытные учителя-филологи и учителя-математики характеризуются большими возможностями создания про-

блемной обучающей ситуации, причем эта тенденция в большей степени выражена у учителей-математиков.

Обусловленность структуры и развития СД инспекторов ПДН объективными требованиями деятельности в исследовании Е. Г. Кузнецовой (Полисистемное исследование..., 2005, с. 309–339) нашла отражение в характеристике приемов, в развитии и представленности в стиле внутренних условий и в результатах деятельности. Существенным фактором, влияющим на особенности СД сотрудников данных подразделений, является высокая регламентированность деятельности в органах внутренних дел (единоначалие, нормативность поведения), которая сужает «зону неопределенности» деятельности. Отмеченная выше связь выражается и в том, что после 10 лет работы у инспекторов в силу некоторых изменений условий деятельности меняется и сам стиль.

В рассмотренных исследованиях связь систем «стиль» и «внешние условия и требования» представлена в плане констатации зависимости первой системы от второй. Между тем ясно, что в этой связи проявляется активность субъекта. Уже первые работы по СД показали, что одним из существенных аспектов в процессуальной его стороне является активность субъекта по обеспечению себя более удобными условиями деятельности (Типологические исследования..., 1964 (Асфандиярова с соавт., с. 67–79)). Благодаря стилю происходит своеобразная организация внешних условий в плане их «подгонки» под индивидуальные характеристики субъекта. Разумеется, такая организация осуществляется в рамках заданности этих условий, что определяет границы в проявлении данной активности. Но отмеченные границы для разных субъектов выступают по-разному — в соответствии с взаимодействием систем «внешние условия и требования» и «стиль».

7. Взаимодействие внутренних и внешних условий в стиле

Исследование взаимодействия внутренних условий стиля и внешних условий и требований деятельности является одной из линий реализации полисистемного подхода к изучению структуры и развития стиля (Полисистемное исследование..., 2005 (Шукин, с. 31–34); Психология интегральной индивидуальности, 2011 (Вяткин, Шукин, с. 155–192)). Полученные данные свидетельствуют о разных аспектах взаимодействия систем «ИИ» и «внешние условия и требования» в стиле. Под влиянием последних определяется степень востребованности свойств различных уровней ИИ и их взаимодействие у конкретных субъектов. При этом под влиянием меняющихся условий происходит развитие определенных свойств и формирование умений и навыков, способствующих наиболее полному использованию благоприятных возможностей и ограничивающих нежелательные проявления некоторых свойств. Другая сторона проявления в стиле взаимодействия названных систем заключается в разном отражении субъектом внешних условий и требований. В силу этого обстоятельства объективно одинаковые условия и требования для разных субъектов по ряду аспектов предстают как разные.

В обсуждаемом взаимодействии «внешнего» и «внутреннего» в СД (не вообще в деятельности, а именно в СД) ведущую роль играет «внутреннее». Сам термин «стиль» предполагает, что при характеристике деятельности прежде всего имеется в виду проявление индивидуальных особенностей субъекта. При этом следует иметь в виду, что в состав этих особенностей входит две группы. Одна из них востребована условиями и требованиями именно данной деятельности и, следовательно, в ней наиболее отчетливо происходит сращение «внутреннего»

и «внешнего». Другая группа характеризует такие особенности субъекта, которые проявляются или могут проявиться и в других видах деятельности, а также в поведении. А некоторые особенности субъекта оказываются не востребованными данной деятельностью.

В проблеме соотношения «внутреннего» и «внешнего» в СД можно выделить несколько аспектов. Один из них связан со степенью жесткости требований деятельности. В профессиях, предъявляющих к человеку подобные требования, возможности проявления индивидуальности сужаются. Там же, где допускается выполнение деятельности различными способами, возникают благоприятные условия для раскрытия индивидуальности и формирования СД. Внешние условия и требования деятельности могут способствовать реализации одних качеств субъекта и ограничению других.

Один из аспектов взаимодействия ИИ и внешних условий и требований касается нахождения оптимального соотношения требований деятельности и проявлений индивидуальности субъекта. Это связано с развитием положений В. С. Мерлина (1986) о зоне неопределенности деятельности — важнейшей предпосылке проявления индивидуальности. Варианты такого соотношения показаны в исследованиях по формированию трудовых умений и навыков (Щукин, 1990; 1995) и по развитию самоорганизации студентов (Вяткин, Щукин, 2007, с. 35–39).

Следующий аспект обозначенной проблемы связан с механизмами приспособления индивидуальных возможностей субъекта к внешним условиям и требованиям. На основе данных Е. А. Климова относительно деятельности ткачих-многостаночниц, В. С. Мерлин (1970) рассматривает в структуре СД механизмы адаптации и механизмы компенсации. Первые преимущественно характери-

зуют деятельность ткачих с подвижной нервной системой и основаны на наиболее полном применении положительных для данной деятельности приемов и особенностей реагирования. Вторые преимущественно характерны для ткачих с инертной нервной системой и позволяют отрицательные для данной деятельности особенности реагирования компенсировать другими приемами работы. Достаточно очевидным является то, что механизмы адаптации в первую очередь обеспечивают приспособление к требованиям деятельности и в этом смысле имеют первичный характер, а механизмы компенсации имеют вынужденный (и в этом смысле вторичный) характер. Однако в дальнейшем в работах самого В. С. Мерлина и других представителей его школы в связи с проблемами СД стали рассматриваться в основном механизмы компенсации. Такое сужение рассмотрения механизмов СД нельзя считать правомерным потому, что наиболее полная реализация благоприятных возможностей субъекта прежде всего достигается посредством механизмов адаптации.

Кроме того, наши исследования, проведенные по линии преодоления и коррекции негативных проявлений индивидуальных особенностей учащихся и рабочих, показали, что даже совместного проявления механизмов адаптации и компенсации недостаточно для гибкого приспособления субъекта к решению конкретных задач деятельности и обеспечения изменений в СД в процессе его развития и совершенствования. Такое приспособление достигается прежде всего благодаря механизмам коррекции, которые ограничивают негативные особенности деятельности и доводят те или иные ее характеристики до требуемого уровня. Механизмы коррекции играют активную регулирующую роль в отношении механизмов адаптации (например, при ограничении торопливости) и компенсации

(например, при формировании автоматизмов по ускоренному выполнению действий) (Шукин, 1995).

8. Функции стиля

В первых исследованиях ИСД стиль рассматривался как механизм адаптации индивидуальности человека к требованиям среды и отмечалось, что это происходит благодаря его компенсаторной функции. В связи с разработкой В. С. Мерлиным (1984) теории ИИ, наряду с компенсаторной функцией стиля была выделена его системообразующая функция, благодаря которой разрушаются одни равноуровневые связи, возникают другие и тем самым создается новая система связей. Таким образом, были выделены три взаимосвязанные функции стиля: приспособительная, компенсаторная и системообразующая. В дальнейшем эти функции были выявлены в стилях разных видов активности.

При характеристике стилей педагогического общения А. Г. Исмагилова (2003) выделяет интериндивидуальную функцию как приспособительную. Кроме того, выделены интраиндивидуальные функции стиля педагогического общения — системообразующая и развивающая. Они проявляются в гармонизации, согласовании равноуровневых свойств, преодолении межуровневых противоречий в индивидуальности педагога. И, наконец, выделены метаиндивидуальные функции стиля педагогического общения — преобразующая и атрибутивная. Они проявляются в изменениях, происходящих в детях как воспитанниках педагогов и позволяют оценить эффективность стилей общения. В плане реализации метаиндивидуальных функций стиля педагогической деятельности на материале исследования учителей начальных классов выделены два метаэффекта стиля: первый касается стилевых характери-

стик деятельности учащихся, а второй — характеристик их индивидуальности. Эти данные позволяют в развивающей функции СД педагога выделить два разных аспекта: первый связан с развитием ИИ и деятельности самого педагога, а второй — с развитием ИИ и деятельности учащихся.

В систематизированном виде развитие представлений о функциях стилей деятельности и активности представлено М. Р. Шукиным (2005). Он отмечает, что выделенные гармонизирующая и развивающая функции стиля раньше рассматривались в синонимическом значении по отношению к системообразующей функции. Однако в последующем они стали рассматриваться в относительно самостоятельном значении. И тот, и другой подходы к соотношению обозначенных функций правомерны.

М. Р. Шукин показал, что к приспособительной функции стиля прямое отношение имеет выделение отмеченных выше механизмов приспособления индивидуальных возможностей субъекта к требованиям деятельности. На основе названных механизмов правомерно выделить соответствующие функции стиля: адаптивную, компенсаторную и корректирующую функции. Выделенные механизмы и соответствующие им функции связаны с развивающей функцией СД. Достаточно отчетливо эта связь проявляется в механизмах коррекции. В более общем плане на основе названных функций правомерно выделение реализующей функции стиля, отражающей проявление равноуровневых свойств ИИ в разных видах жизнедеятельности человека.

Разные функции стиля саморегуляции рассмотрены В. И. Моросановой (Психология стилей человека..., 2013 (Моросанова, с. 385–404)). Ею выделены интегративная, системообразующая, инструментальная и компенсаторная функции. Как видим, в данном перечне наряду с ранее рассмотренными функциями

(системообразующей и компенсаторной) представлены и новые функции. Интегративная функция стиля характеризуется как комплекс стиливых особенностей в связи с личностными переменными и требованиями деятельности. Инструментальная функция связывается с особенностями саморегуляции, которые соответствуют специфике деятельности и влияют на ее успешность.

Мы считаем, что в интегративной и инструментальной функциях можно усмотреть дополнительные характеристики наряду с теми, которые даны В. И. Моросановой. Применительно к целостной характеристике СД интегративная функция предстает как многоуровневое явление, имеющее отношение ко всем его сторонам. Эта функция обеспечивает интеграцию системы операций и действий, интеграцию операциональных характеристик стиля с его результативной стороной, интеграцию задействованных в деятельности свойств ИИ, интеграцию операциональных и результативных компонентов стиля с системой внутренних условий и интеграцию перечисленных сторон СД с отражением субъектом внешних условий и требований. В связи с инструментальной функцией применительно к СД можно выделить преобразующую функцию стиля, заключающуюся в его воздействии на предмет деятельности.

Характеристики обозначенных выше функций показывают, что они имеют преимущественное отношение к разным полисистемам («стиль — ИИ», «стиль — ВУТ» и «ИИ — ВУТ»), лежащим в основе целостной характеристики СД. Исключение составляет интегративная функция, имеющая отношение ко всем полисистемам. Наряду с этим функции СД можно подразделить на основные и сопутствующие. К числу основных следует отнести системообразующую, интегративную, приспособительную и реализующую функции, к числу сопутствующих — гар-

монизирующую, развивающую, преобразующую, адаптивную, компенсаторную и корректирующую функции.

9. Стиль и активность субъекта

В последние годы в характеристике СД делается акцент на проявлении активности субъекта. На это обращает внимание Л. Я. Дорфман (1993) при рассмотрении стилей деятельности, активности и поведения в плане взаимодействия индивидуальности с миром. Он отмечает, что для объяснения характера этого взаимодействия В. С. Мерлиным и Е. А. Климовым используется понятие ИСД. При этом автор указывает на то, что первоначально ИСД рассматривался на основе идей адаптации, приспособления к объективным требованиям деятельности, и считает, что некорректно все многообразие взаимодействий индивидуальности с миром сводить лишь к ИСД, понимаемому как приспособление. Исходя из положения о том, что помимо адаптивной активности человек характеризуется неадаптивной активностью, Л. Я. Дорфман предполагает, что эти виды активности, проявляющиеся в ИСД, могут привести к выявлению разных типов взаимодействий индивидуальности с миром.

В связи с этим автор обращает внимание на содержащиеся в работах В. С. Мерлина и Б. А. Вяткина положения о том, что индивидуальность не только приспособляется к миру (имеются в виду и объективные требования деятельности), но и преобразует и творит этот мир. Он считает, что в позднем варианте концепции ИСД В. С. Мерлин (1986) фактически отходит от адаптивных схем его объяснения, и показывает, что ИСД детерминируется симультанной системой внешних и внутренних условий.

Думается, что эти утверждения имеют слишком категоричный характер. И в ранних вариантах концепции ИСД

В. С. Мерлин наряду с обусловленностью стиля основными свойствами нервной системы подчеркивал значение отношений личности и активного поиска приемов и способов действия (Мерлин, 1970; 1986). Следует также заметить, что уже в первых работах по СД была показана активность субъекта в плане обеспечения себя более удобными условиями деятельности (Типологические исследования..., 1964 (Климов, 1969)). Поэтому неправомерно считать, что ранние варианты концепции ИСД строятся на основе адаптивных схем. Корректнее будет считать, что в более поздних вариантах характеристики ИСД В. С. Мерлин усилил акцент на активности субъекта.

В контексте поставленной проблемы Л. Я. Дорфман обращает внимание на то, что в последние годы под руководством Б. А. Вяткина разворачиваются исследования (наряду с продолжением изучения ИСД) индивидуальных стилей разнообразных форм активности, в частности, моторной, эмоциональной, волевой, коммуникативной, учебной и др.

Проблема активности субъекта в достаточной отчетливой форме нашла отражение в качестве определяющей стороны в структуре стиля системы внутренних условий, обеспечивающих саморегуляцию деятельности и характеризующих активную позицию субъекта в отношении использования своих возможностей в деятельности и ее совершенствовании (Щукин, 1990; 2005).

Рассмотрение активности субъекта в стиле связано с реализацией субъектного подхода или принципа субъекта (Вяткин, Щукин, 2016а). В последнее десятилетие нами было обосновано положение, согласно которому этот принцип позволяет применить к характеристике стиля полисистемный подход в более развернутом плане, а именно, наряду с рассмотрением обозначенных выше полисистем («стиль — ИИ», «стиль — ВУТ» и «ИИ — ВУТ») бы-

ли выделены полисистемы, включающие в себя систему «субъект». В полисистеме «субъект — интегральная индивидуальность» активность субъекта выступает как интегрирующий фактор, обеспечивающий взаимодействие разноуровневых свойств индивидуальности в различных аспектах жизнедеятельности человека (деятельности, общении, поведении, познании и др.). В полисистеме «субъект — стиль» реализация принципа субъекта позволяет выделить аспект, характеризующий человека как активного деятеля.

Применение субъектного подхода к изучению стиля позволило осуществить существенное приращение в системе его внутренних условий, показывающее, что определяющим началом в сложном взаимодействии разноуровневых свойств интегральной индивидуальности является активность субъекта. В конкретных вариантах эта активность в стилях разных видов жизнедеятельности человека проявляется в самодетерминации, самоорганизации и саморегуляции.

Таким образом, интеграция теорий стиля человека, индивидуальности и субъекта позволяет рассматривать взаимодействие систем «стиль», «индивидуальность» и «субъект» как систем с взаимопроникающими структурами. На основании взаимодействия этих систем субъект выступает как индивидуальность, индивидуальность — как стиль, а стиль — как индивидуальность и как субъект, т. е. как субъектная характеристика индивидуальности (Вяткин, Щукин, 2016б).

10. Проблема развития стиля

В школе В. С. Мерлина под руководством Б. А. Вяткина и М. Р. Щукина в последние годы проведены исследования, которые свидетельствует о том, что процесс развития СД сопровождается изменениями, во-первых, во всех его сторонах, и, во-вторых, в характере связей между ними.

Выделены некоторые общие тенденции в развитии СД и уточнены представления об уровнях этого развития (Вяткин, Щукин, 2007; 2013; Полисистемное исследование..., 2005; Психология интегральной индивидуальности..., 2011; Индивидуальность растущего человека..., 2015).

В частности показано, что на начальном этапе обучения СД студентов является недостаточно сформированным, а по мере перехода на последующие этапы обучения он становится более структурированным и отработанным. В частности, выявлено, что у студентов 1-го курса математического факультета, как правило, отсутствует четко выраженный и рациональный стиль усвоения математических знаний, у студентов же 3 и 4-го курсов он оказывается в основном сложившимся и отработанным в своих главных компонентах. Аналогичное положение выявлено и в динамике СД инспекторов ПДН в связи с профессиональным развитием.

Одна из проблем, которая требовала особого внимания, заключается в выделении разных уровней развития СД. Этот вопрос отчетливо встал уже в первых работах по проблеме СД в связи с выявленными случаями, когда в особенностях ориентировочных и исполнительных действий, а также в других аспектах деятельности имеют место характерные для данного человека крайние проявления, снижающие эффективность деятельности. Такие случаи имеют место и у работников с различным стажем.

Варианты несовершенного СД были обозначены как нерациональный, негативный или отрицательный стиль. Так, при изучении стиля усвоения математических знаний выявлены два типа стилей, проявляющихся у студентов как 1-го, так и 3-го курсов; первый из них выступает как положительный («целеустремленность в осознанном изучении математики»), а второй — как отрицательный («настрой на формальное достижение контрольных

оценок»). При изучении стиля учебной деятельности школьников были выявлены 3 варианта стиля: более рациональный, менее рациональный и промежуточный. А на основе изучения СД студентов в пределах достаточно сформированного в целом рационального стиля выделены его варианты, один из которых обозначен как более совершенный, а другой — менее совершенный. Более совершенный и менее совершенный варианты стилей обнаружены у инспекторов ПДН на разных этапах профессионализации.

Таким образом, на ранних стадиях овладения деятельностью СД является недостаточно совершенным, и даже когда он может рассматриваться как достаточно совершенный, в нем происходят изменения в направлении дальнейшего развития. Этот процесс в общем виде характеризуется образованием более тесной системы связей между приемами деятельности, между разноуровневыми свойствами ИИ, между приемами и свойствами. При этом выявлено возрастание роли свойств личного уровня ИИ и интеллектуального фактора, а также проявление разных аспектов последнего на разных этапах обучения. Таким образом, СД выступает как развивающееся явление.

В связи с проблемой развития СД особое значение в его характеристике приобретает опыт. Благодаря накоплению опыта у субъекта усиливается регулирующее влияние свойств личности на проявления психо- и нейродинамических свойств, возрастают возможности саморегуляции деятельности. Наряду с этим в связи с накоплением опыта происходят изменения в отражении субъектом внешних условий и требований деятельности. Под влиянием опыта расширяются возможности субъекта в овладении новыми знаниями, а в более общем плане — совершенствование приемов деятельности.

Названные изменения в СД соответствуют изменениям в характере связей

между свойствами разных уровней ИИ. В процессе овладения деятельностью образуются новые связи между личностными и психо- и нейродинамическими свойствами, а также меняется роль разноразрядных свойств ИИ.

Накопленный опыт может привести к возникновению негативных особенностей деятельности, а также к фиксации недостаточно совершенного или нерационального СД. В связи с особенностями деятельности могут сформироваться негативные личностные характеристики (подозрительность, доминантность). Сказанное свидетельствует о сложном, противоречивом характере развития СД, в котором изменения в позитивном плане могут сочетаться с появлением негативных характеристик.

Один из аспектов развития стиля связан с проблемой его формирования (Шукин, 1990; 1995). Важнейшей предпосылкой названного процесса является нахождение оптимального соотношения общих требований к формированию умений и навыков и проявлению индивидуальных различий учащихся. В качестве конкретных вариантов реализации данного условия выступают: дополнение общих для всех обучающихся инструктивных указаний, обеспечивающих полную ориентировку в задании, индивидуализированными рекомендациями, индивидуализация контроля их деятельности и индивидуализация заданий. Благодаря этому достигается более полная реализация индивидуальных возможностей учащихся, а также ограничение и преодоление негативных тенденций в их деятельности.

Как один из аспектов формирования и совершенствования СД выступает коррекция негативных особенностей деятельности. Необходимость такой коррекции и ее возможности были показаны в исследовании стилей учебной, педагогической и спортивной деятельности (Климов, 1969; Полисистемное исследо-

вание..., 2005; Психология стилей человека, 2013 (Приставкина, с. 241–260; Якубчик, с. 223–241); Шукин, 1990).

Принципиальным условием формирования СД является активизация саморегуляции обучающихся, ставящая их в активную позицию по отношению к использованию своих возможностей и учитывающая взаимодействие разноразрядных свойств ИИ. Выявлены следующие линии такой активизации: обеспечение активной мотивации, учет и коррекция самооценок учащихся, активизация их интеллектуальной деятельности, учет эмоциональных реакций, психологическое просвещение (Шукин, 1990; 1995).

Формирование СД зависит от ряда социально-психологических условий. В. С. Мерлин (1986) в числе факторов, обусловленных особенностями первичного коллектива и влияющих на развитие стиля, выделяет социальные санкции, социальные оценки, стиль руководства. Исследования по учебной, педагогической и спортивной деятельности позволили конкретизировать некоторые из этих условий и выявить новые условия формирования СД, в качестве которых выступают особенности стиля педагогического общения и педагогической деятельности и соответствие СД воспитанника и СД педагога (Вяткин, Шукин, 2013).

К проблеме развития СД имеют отношение положения о выделении в нем типичного и индивидуального в процессе деятельности. По мере развития СД типичные особенности деятельности у конкретных субъектов обрастают новыми характеристиками, обусловленными накоплением опыта и появлением более гибких связей между разноразрядными свойствами ИИ, что позволяет выполнять деятельность на более совершенном уровне. Но индивидуальное своеобразие в деятельности проявляется и на ранних стадиях овладения ею. Поэтому соотношение индивидуального и типичного

следует рассматривать применительно и к несовершенному СД.

11. Предпосылки для характеристики стиля человека

В. С. Мерлин, наряду с рассмотрением роли ИСД и индивидуального стиля общения в структуре ИИ, сформулировал ряд положений о том, что наряду с ИДС системообразующую функцию в структуре ИИ выполняет индивидуальный стиль моторной активности (Мерлин, 1986). Однако вопрос о стилях активности и их системообразующей функции в структуре ИИ в трудах В. С. Мерлина не получил развития в связи с немногочисленностью фактов по стилю моторной активности и отсутствием фактов по другим видам активности. Следовательно, соображения В. С. Мерлина о системообразующей функции стилей активности во многом имели гипотетический характер.

Впоследствии в пермской психологической школе под руководством Б. А. Вяткина был выполнен цикл исследований по изучению стилей различных видов активности (Вяткин, 2007; Психология интегральной индивидуальности..., 2011). Полученные результаты показали, что в качестве звена, определяющего взаимосвязи между свойствами разных уровней ИИ, наряду со стилями предметной деятельности и общения, в специфических условиях спортивной деятельности выступают стили ведущей активности (Психология интегральной индивидуальности..., 2011 (Вяткин, с. 245–248)). Речь идет о стилях моторной (И. Е. Праведникова), волевой (Ю. Я. Горбунов), эмоциональной (П. В. Токарев) активности. Наряду с этим была показана системообразующая функция индивидуально-го стиля учебной активности школьников (А. А. Волочков), коммуникативной активности школьников (С. А. Васюра)

и осужденных (В. И. Шмыков) (Психология интегральной индивидуальности..., 2011, с. 248–266). Была также показана системообразующая функция в структуре ИИ стилей различных видов жизнедеятельности человека: стилей поведения в конфликтной ситуации (Н. И. Леонов), самоорганизации (Б. А. Вяткин), адаптации к новым условиям учебной деятельности (Е. В. Иванова), психологической защиты (В. А. Усталов) (Психология стилей человека, 2013, с. 216–222; 331–344; 358–385) и стиля реагирования на болезнь (Психология интегральной индивидуальности..., 2011, М. И. Баженова, М. Р. Щукин, с. 202–212).

В широком диапазоне стилей, изучаемых в Пермской научной школе в последние десятилетия, следует выделить стили совладания со стрессом в экстремальных условиях деятельности: особенности деятельности артистов балета в условиях сценического стресса (Соснина, 2011), стиль совладания с психическим стрессом в спортивных соревнованиях (Вяткин, Попова, 2012) и стиль деятельности руководителей тушения пожаров (Вяткин, Ковтун, 2013).

Полученная в названных исследованиях обширная информация о стилях различных аспектов жизнедеятельности человека создает предпосылки для дальнейшей содержательной разработки таких сложных проблем, которые в психологии именуются «стиль человека» и «стиль жизни». Эти стили выступают как стили наиболее высокого уровня обобщения, которые проявляются в разных видах деятельности, активности, в общении, поведении и т. д. В содержательном плане стиль человека, как и стиль жизни, включает в себя различные изученные ранее стили. Однако в более явной форме индивидуальность человека проступает в термине «стиль человека».

Признав интегрирующую по отношению к разнообразным вариантам сти-

лей природу стиля человека, необходимо решить непростой вопрос о том, что лежит в основе этой интеграции. Многочисленные исследования, проведенные учеными Пермской психологической школы, свидетельствуют: интегрирующая сторона стиля представляет собой взаимодействие разноуровневых свойств ИИ. Однако отсюда вытекает следующая задача — выявить новый уровень этого взаимодействия, более высокий по сравнению с взаимодействием, имеющим место в конкретных видах стилей.

Таким образом, идея объединения различных видов стилей реализована как в понятии «стиль жизни», так и в понятии «стиль человека». Вместе с тем внутренняя причина подобного объединения в более отчетливой форме представлена в понятии «стиль человека», т. к. именно в этом случае с объяснением внутренней детерминации стиля возникает необходимость использовать особенности взаимодействия разноуровневых свойств ИИ, имеющие отношение к различным видам стилей. Поэтому использование понятия «стиль человека» является более предпочтительным. В добавление к сказанному следует заметить, что В. С. Мерлин при разработке проблем стиля использовал известный афоризм Г. де Бюффона «Стиль — это человек» именно в связи с определением стиля как интегральной характеристики индивидуальности (Мерлин, 1977), чем еще раз подчеркнул: употребление слова «стиль» в сочетании со словом «человек» предполагает, что объяснительная основа стиля — в идеях учения об ИИ.

По нашему мнению, следует различать употребление словосочетаний «стили человека» и «стиль человека». Первую стадию объединения стилей разных видов, где просто констатируется факт их вхождения в одну группу, целесообразно обозначить словосочетанием «стили человека». Переход от этой стадии к следующей,

предполагающей изучение внутренних условий интеграции разных стилей и обозначаемой словосочетанием «стиль человека», является недостаточно разработанным и требует дальнейшего изучения.

Заключение

Анализ исследований по проблемам стилей человека в отечественной психологии показывает, что если на начальных этапах изучения стиля преимущественное внимание уделялось своеобразию его процессуально-операциональной стороны, то в дальнейшем наряду с этим стала активно изучаться сложная система его внутренних условий. При этом существенное место в изучении стиля начало занимать применение идей системного подхода. После издания получившей широкое признание монографии В. С. Мерлина (1986), посвященной интегральному исследованию индивидуальности, в Пермской психологической школе получен обширный эмпирический материал в плане подтверждения и дальнейшего развития идей названного подхода, касающихся, во-первых, структуры ИИ, а во-вторых, роли ИСД в этой структуре. Если В. С. Мерлиным была обоснована системообразующая функция стиля по отношению к ИИ, то впоследствии наряду с подтверждением этой идеи применительно не только к стилям разных видов деятельности, но и к стилям других аспектов жизнедеятельности человека (активности, поведения, общения, совладания со стрессом в экстремальных условиях, самоорганизации и т.д.) была показана системообразующая роль ИИ по отношению к различным стилям.

Увеличение диапазона различных изучаемых стилей является существенным приращением к знанию о стилях, полученному при их изучении в лабораториях Е. А. Климова и В. С. Мерлина. При этом в применении системного

подхода к изучению стилей человека отчетливо обозначились два взаимосвязанных аспекта. Первый касается составления целостной характеристики стиля, включающей в себя наряду с особенностями процессуально-операциональной его стороны особенности его результативной стороны, систему внутренних условий стиля и отражение субъектом внешних условий и требований, в которых осуществляется стиль. Второй аспект системной характеристики стиля связан с обоснованием системообразующей роли ИИ по отношению к общей структуре стиля: ИИ определяет различные стилевые характеристики в приемах и способах деятельности, поведения и т. д., их результатах и в отражении внешних условий и требований. Таким образом, в изучении стиля обозначился полисистемный подход как вариант системного подхода: с одной стороны, стиль выступает как системообразующий фактор задействованной в нем ИИ, а с другой — ИИ выступает как системообразующий фактор по отношению к стилю.

Следующий важный шаг в изучении стиля был сделан в связи с применением субъектного подхода, позволившего рассматривать его как составную часть триединого подхода в целостном познании человека, базирующегося на триаде идей: субъектного подхода, учения об ИИ и теории стилей человека. С одной стороны, понятие стиля позволило, во-первых, выделить различные аспекты проявления активности субъекта в стилях человека как по линии его взаимодействия с миром, так и по линии оценки и реализации своих возможностей, и, во-вторых, характеризовать индивидуальность как субъекта, реализующегося в стиле. С другой стороны, сам стиль выступает в субъекте как характеристика его активности. В целом это позволяет рассматривать субъекта как интегрирующий фактор, объединяющий ИИ человека и его стиль, т. е. как выс-

ший уровень интеграции индивидуальных, в том числе активностных характеристик человека.

Представленный в статье материал позволяет выделить несколько линий в развитии представлений о стилях человека в научной школе В. С. Мерлина. Это развитие выступает как переход 1) от изучения стиля в связи с основными свойствами нервной системы к его изучению в связи с разноуровневыми свойствами ИИ, 2) от характеристики стиля в узком плане, отражающей процессуально-операциональные особенности деятельности, поведения и т. д., к характеристике его структуры в широком плане, включающей в себя особенности его результативной стороны, систему его внутренних условий и отражение субъектом внешних условий жизнедеятельности, 3) от изучения стиля на уровне его достаточной сформированности к изучению разных уровней его развития, 4) от характеристики стиля как системы к его полисистемной характеристике, 5) от выделения приспособительной и компенсаторной функций стиля к выделению новых функций: системообразующей, интегративной, развивающей и др., 6) от преимущественно адаптивных схем рассмотрения взаимодействия стиля с миром к схемам, отражающим активность субъекта в этом взаимодействии, что связано с применением субъектного подхода в изучении стиля, 7) от изучения стилей различных видов деятельности к изучению стилей других аспектов жизнедеятельности человека: активности, поведения, самоорганизации и т. д. Последнюю линию развития представлений о стилях правомерно рассматривать как существенную предпосылку для составления содержательной характеристики стиля человека в обобщающем плане.

Следует заметить, что наряду с развитием представлений о стилях человека в школе В. С. Мерлина в теоретико-мето-

дологическом плане стилевая проблематика нашла воплощение в ряде учебных пособий, адресованных студентам педагогических вузов и психологических факультетов университетов, а также педагогам и родителям (Вяткин, 2007; Вяткин, Шукин, 2013; Психология стилей человека..., 2013; Вяткин, Самбикина, 2016; Шукин, 1990).

В целом перечисленные линии развития представлений о стилях человека, а также отражение идеи стилей человека в учебных изданиях, дают основание говорить о в достаточной степени оформившейся теории стиля. Эта теория наряду с тесно связанными с ней учением о ИИ и теорией субъекта образует интегрированный психологический феномен, позволяющий характеризовать **стиль как субъектную характеристику индивидуальности человека**. Сказанное в свою очередь говорит о новом, интегральном подходе к целостному познанию человека в отечественной психологии, в котором теория стиля выступает как одна из ведущих теорий, обеспечивающих такое познание.

Литература

- Вяткин Б. А. (2007) Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК».
- Вяткин Б. А., Ковтун Е. В. (2013) Стиль деятельности в экстремальных условиях как эмерджентное свойство интегральной индивидуальности руководителей тушения пожаров // Психопедагогика в правоохранительных органах. № 1 (52). С. 3–7.
- Вяткин Б. А., Попова В. В. (2012) Стиль совладания психическим стрессом в спортивных соревнованиях // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Рудиковские чтения». М.: РГУФКСМиТ. С. 128–130.
- Вяткин Б. А., Самбикина О. С. (2016) Индивидуальность и стиль учения растущего человека. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
- Вяткин Б. А., Шукин М. Р. (2007) Человек—Стиль—Социум: полисистемное взаимодействие в образовательном пространстве. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т.
- Вяткин Б. А., Шукин М. Р. (2013) Психология стилей человека: учебное пособие. Пермь: Книжный мир.
- Вяткин Б. А., Шукин М. Р. (2016а) О единстве теорий и подходов к целостному познанию человека в современной психологии // Педагогика, Психология, Общество — 2016: Сборник статей 1-й сессии междунар. научн. конф. (Россия, Москва, 29–30 марта 2016 г.). М.: РусАльянс Сова. С. 102–115.
- Вяткин Б. А., Шукин М. Р. (2016б) Стиль как субъектная характеристика индивидуальности человека // Психология развития человека как субъекта труда: Развитие творческого наследия Е. А. Климова. Материалы международной научно-практической конференции. М., 12–15 октября 2016 г. С. 638–640.
- Дорфман Л. Я. (1993) Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл.
- Индивидуальность растущего человека в условиях современной школы (2015) / под ред. Б. А. Вяткина. Пермь: ПНИПУ.
- Исмаилова А. Г. (2003) Психология стиля педагогического общения: полисистемное исследование. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т.
- Климов Е. А. (1969) Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та.
- Мерлин В. С. (1970) Проблемы экспериментальной психологии личности (главы из монографии) // В. С. Мерлин. Проблемы экспериментальной психологии личности. Сб. науч. тр. Пермь: ПГПУ. С. 7–212.
- Мерлин В. С. (1977) Об интегральном исследовании индивидуальности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности / ред. В. С. Мерлин. Пермь: Б. и. С. 7–23.
- Мерлин В. С. (1986) Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика.
- Полисистемное исследование индивидуальности человека (2005) / под ред. Б. А. Вяткина. М.: ПЕР СЭ.

Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа (2011) / сост. Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, М. Р. Шукин. М.: Смысл.

Психология стилей человека: хрестоматия (2013) / сост. Б. А. Вяткин, М. Р. Шукин. Пермь: Книжный мир.

Соснина Д. Н. (2011) Особенности исполнительской деятельности артиста балета в условиях сценического стресса // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2011. № 1 (25). С. 28–70

Типологические исследования по психологии личности и по психологии труда (1964) / отв. ред. В. С. Мерлин. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т.

Шукин М. Р. (1990) Психологические основы индивидуального подхода к учащимся в процессе производственного обучения. М.: Высшая школа.

Шукин М. Р. (1995) Индивидуальный стиль и интегральная индивидуальность: проблемы и подходы // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 103–113.

Шукин М. Р. (2005) О функциях стилей деятельности, активности и общения // XX Мерлинские чтения «В. С. Мерлин и системное исследование индивидуальности человека»: Материалы межрегиональной юбилейной научно-практической конференции. Ч. I. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. С. 208–213.

ABSTRACTS & REFERENCES

Section METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

THE COSMIC ORIGINS OF RELIGIOUS FEELING

V. F. Petrenko

Lomonosov Moscow

State University,

Moscow, Russia,

E-mail: victor-petrenko@mail.ru

The article is devoted to the relationship between science and religion, as an important component of human culture and human mentality. The author believes that science is closely connected with consciousness and described in the language of rigid formalisms. The language of religion is metaphorical, belongs to “soft languages” and closely connected with images and archetypes of the collective unconscious. In terms of worldview, science and religion are in the relation of complementarity to each other. The value of the forms of “religious diversity” of human culture is noted. The author points that due to the EPR phenomenon (or quantum teleportation), it is possible to transfer of quantum states in the form of synchrony (namely quantum states transference but not information transference whose possibility is limited due to enormous space distances). The author formulates a hypothesis that the source of religious feeling is the cosmic collective unconscious of alien civilizations that are ahead of the Earth in terms of its origin and implicitly affecting the evolution of the Earth.

Keywords: science, religion, space, collective unconscious, religious feeling, EPR phenomenon, quantum teleportation, synchrony.

DOI: 10.7868/S1819265318030019

Citation: Petrenko V. F. (2018) Kosmičeskie istoki religioznogo čuvstva [The cosmic origins of religious feeling] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 3. P. 5–27.

References

Ajengar B. K. S. (2010) Svet žizni: joga. M.: ANF.

- Akopov G. V.* (2009) Klassičeskaâ i/ili neklassičeskaâ psihologijâ soznaniâ // Metodologijâ i istorijâ psihologii. № 1. S. 130–136.
- Aleksandrov Ů. I.* (2008) Ėmociâ i moral' // Metodologijâ i istorijâ psihologii. № 3. S. 186–208.
- Allahverdiv V. M.* (2003) Metodologičeskoe putešestvie po okeanu bessoznatel'nogo k tajstvennomu ostrovu soznaniâ. SPb.: Reč'.
- Allahverdiv V. M.* (2009) Soznanie — kažušeasâ i real'noe // Metodologijâ i istorijâ psihologii. № 1. S. 137–150.
- Anohin P. K.* (1970) Teorijâ funkcional'noj sistemy // Uspehi fiziologičeskikh nauk. № 1. S. 19–54.
- Bahtin M. M.* (1979) Ėstetika slovesnogo tvorčestva. M.: Hudožestvennaâ literatura.
- Berdâev N.* (2003) Ėkzistencial'naâ dialektika božestvennogo i čelovečeskogo. M.: Folio.
- Bergson A.* (2001) Tvorčeskaâ èvolūciâ. M.: Kanon-Press.
- Bernštejn N. A.* (1990) Fiziologijâ dviženij i aktivnost'. M.: Nauka.
- Bertalanfi L. fon* (1969) Obšaâ teorijâ sistem: kritičeskij obzor // Issledovaniâ po obšej teorii sistem. M.: Progress. S. 23–82.
- Bogdanov A. A.* (1989) Tektologijâ: vseobšaâ organizacionnaâ nauka: v 2 kn. M.: Ėkonomika.
- Bolšakova V. V.* (2006) I. I. Lapšin o psihologii mističeskogo poznaniâ i «vselenskogo čuvstva» // Metodologijâ i istorijâ psihologii. 2006. Vyp. 2. S. 82–93.
- Čajkovskij Ů. V.* (2006) Nauka o razvitii žizni. M.: IIET.
- Čog'al Namkaj Norbu* (2009) Praktika dolgoj žizni bessmertnoj dakini. Šang Šung: Institut Šang Šung.
- Dalaj-lama XIV* (2010) Učenie Ego Svâtejšestva Dalaj-lamy XIV dlâ buddistov Rossii. Posvâšenie Guh'âsamadži. Kommentarij k tekstu G'âlsê Togme Sangpo «37 praktik Bodhisatvy». Dharamsala, Indiâ.
- Džejs U.* (1993) Mnogoobrazie religioznogo opyta. M.: Nauka.
- Eremeev V. E.* (2008) Predstavleniâ o strukture psihiki v drevneindijskom učenii sankh'â // Metodologijâ i istorijâ psihologii. Vyp. 2. S. 162–174.
- Ėrikson M.* (1995) Moj golos ostanetsâ s vami. SPb.: Peterburg-XXI v.
- Ermolaev B. A., Petrenko V. F.* (1976) K voprosu o glubinnih semantičeskikh strukturah // Struktury poznatel'noj deâtel'nosti. Vladimir. S. 107–129.
- Feofan Zatvornik* (2010) Pis'ma o duhovnoj žizni. M.: Otčij dom.
- Fillmor Č.* (1981) Delo o padeže // Novoe v zarubežnoj lingvistike. Vyp. 10.
- Frankl V.* (2009) Desât' tezisev o ličnosti // Psihologijâ ličnosti: Hrestomatiâ. M.: AST-As-trel'. S. 36–53.
- Frejdžer R., Fejdimen Dž.* (2008) Ličnost': teorii, upražneniâ, èksperimenty. SPb.: Prajm-Evroznak.
- Gordeeva O. V.* (2009) Izmenennye sostoâniâ soznaniâ i kul'tura: osnovnye problemy i napravleniâ issledovaniâ v sovremennoj psihologii // Izmenennye sostoâniâ i kul'tura: Hrestomatiâ. SPb.: Piter. S. 4–28.
- Grof S.* (2003) Holotropnoe soznanie: tri urovnâ čelovečeskogo soznaniâ i ih vliânie na našu žizn'. M.: AST.
- Grof S.* (2007) Veličajšee putešestvie. Soznanie i tajna smerti. M.: AST.
- Horužij S.* (1993) Isihazm i istorijâ // Civilizacii. Vyp. 2. M.: Nauka.
- Karickij I. N.* (2011) Psihologičeskije praktiki vnutrennego sozercaniâ real'nosti // Sozercanie kak sovremennaâ naučno-teoretičeskaâ problema / otv. red. G. V. Akopov. Samara: Povolžskaâ gosudarstvennaâ social'no-gumanitarnaâ akademiâ. S. 112–126.

- Karpenko M.* (2001) *Vselennaâ razumnaâ*. M.: MAIK «Nauka / Interperiodika».
- Kelli Dž.* (2000) *Psihologiâ ličnosti*. SPb.: Reč'.
- Kozlov V. V.* (2016) *Psihologiâ buddizma: četvertoe koleso dharmy*. Vologda: Drevnosti Severa.
- Kozlov V. V., Majkov V. V.* (2004) *Transpersonal'naâ psihologiâ*. Istoki, istoriâ, sovremennoe sostoânie. M.: In-t transpersonal'noj psihologii.
- Kričevskij S.* (2014) Interv'û s nim «Ëffekt solârisa. Čto snitsâ kosmonavtam v polete?» // *Argumenty i fakty*. № 51.
- Kričevskij S. V.* (1995) *Kosmonavtika i graždanskoe obšestvo* // *Obšestvennye nauki i sovremennost'*. № 2. S. 149–158.
- Kučerenko V. V.* (1996) *Tehnika èksplikacii neosoznavaemyh sub'ektom znanij* // *Individual'nost' kak sub'ekt i ob'ekt sovremennoj žizni*. Smolensk: Smolenskij gosudarstvennyj universitet. S. 214–221.
- Kučerenko V. V.* (1997) *Metodika izvlečeniâ informacii iz passivnogo zapasa pamâti* // *Metody psihologii*. Sb. nauč. trudov. T. 3. Rostov-n/D.: Rostovskij gosudarstvennyj un-t. S. 155–158.
- Kučerenko V. V., Petrenko V. F., Rossohin A. V.* (1998) *Izmenennye sostoâniâ soznaniâ: psihologičeskij analiz* // *Voprosy psihologii*. № 3. S. 70–78.
- Lapšin I. I.* (1905) *Mističeskoe poznanie i vselenskoe čuvstvo* // *Sbornik statej, posvâšennyh V. I. Lamanskomu...* SPb.: Imp. akad. nauk.
- Lotman Ū. M.* *Semiosfera*. SPb.: Iskusstvo, 2001.
- Maslou A. G.* (1999) *Motivaciâ i ličnost'*. SPb.: Evraziâ.
- Menskij M. B.* (2007) *Čelovek i kvantovij mir. Strannosti kvantovogo mira i tajna soznaniâ*. Frâzino: Vek 2.
- N'ânaponika* (1994) *Vnimatel'nost' kak sredstvo duhovnogo vospitaniâ (buddijskij metod satipatthana)* // M.: Meditaciâ.
- Nalimov V. V., Dragalina Ž. A.* (1995) *Real'nost' nereal'nogo. Veroâtnostnaâ model' bes-soznatel'nogo M.: Mir idej; AO «Akron».*
- Nazaretân A. P.* (1995) *Istina kak kategoriâ mifologičeskogo myšleniâ* // *Obšestvennye nauki i sovremennost'*. № 4.
- Nazaretân A. P.* (2001) *Civilizacionnye krizisy v kontekste Universal'noj istorii*. M.: PERSE.
- Nazaretân A. P.* (2003) *Istoriâ i psihologiâ antropogennyh krizisov, gipoteza tehnogumanitarnogo balansa* // *Mat-ly meždisciplinarnogo seminarâ Kluba učenih «Global'nyj mir»*. M.: In-t mikroèkonomiki.
- Nazaretân A. P.* (2018) *Global'noe prognozirovanie v svete Megaistorii i sinergetiki. Očerki istorii budušego*. M.: IV RAN.
- Nazaretân A. P.* (2017) *Nelinejnoe budušee*. M.: Argamak-Media.
- Nida Čenagcanga* (2010) *Meditaciâ Buddy Mediciny v okruženii četyreh Dakin'*. Ulan-Udë: Ūtok Ling.
- Panov A. D.* (2008) *Universal'naâ èvolûciâ i problema poiska vnezemnogo razuma (SETI)*. M.: LKI.
- Penrouz R.* (2005) *Teni razuma. V poiskah nauki o soznanii*. M.; Iževsk: In-t komp'ûternyh issledovanij.
- Petrenko V. F.* (2013) *Bazovyje metafory psihologičeskikh teorij* // *Psihologičeskij žurnal*. № 1. S. 121–131.
- Petrenko V. F., Suprun A. P.* (2015) *Metodologiâ psihosemantiki v kontekste filosofii post-neklassičeskoj racional'nosti i kvantovoj fiziki* // *Vestnik RAN*. T. 85, № 10. S. 896–905.

- Petrenko V. F., Suprun A. P.* (2017) Metodologičeskie peresečeniâ psihosemantiki soznaniâ i kvantovoj fiziki. M.; SPb.: Nestor-Istoriâ.
- Petrenko V. F.* (2014) Psihosemantika iskusstva. M.: MGU.
- Petrenko V. F., Kučerenco V. V.* (2007) Meditaciâ kak neoposredstvovannoe poznanie // Metodologiâ i istoriâ psihologii. № 1. S. 164–189.
- Poršnev B. F.* (1979) Social'naâ psihologiâ i istoriâ. M.: Nauka.
- Pribram K.* (1975) Âzyki mozga. Èksperimental'nye paradoksy i principy nejropsihologii. M.: Progress.
- Sai Baba S.* (2009) Joga i meditaciâ. M.: Amrita-Rus'.
- Šestun G. (igumen Georgij), Podorovskaâ I. A.* (2011) Svâtootečeskoe ponimanie sozercaniâ // Sozercanie kak sovremennaâ naučno-teoretičeskaâ problema / otv. red. G. V. Akopov. Samara: Povolžskaâ gosudarstvennaâ social'no-gumanitarnaâ akademiâ. S. 95–112.
- Shaisson E. J.* Cosmic evolution: The rise of complexity in nature. Cambridge: Harvard Univ. Press 2001.
- Siderskij A.* (1998) Joga vos'mi krugov. Kiev: Nika-Centr.
- Šivananda Svami* (2001) Meditaciâ na Om. M.: Sofiâ.
- Šojfet M. S.* (2006) Neraskrytye tajny gipnoza. M.: Ripol klassik.
- Sokolov E. N.* (2010) Očerki po psihofiziologii soznaniâ. M.: MGU.
- Solov'ev V. S.* (1988) Sočineniâ: v 2 t. M.: Mysl'.
- Sopa Rinpoče lama* (2012) Dlâ čego nužny zatvory? URL: <http://khurul.ru/2012/11/lama-sopa-rinpoche-dlya-chego-nuzhny-zatvory/>
- Spirin A. S.* (2003) Ribonukleinovye kisloty kak central'noe zveno živoj materii // Vestnik RAN. № 2. S. 117–127.
- Spivak D. L.* (2000) Izmenennye sostoâniâ soznaniâ: psihologiâ i lingvistika. SPb.: Ūventa.
- Šul'c I. G.* (1985) Autogennaâ trenirovka. M.: Medicina.
- Tart Č.* (2003) Izmenennye sostoâniâ soznaniâ. M.: Èksmo.
- Torčinov E. A.* (1998) Religii mira: opyt zapredel'nogo. Psihotekhnika i transpersonal'nye sostoâniâ. SPb.: Centr «Peterburgskoe vostokovedenie».
- Turekij M. I.* (2006) Šlomo Zigmund Frejd // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 2. S. 113–137.
- Turekij M. I.* (2008) Stroitel' Bollingenskoj bašni // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 2. S. 108–120.
- Uilber K.* (2004) Integral'naâ psihologiâ. Soznanie, Duh, Psihologiâ, Terapiâ. M.: AST.
- Ūng K.* (1991) Arhetip i simbol. M.: Renessans.
- Uolš R.* (2006) Puti za predely «ègo». M.: Otkrytyj mir.
- Vasilûk F. E.* (2005) Pereživanie i molitva (opyt obšepsihologičeskogo issledovaniâ) M.: Smysl.

METHODOLOGICAL BACKGROUND AND FOUNDATIONS OF THE NON-MATERIAL THEORY OF THE PSYCHE

M. M. Reshetnikov
*East European Psychoanalytical
Institute, St. Petersburg, Russia,
e-mail: veip@yandex.ru*

The problem of the psyche and consciousness has been the most mysterious one for two thousand years and is still unresolved. It has been almost forgotten that Aristotle considered the human psyche a structure that is not bound to a body. This idea did not persist, though. It was Hippocrates who ruined it and declared a different concept, which prevailed for many centuries, that the brain is a repository of all mental processes. Even such a genius as Rene Descartes took Hippocrates's idea for granted and spent many months in attempts to find memory and emotions in gyri and ventricles of the brain. This path – the search of material structures of the psyche – was followed by I. M. Sechenov, I. P. Pavlov and many others. Later, many other mistaken ideas, new and revolutionary ones, were born, declared and died prematurely. However, not only ideas died, but also patients, who were treated by methods developed on the basis of these hypotheses. The author formulates the idea of the brain as the biological interface and proves a non-material theory of the psyche, which is a discovery that requires a change in basic paradigms of human sciences.

Keywords: biological interface, information, brain, nerves, psyche, psychopathology, psychopharmacology, brain structures, psyche structures.

DOI: 10.7868/S1819265318030020

Citation: Reshetnikov M. M. (2018) Metodologičeskie predposylki i osnovaniâ nematerial'noj teorii psihiki [Methodological background and foundations of the non-material theory of the psyche] // Metodologijâ i istorijâ psihologii. Iss. 3. P. 28–46.

References

- Bartra R.* (1997) Society's Fascination With The Wild Outsider. The Artificial Savage: Modern Myths of the Wild Man. Michigan: Univ of Michigan Pr.
- Behterev V. M.* (1997) *Budušee psichiatrii: Vvedenie v patologičeskuû refleksiologiiû.* SPb.: Nauka.
- Dekart R.* (1989) *Sočineniâ: v 2 t. T. 1. M.: Mysl'.*
- Dubrovskij D. I.* (2015) Problema «Soznanie i mozg»: Teoretičeskoe rešenie. M.: Kanon+; ROOI «Reabilitaciâ».
- Ëngel's F.* (1961) Rol' truda v processe prevrašeniâ obez'âny v čeloveka // K. Marks, F. Ëngel's. *Sočineniâ. T. 20. M.: Politizdat.*
- Frejd Z.* (2005) *Issledovanie isterii.* SPb.: Vostočno-evropejskij institut psihoanaliza.
- Frejd Z.* (2006) *Avtoportret.* SPb.: Vostočno-evropejskij institut psihoanaliza.

- Gardner R. A., Gardner B. T.* (1980) Comparative psychology and language acquisition // T. A. Sebok and J. U. Sebok (eds.) *Speaking of Apes: A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man*. New York: Plenum Press. P. 287–329.
- Godfrua Ž.* (1996) Čto takoe psihologîâ: v 2 h t. T. 1. M.: Mir.
- Grimak L. P.* (1989) Rezervy čelovečeskoj psihiki. M.: Politizdat.
- Gubačev Ů. M., Stabrovskij E. M.* (1981) Kliniko-fiziologičeskie osnovy psihosomatičeskich sootnošenij. L.: Medicina.
- Kaneman D.* (2013) Dumaj medlenno... rešaj bystro. M.: AST.
- Labori A.* (1974) Metaboličeskie i farmakologičeskie osnovy nefrofiziologii. M.: Medicina.
- Lakan Ž.* (1995) Funkciâ i pole reči i âzyka v psihoanalize. Doklad na Rimskom Kongresse, pročitanij v Institute psihologii Rimskogo universiteta 26 i 27 sentâbrâ 1953 goda. M.: Gnozis.
- Lapin I. P., Oxenkrag G. F.* (1969) Intensification of the central serotonergic processes as a possible determinant of thymoleptic effect. *Lancet*. № 1. P. 132–136.
- Lenin V. I.* (1967) Polnoe sobranie sočinenij. 4 e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo političeskoj literatury.
- Lubovskij V. I.* (1978) Razvitie slovesnoj regulâcii dejstvij u detej (v norme i patologii). M.: Pedagogika.
- Luriâ A. R.* (1968) Malen'kaâ knižka o bol'soj pamâti. M.: MGU.
- Pavlov I. P.* (1949) Polnoe sobranie trudov: v 5 t. T. III, kn. 1. M.-L.: Akademiâ nauk SSSR.
- Petrovskij V. A.* (1992) Psihologîâ neadaptivnoj aktivnosti. M.: Gorbunok.
- Rešetnikov M. M.* (2008) Psihičeskoe rasstrojstvo. SPb.: Vostočno-evropejskij institut psihoanaliza, 2008.
- Rešetnikov M. M.* (2011) Kritičeskij postmaterializm v psihologii i psihiatrii // Nevrologičeskij vestnik. T. XLIII, vyp. 2. S. 66–69.
- Rešetnikov M. M.* (2018) Nematerial'naâ teoriâ psihiki // Forum molodyh učenyh. № 6 (22). S. 1–7.
- Reshetnikov M. M.* (2017a) Problem of Relation between Brain and Mind in Physiology, Medicine and Psychology // J. of Psychiatry and Psychiatric Disorders. № 1 (6). P. 313–316.
- Reshetnikov M. M.* (2017b) What is the Psyche? What are we Curing? *J. Anthropology*. V. 6, № 3. P. 11–15.
- Reshetnikov M. M.* (2018a) During Two Thousand Years We Were Looking for the Psyche in a Wrong Place (Ideas Live Their Own Life) // International J. of Current Innovations in Advanced Research. V. 1, Is. 4 (August). P. 82–87.
- Reshetnikov M. M.* (2018b) Non-material Nature of the Psyche // Psychological Review. American Psychological Association. V. 125, Is. 6 (2). P. 1035–1047.
- Reshetnikov M. M.* (2018c) Non-Material Theory of the Psyche: Historical Prerequisites, Argumentation and Practical Implications // International J. Psychology & Psychological Research. V. 3, Is. 5. P. 1–7.
- Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V. and Fogassi L.* (1996) Premotor cortex and the recognition of motor actions // *Cognitive Brain Research*. № 3. P. 131–141.
- Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V.* (2006) Mirrors in the Mind // *Scientific American Band*. V. 295, № 5 (November). P. 30–37.
- Sečenov I. M.* (1953) Refleksy golovnogogo mozga. M.: Ministerstvo prosvěšeniâ SSSR.
- Terehov P. G.* (1957) Iz istorii knigi I. M. Sečenova «Refleksy golovnogogo mozga» (po arhivnym dannym) // I. M. Sečenov i materialističeskaâ psihologîâ / pod. red. S. L. Rubinštejna. M.: Akademiâ nauk SSSR, 1957. S. 55–109.
- Viner N.* (1968) Kibernetika ili upravlenie i svâz' v životnom i mašine. M.: Sovetskoe radio.

Volkan V. (2003) Traumatized Societies // Violence and Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. L.: International Psychoanalytic Association. P. 217–237.

GENETIC ANALYSIS OF PSYCHIC PHENOMENA IN THE SYSTEM-ACTIVITY CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY

S. V. Malanov

Moscow Institute of Psychoanalysis,

Moscow, Russia,

e-mail: malanovsv@mail.ru

The content of the initial hypotheses about the essence of psychic phenomena is analyzed. The bases for localization of mental functions between an organism and objects of the surrounding world are allocated, instead of inside of an organism. From the standpoint of the system-activity cultural-historical psychology, the bases for explaining the genesis and theoretical classification of mental phenomena are singled out. As initial directions in the development of mental functions, there are: a) the emerging ways of orienting animal organisms in the environment (the surrounding world); b) based on the last ones interactions with objective conditions of the environment (the surrounding world). Two central directions of development of mental functions in people's vital activity are considered: a) selective formation of motivational relations during ontogeny; b) development of abilities for goal-setting and mastery of ways of making the interaction with people and ways of accomplishing substantive actions that provide goals achievement.

Keywords: explanations in psychology, localization of mental functions; psyche as indicative basis of vital activity, operations and actions; genesis of mental functions, mental orientation.

DOI: 10.7868/S1819265318030032

Citation: Malanov S. V. (2018) Genetičeskij analiz psihičeskikh âvlenij v teoretičeskom kontekste sistemno-deâtel'nostnoj kul'turno-istoričeskoj psihologii [Genetic analysis of psychic phenomena in the system-activity cultural-historical psychology] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 3. P. 47–61.

References

Anohin P. K. (1978) Filosofskie aspekty teorii funkcional'nyh sistem. M.: Nauka.

Bernštejn N. A. (1997) Biomehanika i fiziologija dviženij. M.: Institut praktičeskoj psihologii; Voronež: NPO «Modèk».

Čuprikova N. I. (2015) Psihika i psihičeskie processy (sistema ponâtij obšej psihologii). M.: Âzyki slavânskoj kul'tury.

- Davydov V. V. (2008) Lekcii po obšej psihologii. M.: Izdatel'skij centr «Akademiâ».
- Ėl'konin D. B. (2001) Psihičeskoe razvitie v detskih vozrastah: Izbrannye psihologičeskie trudy. M.: Institut praktičeskoj psihologii; Voronež: NPO «Modèk».
- Fritt K. (2014) Mozg i duša. Kak nervnaâ deâtel'nost' formiruet naš vnutrennij mir. M.: AST, CORPUS.
- Gal'perin P. Â. (1998) Psihologiâ kak ob'ektivnaâ nauka. M.: Institut praktičeskoj psihologii; Voronež: NPO «Modèk».
- Gal'perin P. Â. (2002) Lekcii po psihologii. M.: Knižnyj dom «Universitet»; Vysšââ škola.
- Glotova G. A. (1990) Čelovek i znak. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Il'enkov Ė. V. (1991) Filosofiâ i kul'tura. M.: Politizdat.
- Ivannikov V. A. (1998) Psihologičeskie mehanizmy volevoj regulâcii. M.: URAO.
- Ivannikov V. A. (2010) Osnovy psihologii. Kurs lekcij. SPb.: Piter.
- Leont'ev A. N. (1965) Problemy razvitiâ psihiki. M.: Mysl'.
- Leont'ev A. N. (2000) Lekcii po obšej psihologii. M.: Smysl.
- Leont'ev A. N. (2012) Ėvolûciâ, dviženie, deâtel'nost'. M.: Smysl.
- Lorenc K. (1998) Oborotnaâ storona zerkala. M.: Respublika.
- Luriâ A. R. (1979) Âzyk i soznanie. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Malanov S. V. (2012) Metodologičeskie i teoretičeskie osnovy psihologii. M.: Institut praktičeskoj psihologii; Voronež: NPO «Modèk».
- Malanov S. V. (2014) Psiholingvistika: psihologičeskaâ teoriâ rečevoj deâtel'nosti. Joškar-Ola: FGBOU VPO «Marijskij gosudarstvennyj universitet».
- Malanov S. V. (2016) Razvitie refleksivnyh dejstvij kak funkcional'naâ osnova soznaniâ i samosoznaniâ // Mir psihologii. № 2. S. 88–102.
- Malanov S. V. (2017) Ot opredeleniâ psihičeskikh âvlenij k analizu napravlenij razvitiâ dejstvij // Kul'turno-istoričeskaâ psihologiâ. T. 13. № 2. S. 31–40.
- Mazilov V. A. (2008) Naučnaâ psihologiâ: problema ob"âsneniâ // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 1. S. 58–73.
- Mazilov V. A. (2015) Steny i mosty: metodologiâ psihologičeskoj nauki. Iževsk: ERGO.
- Naumenko L. K. (1968) Monizm kak princip dialektičeskoj logiki. Alma-Ata: Nauka.
- Palagina N. N. (1997) Voobraženie u samogo istoka. Psihologičeskie mehanizmy formirovaniâ. M.: Institut praktičeskoj psihologii.
- Paradigmy v psihologii: naukovedčeskij analiz (2012) / otv. red. A. L. Žuravlev, T. V. Kornilova, A. V. Ŭrevič. M.: Institut psihologii RAN.
- Smirnov S. D. (1985) Psihologiâ obraza: problema aktivnosti psihičeskogo otryaženii. M.: MGU.
- Sokolova E. E. (2008) Psihologi na rasput'e: kakaâ metodologiâ nužna sovremennoj psihologii? // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 3. S. 25–42.
- Surmava A. V. (2007) Dialektičeskaâ psihologiâ: drama stanovleniiâ // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 4. S. 25–39.
- Surmava A. V. (2012) Myšlenie i deâtel'nost'. M.: NIU MIĖT.
- Talyzina N. F. (2007) Sušnost' deâtel'nostnogo podhoda v psihologii // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 4. S. 157–162.
- Ŭrevič A. V. (2008) Problema ob"âsneniâ v psihologii // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 1. S. 74–87.
- Vekker L. M. (1998) Psihika i real'nost': edinaâ teoriâ psihičeskikh processov. M.: Smysl.
- Veličkovskij B. V. (2006) Kognitivnaâ nauka: Osnovy psihologii poznaniâ. V 2 t. M.: Smysl; Izdatel'skij centr «Akademiâ».

- Vilūnas V. K.* (1990) Psihologiĉeskie mehanizmy motivacii ĉeloveka. M.: MGU.
- Vygotskij L. S.* (1982) Sobranie soĉinenij. V 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii. M.: Pedagogika.
- Vygotskij L. S.* (1983) Sobranie soĉinenij. V 6 t. T. 3. Problemy razvitiâ psihiki. M.: Pedagogika.
- Vygotskij L. S.* (1996) Pedagogiĉeskaâ psihologiâ. M.: Pedagogika-Press.
- Vygotskij L. S., Luriâ A. R.* (1993) Ètûdy po istorii povedeniâ: Obez'âna. Primitiv. Rebenok. M.: Pedagogika.
- Zaporožec A. V.* (1986) Izbrannyye psihologiĉeskie trudy. V 2 t. T. 2. M.: Pedagogika. S. 25–47.
- Ždan A. N.* (2006) Razvitie vzglâdov na predmet psihologii // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 1. S. 8–22.

METHODOLOGICAL RESOURCE OF CATEGORICAL ANALYSIS OF GROUP CONSCIOUSNESS

T. K. Rulina
*Samara State University of
Social Sciences and Education,
Samara, Russia,
e-mail: tatrul@yandex.ru*

E. V. Bakshutova
*Samara State
Technical University,
Samara, Russia,
e-mail: bakshutka@gmail.com*

The article presents methodological approaches to the identification and analysis of the basic categories that determine the structure and field of the values of group consciousness, which not only specify a reliable idea of its qualitative characteristics, but also allow us to identify differences in its sign forms by predicting scenarios for the evolution of group categories. The authors substantiate the idea of an associative-verbal network of a category whose thesaurus is a form of transformation of the world of a linguistic personality in the context of a new perspective of cognitive models of the consciousness of a large social group. The subject-matter of the probabilistic approach to the language networks of the group is, according to the authors, the processes of variability, development, production of categorical-associative phenomena of group consciousness, as well as scenarios of the facilitation, memorial, preventive nature of cognitive influences on group consciousness.

Keywords: group consciousness, group thinking, collective subject, associative-verbal network (AVN), basic categories, concept, practical concept.

DOI: 10.7868/S1819265318030044

Citation: Rulina T. K., Bakshutova E. V. (2018) Metodologičeskij resurs kategorial'nogo analiza gruppovogo soznaniâ [Methodological resource of categorical analysis of group consciousness] // Metodologija i istoriâ psihologii. Iss. 3. P. 62–71.

References

- Bad'û A.* (2004) *Delez. Šum bytiâ*. M.: Fond naučnyh issledovanij «Pragmatika kul'tury»; Logos-Al'tera; Esse homo.
- Bakšutova E. V., Rulina T. K.* (2015) Prototypy, tropizmy i novacii âzykovogo podsoznaniâ bol'sih grupp // *Azimet naučnyh issledovanij*. № 3 (12). S. 39–43.
- Bibihin V. V.* (1994–1996) Kurs lekcij «Vitgenštejn», MGU im. M. V. Lomonosova. Lekciâ 20. URL: <https://www.facebook.com/bibikhin/?fref=ts>
- Collingwood R.* (1940) *An Essay on Metaphysics*. Oxford.
- Deese J.* (1965) *The structure of associations in Language and thought*. Baltimore.
- Ėpštejn M. N.* (2016) *Ot znaniâ – k tvorčestvu. Kak humanitarnye nauki mogut izmenât' mir*. M.; SPb.: Centr humanitarnyh iniciativ.
- Fuko M.* (1999) *Slova i veši. Arheologija humanitarnyh nauk*. M.: Ad Marginem.
- Goroško E. I.* (2001) *Integrativnâ model' svobodnogo asociativnogo eksperimenta*. M.: IÂ RAN; Har'kov: RA Karavella.
- Hal'bvaks M.* (2007) *Social'nye ramki pamâti*. M.: Novoe izdatel'stvo.
- Karaulov Ŭ. N.* (1999) *Associativnâ grammatika i asociativno-verbal'nâ set'*. M.: IRÂ RAN.
- Kubrâkova E. S.* (1995) Ėvoluciâ lingvističeskikh idej vo vtoroj polovine HH veka // *Âzyk i nauka konca HH veka*. M.: RGGU. S. 144–238.
- Lakoff Dž.* (1996) *Kognitivnoe modelirovanie. Âzyk i intellekt*. M.: Progress.
- Lektorskij V. A.* (2010) *Sub'ekt v istorii filosofii: problemy i dostiženiâ* // *Metodologija i istoriâ psihologii*. T. 5. Vyp. 1. S. 5–18.
- Livia H.* (1997) *Queerly Phrased*. Oxford: University Press.
- Markovina I. Ŭ., Danilova E. V.* (2000) *Specifika asociativnogo soznaniâ russkikh i amerikancev: opyt postroeniâ «associativnogo geštal'ta» tekstov originala i perevoda* // *Âzykovoe soznanie i obraz mira / otv. red. N. V. Ufimceva*. M.: IÂ RAN. S. 116–132.
- Pinker S.* (2004) *Âzyk kak instinkt*. M.: Editorial URSS.
- Popova Z. D., Sternin I. A.* (2007) *Kognitivnâ lingvistika*. M.: AST Vostok–Zapad.
- Rosch E.* (1978) *Principles of categorization*. In E. Rosch, B. B. Lloyd (Eds.) *Cognition and categorization*. Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum associates. P. 27–48.
- Roždestvenskaâ E. Ŭ.* (2012) *Biografičeskij metod v sociologii*. M.: Izdatel'skij dom VŠĖ.
- Rulina T. K., Bakšutova E. V.* (2016) *Kategorial'nye koncepty âzykovogo podsoznaniâ bol'sih social'nyh grupp* // *Mir psihologii*. № 2. S. 191–199.
- Rulina T. K., Bakšutova E. V., Bezuglov A. V.* (2016) *Ustojčivost' i izmenčivost' kategorial'nyh programm soznaniâ bol'sih social'nyh grupp: religioznyj aspekt* // *Materialy Vserossijskogo cerkovno-gosudarstvennogo foruma «Nasledniki pobeditelej» 21–24 maâ 2015 g. Samara*. S. 89–95.
- Rulina T. K., Bakšutova E. V., Ihsanova S. G.* (2014) *Kategorial'no-associativnâ sistema religioznogo soznaniâ pravoslavnyh hristian* // *European Social Science Journal = Evropejskij žurnal social'nyh nauk*. № 10. T. 2 (49). S. 516–525.

Sobčik L. N. (1998) Test vos'mi vlečenij Sondi i ego modifikaciâ. Vvedenie v psihologiû individual'nosti. M.: Institut prikladnoj psihologii.

Znakov V. V. (2007) Samosoznanie, samoponimanie i ponimaûsee sebâ bytie // Metodologiâ i istoriâ psihologii. T. 2. Vyp. 3. S. 65–74.

Section HUMAN PSYCHOLOGY

A HUMAN INDIVIDUALITY: TRAITS, COMPOUNDS, AND STRUCTURES

L. Ya. Dorfman

*Perm State Institute of Culture,
Perm, Russia,
e-mail: dorfman07@yandex.ru*

A methodological and theoretical account was applied to the traits, compounds, and structures as basic concepts accommodated in the area of individual differences. In addition, the issue of resilience-variability of above concepts has been treated. These issues trace back to history but burden researchers nowadays. Instead of paradoxical collision between holism (structuralism) and atomism, the author proposes to reconcile them. For this purpose, each of basic concepts was revised in a separate way. Then their relations were taken into account. It is shown that traits and their compounds reveal their duality due to the fact that they are self-identical and relative, discrete and multiple, enduring and changeable. Beyond that, they are dynamic as they are plural, mutually transient, and flexible. The structures are considered with many varieties. They fall between and within systems, as well as specify local ones. Either, hierarchical and multidimensional structures are highlighted, parallel and intersecting ones were marked, as well. Finally, factorial and causal structures are considered. Further, the structures are shown to carry a twofold meaning, which are uncovered through their relation to compounds and commonalities. The compounds and structures demonstrate three kinds of their relations. The first deals with one compound referred to one structure (a static mode). The second reveals changeable compounds combined with several structures (polymorphism). The third shows relations between the same compound and several structures (isomerism). The commonalities relate to both compounds and structures but in different ways. The commonalities relate to structures indirectly, through compounds. Ultimately, these views land support to understanding and reflection on the question of how holism (structuralism) and atomism can be integrated.

Keywords: individuality, trait, compound, structure, self-identity, discreteness, stability, dynamism, polymorphism, isomerism.

DOI: 10.7868/S1819265318030056

Citation: Dorfman L. Ya. (2018) Individual'nost' čeloveka: svojstva, sostavy, struktury [A human individuality: traits, compounds, and structures] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 3. P. 72–95.

References

- Abušenko V. L.* (2003) Strukturno-funkcional'nyj analiz // Sociologija: ènciklopedija / sost. A. A. Gricanov i dr. Minsk: Knižnyj dom. S. 1098–1101.
- Ajzenk G. Ŭ.* (1999) Struktura ličnosti. M.KSP+; SPb.: Ŭventa.
- Allport G. W.* (1937) Personality: A psychological interpretation. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Amthauer R.* (1973) Intelligenz-Struktur-Test I. S. T. 70. Handanweisung für die Durchführung und Auswertung. Göttingen: Verlag für Psychologie.
- Anan'ev B. G.* (2001) Čelovek kak predmet poznaniâ. SPb.: Piter.
- Bandura A.* (1986) Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Barabanšikov V. A.* (2007) Sistemnyj podhod v strukture psihologičeskogo poznaniâ // Metodologija i istorija psihologii. Vyp. 1. S. 86–99.
- Belâev G. V. i dr.* Atomizm. Gumanitarnââ ènciklopedija // Centr gumanitarnyh tehnologij. 2010–2017 (poslednââ redakcija: 02.10.2017) URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7330>.
- Berkovic L.* (2005) Agresija: pričiny, posledstviâ, kontrol'. M.: Ajris-press.
- Bing M. N. et al.* (2007) An integrative typology of personality assessment for aggression: Implications for predicting counterproductive workplace behavior // Journal of Applied Psychology. 92 (3). P. 722–744.
- Cantor N. & Kihlstrom J. F.* (1987) Personality and social intelligence. Englewood Cliffs, NJ: Erlbaum.
- Cervone D.* (1991) The two disciplines of personality psychology // Review of Handbook of personality: Theory and research. Psychological Science. 2. P. 371–377.
- Cronbach L. J.* (1975) Beyond the two disciplines of scientific psychology. American Psychologist. 30. P. 116–127.
- Deci E. L. & Ryan R. M.* (2012) Self-determination theory. In P. A. M. V. Lange, A. W. Kruglanski & E. T. Higgins (Eds.) Handbook of theories of social psychology. Vol. 1. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 416–437.
- Dorfman L.* (2002) Divergencija i konstrukt Â // Ličnost', kreativnost', iskusstvo / otv. red. E. A. Malânov i dr. Perm': Izd-vo PGIK; Izd-vo PSI. S. 141–184.
- Dorfman L.* (2016) Affective meaning of pronouns in a Russian sample // Journal of Literature and Art Studies. Vol. 6. № 9. P. 1042–1055.
- Dorfman L. Â.* (1997) Èmocii v iskusstve: teoretičeskie podhody i èmpiričeskie issledovaniâ. M.: Smysl.
- Dorfman L. Â.* (2000) Problema celogo i časti v zarubežnyh sistemnyh issledovanijah // Vestnik Permskogo gos. ped. un-ta. Ser. 1. Psihologija. № 1–2. S. 114–122.
- Dorfman L. Â.* (2004) Â–konceptija: differenciacija i integracija // Integral'nââ individual'nost', Â–konceptija, ličnost' / pod red. L. Â. Dorfmana. M.: Smysl. S. 96–123.
- Dorfman L. Â.* (2008) Metodologičeskij analiz teorii integral'noj individual'nosti V. S. Merlina. Metodologija i istorija psihologii. Vyp. 3. S. 106–121.

- Dorfman L. Â.* (2012) Ėmpiričeskaâ paradigma v psihologičeskoj nauke // Paradigmy v psihologii: naukovedčeskij analiz / otv. red. A. L. Žuravlev, T. V. Kornilova, A. V. Ŭrevič. M.: Institut psihologii RAN. S. 335–379.
- Dorfman L. Â.* (2014) Kauzal'nyj plûralizm i psihologiâ (okončanie) // Mir psihologii. № 4 (80). S. 230–246.
- Dorfman L. Â.* (2016) Kauzal'nyj plûralizm i holizm v koncepcii metaindividual'nogo mira // Psihologiâ. Žurnal Vysšej školy èkonomiki. № 1. S. 98–136.
- Dorfman L. Â.* (2017) Ėmpiričeskaâ psihologiâ. Istoričeskie i filosofskie osnovy. M.: Ŭrajt.
- Dorfman L. Â. i dr.* (2017) Dual'naâ model' discipliny // Filologiâ i kul'tura. Philology and Culture. № 4 (v pečati).
- Dorfman L. Â., Butakova A. A.* (2015) Vklady very v intuiciû i logičeskogo myšleniâ v kreativnoe myšlenie // Tvorčestvo: nauka, iskusstvo, žizn'. M.: Institut psihologii RAN. S. 149–152.
- Dorfman L. Â., Lâdov V. N.* (2015) Metaindividual'naâ model' disciplinirovannosti (na materiale issledovaniâ kursantov voennogo vuza MVD) // Vestnik ŬUrGU. Ser. Psihologiâ. № 1. S. 17–28.
- Dorfman L. Â., Zubakin M. V.* (2008) Novye dannye ob Ėmpiričeskikh referentah oblastej metaindividual'nogo mira // XXIII Merlinskie čteniâ: «Aktivnost' – individual'nost' – sub"ekt» / nauč. red. B. A. Vâtkin. Perm': Permskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet. S. 35–37.
- Echterhoff G. E., Higgins T. & Levine J. M.* (2009) Shared reality: Experiencing commonality with others' inner states about the world // Perspectives on Psychological Science. 4 (5). P. 496–521.
- Eysenck H.* (1995) Genius: The natural history of creativity. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eysenck H. J. & Eysenck S. B. G.* (1994) Manual of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-R Adult) comprising the EPQ-Revised (EPQ-R) & EPQ-R Short Scale. San Diego, Ca: EdITS.
- Funder D. C.* Global traits: A neo-Allportian approach to personality (1991) // Psychological Science. 2. P. 31–39.
- Gavrilova E. V., Ušakov D. V.* (2012) Ispol'zovanie periferijnoj informacii v rešenii zadač kak funkcii intellekta // Èksperimental'naâ psihologiâ. № 3. S. 21–31.
- Goldberg L. R.* (1993) The structure of phenotypic personality traits // American Psychologist. 48. P. 26–34.
- Golubeva È. Â.* (2005) Sposobnosti. Ličnost'. Individual'nost'. Dubna: Feniks+.
- Golubeva È. Â.* (2010) Obšaâ i differencial'naâ psihofiziologiâ: vzaimovliâniâ naučnyh škol B. M. Teplova i E. N. Sokolova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiâ. № 4. S. 32–56.
- Guc A. K., Pautova L. A.* (2013) Global'naâ ètnosociologiâ. M.: Knižnyj dom «LIBROKOM».
- H'ell L., Zigler D.* (2006) Teorii ličnosti (Osnovnye položenâ, issledovaniâ i primenenie). SPb.: Piter.
- James W.* (1904/1976) Does consciousness exist? Essays in radical empiricism. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 3–19.
- John O. P., Angleitner A. & Ostendorf F.* (1988) The lexical approach to personality: A historical review of trait taxonomic research // European Journal of Personality. 2 (3). P. 171–203.
- Kant I.* (2006) Kritika čistogo razuma. M.: Èksmo.
- Kločko V. E.* (2007) Zakonomernosti dviženâ psihologičeskogo poznaniâ i problema metoda nauki // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 1. S. 5–19.

- Kuz'min V. P.* (1982a) Istoričeskie predposylki i gnoseologičeskie osnovaniâ sistemnogo podhoda // Psihologičeskij žurnal. № 3.S. 3–14.
- Kuz'min V. P.* (1982b) Istoričeskie predposylki i gnoseologičeskie osnovaniâ sistemnogo podhoda (okončanie) // Psihologičeskij žurnal. № 4. S. 3–13.
- Leont'ev D. A.* (2011b) Novye orientiry ponimaniâ ličnosti v psihologii: ot neobhodimogo k vozmožnomu // Voprosy psihologii. № 1. S. 3–27.
- Leont'ev D. A.* (red.) (2011a) Ličnostnyj potencial. Struktura i diagnostika. M.: Smysl.
- Leont'ev D. A., Mitina O. V.* (2016) Idei sistemnosti i samoorganizacii v psihologii ličnosti: istoriâ i perspektivy // XXXI Merlinskije čtenijâ: Teoriâ, metodologiâ i praktika integral'nogo issledovaniâ individual'nosti v sovremennom čelovekoznanii / nauč. red. B. A. Vâtkin. Perm': PGGPU. S. 48–51.
- Libin A. V., Libina A. V.* (2008) Logika izučeniâ prirodnyh osnov psihičeskoj real'nosti: teoriiâ mental'noj ierarhii L. M. Vekkera // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 4. S. 101–108.
- Lomov B. F.* (1984) Metodologičeskie i teoretičeskie problemy psihologii. M.: Nauka.
- Magnusson D.* (2012) The human being in society: Psychology as a scientific discipline // European Psychologist. 17 (1). P. 21–27.
- Martindale C.* (1995) Creativity and connectionism. In S. M. Smith, T. B. Ward & R. A. Finke (Eds.) The creative cognition approach. Cambridge, MA: MIT Press. P. 249–268.
- Mead G. H.* (1934) Mind, self, and society. Chicago: University of Chicago Press.
- Mednick S. A.* (1962) The associative basis of the creative process // Psychological Review. Vol. 69. P. 220–232.
- Merlin V. S.* (1986) Očerki integral'nogo issledovaniâ individual'nosti. M.: Pedagogika.
- Merlin V. S.* (red.) (1973) Očerki teorii temperamenta. 2 izd. Perm'.
- Mischel W & Shoda Y.* (1994) Personality psychology has two goals: Must it be two fields? // Psychological Inquiry. 5. P. 156–158.
- Mischel W. & Shoda Y.* (1999) Reconciling processing dynamics and personality dispositions. Annual Review of Psychology. 49. P. 229–258.
- Moiseev V. I.* (2015) Filosofijâ nauki. Filosofskie problemy biologii i mediciny. M.: GÈOTAR-Media.
- Nebylicyn V. D.* (1990) Izbrannye psihologičeskie trudy: psihologiiâ i fiziologiiâ. M.: Pedagogika.
- Nikiforov A. L.* (2010) Holizm // Novaâ filosofskââ ênciklopedijâ. V 4 t. T. 4. M.: Mysl'. S. 298–299.
- Osin E. N. i dr.* (2015) Operacionalizaciâ pâtifaktornoj modeli ličnostnyh čert na rossijskoj vyborke // Psihologičeskââ diagnostika. № 3. S. 80–104.
- Pervin L. A.* (Ed.) (1990) Handbook of personality: Theory and research. New York: Guilford Press.
- Petrenko V. F.* (2010) Paradigma konstruktivizma v gumanitarnykh naukah // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 3. S. 5–12.
- Petrovskij A. V., Âroševskij M. G.* (1996) Istoriâ i teoriâ psihologii. V 2 t. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Petrovskij V. A.* (1997) Očerki teorii svobodnoj pričinnosti // Psihologiiâ s čelovečeskim licom: gumanističeskââ perspektiva v postsovetskoj psihologii / pod. red. D. A. Leont'eva, V. G. Šur. M.: Smysl. S. 124–144.
- Pierce J. L., Kostova T. & Dirks K. T.* (2003) The state of psychological ownership: Integrating and extending a century of research // Review of General Psychology. 7 (1). P. 84–107.

- Ratner C.* (1997) Cultural psychology and qualitative methodology. Theoretical and empirical considerations. New York; London: Plenum Press.
- Rean A. A.* (1996) Agresija i agresivnost' ličnosti // Psihologičeskij žurnal. № 5. S. 3–18.
- Rusalov V. M.* (2012) Temperament v strukture individual'nosti čeloveka: differencial'no-psihofiziologičeskie i psihologičeskie issledovaniâ. M.: Institut psihologii RAN.
- Sagatovskij V. N.* (2011) Filosofskie kategorii. Č. I. Ontologija. Avtorskij slovar'. SPb.: SPb-NIU ITMO.
- Salmon W.* (1998) Causality and explanation. New York: Oxford University Press.
- Šebetenko S. A.* (2017) Čerty ličnosti v refleksii i žiznennyh proâvlenijâh čeloveka. Avtoref. diss. doktora psihol. nauk. M.
- Senin I. G., Sorokina O. V., Čirkov V. I.* (1993) Test umstvennyh sposobnostej. Ârosavl': NPC «Psihodiagnostika». S. 3–25.
- Slanina Z.* (1984) Teoretičeskie aspekty âvleniâ izomerii v himii. M.: Mir.
- Spearman C.* (1904) General Intelligence, Objectively determined and measured // American Journal of Psychology. 15. P. 201–293.
- Stamps J. S.* (1980) Holonomy: A human systems theory. Seaside, Ca.: Intersystems.
- Teplov B. M.* (1998) Psihologija i psihofiziologija individual'nyh različij. M.: Institut praktičeskoj psihologii; Voronež: NPO «Modèk».
- Thurstone L. L.* (1938) Primary mental abilities. Chicago: University of Chicago Press.
- Tolkovyj slovar' russkogo âzyka: V 4 t. T. 4 (2007) / Pod red. D. N. Ušakova. M.: TER-RA – Knižnyj klub.
- Ulanovskij A. M.* (2007) Fenomenologičeskij metod v psihologii, psihiatrii i psihoterapii // Metodologija i istorija psihologii. Vyp. 1. S. 130–150.
- Urmancev Ū. A.* (1988) Obšaâ teoriâ sistem // Sistema. Simmetriâ. Garmoniâ / red. V. S. Tûhtin, Ū. A. Urmancev. M.: Mysl'. S. 38–124.
- Ušakov D. V.* (2006) Âzyki psihologii tvorčestva: Âkov Aleksandrovič Ponomarev i ego naučnaâ škola // Psihologija tvorčestva: škola Â. A. Ponomareva / pod red. D. V. Ušakova. M.: Institut psihologii RAN. S. 19–142.
- Valueva E. A.* (2007) Intellekt, kreativnost' i processy aktivacii semantičeskoj seti. Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. M.
- Vâtkin B. A.* (2008) Lekcii po psihologii integral'noj individual'nosti čeloveka. 2 izd. M.: MPSU.
- Vâtkin B. A.* (red.) (2015) Individual'nost' rastušego čeloveka v usloviâh sovremennoj školy. Perm': Perm. nac. issled. politeh. un-t.
- Vâtkin B. A., Dorfman L. Â.* (2017) Teoriâ individual'nosti V. S. Merlina: istoriâ i sovremenost' // Obrazovanie i nauka. № 2. S. 145–160.
- Vâtkin B. A., Dorfman L. Â., Kalugin A. Ū.* (2018) Obšee i različiâ v cennostnyh orientacijâh i psihodinamike studentov: integrativnaâ model'. Soobšeniâ 1 i 2 // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika (v pečati).
- Vekker L. M.* (1974–1981) Psihičeskie processy. V 3 t. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Verma A., Ram Krišna P.* (1969) Polimorfizm i politipizm v kristallah. M.: Mir.
- Vernadskij N. I.* (1892) O polimorfizme kak obšem svojstve materii: lekcii // Učenyje zapiski Moskovskogo universiteta, otdelenie estestvenno-istoričeskikh nauk. № 9. S. 1–18.
- Wiggins J. S.* (1995) IAS: Interpersonal Adjective Scales. Professional Manual. PAR Psychological Assessment Resources, Inc.
- Zimbardo Ph. et al.* (1995) Psychology. A European text. London: HarperCollins.

SYNERGETICS AND PERSONALITY: TOWARD A NON-EQUILIBRIUM PERSONOLOGY

D. A. Leontiev

*National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: dmleont@gmail.com*

The focus of the paper is the development of views on personality, its dynamics and development in the human sciences direction set by contemporary general scientific theories of complex self-organized systems that function in the conditions of multicriteriality and uncertainty. While nonclassic ideas of the middle of the 20th century have penetrated into psychology and human sciences at large to a substantial degree, making to date their growing edge, later and more advanced postnonclassic ideas that took shape within the last 20–30 years, make the perspective of their further development. They include the ideas of bifurcation, self-organization, autopoiesis, recursive loop, ecology of action. The term “non-equilibrium personology” is proposed for this emerging perspective in human sciences.

Keywords: personology, autoregulation, system, organization, self-organization, complexity, self-reference, autopoiesis.

DOI: 10.7868/S1819265318030068

Citation: Leontiev D. A. (2018) Sinergetika i ličnost': k neravnovesnoj personologii [Synergetics and personality: toward a non-equilibrium personology] // *Metodologija i istorija psihologii*. Iss. 3. P. 96–104.

References

- Asmolov A. G.* (2001) *Psihologija ličnosti: principy obšepsihologičeskogo analiza*. M.: Smysl.
- Baumeister R., Vohs K. D.* (Eds.) (2004) *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications*. N.Y.: Guilford.
- Bertalanfi L. fon.* (1969) *Obšaa teoriia sistem – kritičeskij obzor* // *Issledovaniia po obšej teorii sistem: sb. perev. / pod obš. red. V. N. Sadovskogo, È. G. Ŭdina*. M.: Progress. S. 23–82.
- Boekaerts M., Pintrich P. R., Zeidner M.* (Eds.) (2000) *Handbook of Self-Regulation*. San Diego: Academic Press.
- Čiksentmihaji M.* (2017) *Èvolūciia ličnosti*. M.: Al'pina non-fikšn.
- Csikszentmihalyi M.* (2006) *Introduction* // *A Life Worth Living: Contributions to Positive Psychology* / ed. by M. Csikszentmihalyi, I. S. Csikszentmihalyi. N.Y.: Oxford University Press. P. 3–14.
- Dabrowski K.* (1964) *Positive disintegration*. Boston: Little, Brown, and Co.
- DeCharms R.* (1968) *Personal Causation*. N.Y.: Academic Press,
- Dorfman L. Â.* (1993) *Metaindividual'nyj mir*. M.: Smysl.

- Ěšbi U.R. (2015) Vvedenie v kibernetiku. M.: Lenand.
- Frankl V. (1990) Ěelovek v poiskah smysla. M.: Progress.
- Fromm Ě. (1992) Duša ěeloveka. M.: Respublika.
- Haken G. (1985) Sinergetika. Ierarhii neustojěivostej v samoorganizujuših sistemah i ustrojstvah. M.: Mir.
- Kloěko V. E. (2005) Samoorganizaciã v psihologičeskikh sistemah: problemy stanovleniã mental'nogo prostranstva liěnosti. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta.
- Knãzeva E. N. (2013a) Sinergetika: ee istoričeskij put', nauěnye školy, metodologičeskij potencial i perspektivy razvitiã: Vstupitel'naã stat'ã // Sinergetika. Antologiiã / red. E. N. Knãzeva. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ. S. 5–26.
- Knãzeva E. N. (2013b) Avtopoězis: stanovlenie, razvitie i uspeh idei // Sinergetika. Antologiiã / red. E. N. Knãzeva. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ. S. 371–397.
- Knãzeva E. N. (2014) Ěnaktivizm: novaã forma konstruktivizma v ěpistemologii. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ.
- Leont'ev D. A. (2005) Neklassičeskij vektor v sovremennoj psihologii // Postneklassičeskaã psihologiiã. Ě 1 (2). S. 51–71.
- Leont'ev D. A. (2006) Liěnostnyj potencial kak potencial samoregulãcii // Uěenye zapiski kafedry obšej psihologii MGU im. M. V. Lomonosova. Vyp. 2 / pod red. B. S. Bratusã, E. E. Sokolovoj. M.: Smysl. S. 85–105.
- Leont'ev D. A. (2009) Ěeloveěnost' kak problema // Ěelovek – nauka – gumanizm: K 80 letiũ so dnã rośdeniã akademika I. T. Frolova / otv. red. A. A. Gusejnov. M.: Nauka. S. 69–85.
- Leont'ev D. A. (2010) Liěnost' v nepredskazuemom mire // Metodologiiã i istoriiã psihologii. Vyp. 3. S. 120–140.
- Leont'ev D. A. (2011a) Samoorganizaciã śivyh sistem i fiziologiiã povedeniã // Mir psihologii. Ě 2. S. 16–27.
- Leont'ev D. A. (2011b) Novye orientiry ponimaniã liěnosti v psihologii: ot neobhodimogo k vozmośnomu // Voprosy psihologii. Ě 1. S. 3–27.
- Leont'ev D. A. (2011v) Samoregulãciã kak predmet izuěeniã i kak ob'ãsnitel'nyj princip // Psihologiiã samoregulãcii v XXI v. / pod red. V. I. Morosanovoj. SPb.; M.: Nestor-Istoriã. S. 74–89.
- Leont'ev D. A. (2016) Ěkzistencial'nyj podhod v sovremennoj psihologii liěnosti // Voprosy psihologii. Ě 3. S. 3–15.
- Leont'ev D. A. (2018) Il'ã Prigośin i psihologiiã XXI veka // Psihologičeskij śurnal. Ě 3. S. 5–14.
- Leont'ev D. A. Averina A. Ź. (2011) Fenomen refleksii v kontekste problemy samoregulãcii // Psihologičeskie issledovaniã: ělektron. nauě. śurn. Ě 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/463-leontiev-averina16.html>
- Leont'ev D. A., Mitina O. V. (2016) Idei sistemnosti i samoorganizacii v psihologii liěnosti: istoriiã i perspektivy // XXXI Merlinskije ěteniiã: Teoriiã, metodologiiã i praktika integral'nogo issledovaniã individual'nosti v sovremennom ěelovekoznanii: mat-ly Vseros. nauěno-prakt. konferencii. Perm': PGGPU. S. 48–51.
- Maslou A. (1999) Novye rubeśi ěeloveěskoj prirody. M.: Smysl.
- Maturana U. R., Varela F. H. (2001) Drevo poznaniã. M.: Progress-tradiciã.
- Merlin V. S. (1986) Oěerk integral'nogo issledovaniã individual'nosti. M.: Pedagogika.
- Mitina O. V. (2003) Idei nelinejnyh dinamiěeskikh sistem i deãtel'nostnyj podhod // Psihologiiã v vuze. Ě 1–2. S. 203–215.

Mitina O. V. (2011) *Matematičeskie metody issledovaniâ ličnosti kak dinamičeskoj samo-regulirujuščesâ sistemy // Ličnostnyj potencial: struktura i diagnostika / pod red. D. A. Leont'eva. M.: Smysl. S. 424–453.*

Moren Ė. (2013a) *Obrazovanie v budušem: Sem' neotložnyh zadač // Sinergetika. Antologija / red. E. N. Knâzeva. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ. S. 247–322.*

Moren Ė. (2013b) *Metod: Priroda prirody. M.: Kanon+.*

Olport G. (2002) *Stanovlenie ličnosti: izbrannye trudy / pod red. D. A. Leont'eva. M.: Smysl.*

Petrovskij V. A. (1997) *Očerki teorii svobodnoj pričinnosti // Psihologija s čelovečeskim licom: gumanističeskaâ perspektiva v postsovetsoj psihologii / pod red. D. A. Leont'eva, V. G. Šur. M.: Smysl. S. 124–144.*

Petrovskij V. A. (2010) *Čelovek nad situacij. M.: Smysl.*

Podd'âkov A. N. (2014) *Komplikologija: sozdanie razvivaûših, diagnostirujuših i destruktivnyh trudnostej. M.: Izd. dom Vysšej školy èkonomiki.*

Prigožin I. (2000) *Konec opredelennosti, Vremâ, Haos i Novye zakony Prirody. Iževsk: RHD.*

Prigožin I., Stengers I. (1986) *Porâdok iz haosa: novyj dialog čeloveka s prirodoj. M.: Progress.*

Rubiņštejn S. L. (1973) *Problemy obšej psihologii. M.: Pedagogika.*

Ryan R., Deci E. (2017) *Self-Determination Theory. N.Y.: Guilford.*

Ŭng K.G. (1996) *Struktura psihiki i process individuacii. M.: Nauka.*

Viner N. (1968) *Kibernetika, ili Upravlenie i svâz' v životnom i mašine. M.: Sovetskoe radio.*

THE HUMAN IN THE THEORY OF KNOWLEDGE AND THE PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE OF HUMAN (on the relationship between epistemology and psychology)

P. A. Myasoed

*Poltava specialized
boarding school № 2,
Poltava, Ukraine,*

e-mail: pmjasojid@hotmail.com

The aim of the article is to define the theoretical and methodological relations between epistemology and psychology and to broaden the notion of the subject-matters and interdependencies of these disciplines. For this purpose, the history of the decisions of the question of the human's place in the theory of cognition and the thinking of psychologists of epistemological content is investigated. The methodological principle of the research is the metaparadigm of the dialogue (G. O. Ball) that is defined as a set for the coordination and continuation of the thought of the authors of the analyzed positions. R. Descartes's provisions on the dis-

united world to the incommensurable essences, B. Spinoza's ideas on the human's belonging to substance, I. Kant's conceptions about the presence of human in cognition are determinant. The subject is opposed to the object of knowledge, proclaimed by the organ of self-knowledge of the substance, the object is declared as it appears in the subject's thinking. Subjectocentrism is opposed by substantialism and processualism, dualism – by a common and particular form of monism. The theory of cognition as a historical process of G. W. F. Hegel is the starting point of the path from the relation «subject – object» to the relation «thinking – being», from the classical to the nonclassical epistemology, represented by the ideas of K. Marx, H. Bergson, E. Husserl, M. Heidegger, M. Foucault, M. K. Mamardashvili. The ideas of K. Popper, I. Prigogine, V. S. Stepin in the philosophy of science become significant of the emergence of epistemology at the post-nonclassical level of development. The refraction of the ideas of epistemology in the thinking of the founders of the existential (L. Binswanger), Marxist (A. N. Leontiev), humanistic (A. Maslow) and cultural-humanistic (V. A. Romenetz) psychology are traced. The principal importance of dialogue between V. A. Romenetz and S. L. Rubinshtein about the mode of being of human in the world for understanding the place of human in cognition. The common in epistemology and psychology is the movement from dualism to more and more meaningful monism with the subsequent human-centrism that appears at the post-nonclassical stage of the history of each of the disciplines and takes into account the objective place of human in the world. A view on cognition as a historical-logical-psychological process is asserted, the significance of the general philosophical idea of the identity of thinking and being for understanding the place of human in cognition and the special role of epistemological thinking in psychology is revealed. It is shown that in the investigation of psychological cognition of concepts of the subject, object and author of the theory of knowledge form one row; that the mutual enrichment of epistemology and psychology creates the possibility of the theory of knowledge of human, that is necessary for the sciences of the anthropological circle.

Keywords: epistemology, psychology, metaparadigm of dialogue, subjective, objective, thinking, being, problem of human, psychology subject-matter, human cognition theory, S. L. Rubinshtein, V. A. Romenetz.

DOI: 10.7868/S181926531803007X

Citation: Myasoed P. A. (2018) Čelovek v teorii poznaniâ i psihologičeskoe poznanie čeloveka (k voprosu o sootnošenii èpistemologii i psihologii) [The human in the theory of knowledge and the psychological knowledge of human (on the relationship between epistemology and psychology)] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 3. P. 105–126.

References

- Allahverdân A. G., Moškova G. Ŭ., Ŭrevič A. V., Âroševskij M. G.* (1998) Psihologiâ nauki. M.: Moskovskij psihologo-pedagogičeskij institut; Izd-vo «Flinta».
- Asmolov A. G.* (2007) Psihologiâ ličnosti: kul'turno-istoričeskoe ponimanie razvitiâ čeloveka. M.: Smysl; Akademiâ.
- Ball G. A.* (2006) Psihologiâ v raciogumanističeskoj perspektive. Izbr. raboty. K.: Osnova.
- Binsvanger L.* (2001) Èkzistencial'no-analitičeskaâ škola mysli // Èkzistencial'naâ psihologiâ / pod red. R. Mèâ i dr. M.: Aprel' Press; ÈKSMO-Press. C. 308–332.
- Bishop M. A., Trout J. D.* (2005) Epistemology and the psychology of human judgment. Oxford: Oxford University Press, Inc.

- Corlett J. A.* (1991) Some connections between epistemology and cognitive psychology // *New ideas in psychology*. V. 9. Is. 3. P. 285–306.
- Fenici M.* (2009) Psychology and psychologies: wich epistemology? // *Humana. Mente*. Is. 11. / M. Fenici (Ed.). P. V–XV.
- Goldman A. I.* (1990) The relation between epistemology and psychology // *Philosophy, mind and cognitive inquiry* / D. J. Cole at al. (Eds.). Kluwer academic publisher. R. 305–344.
- Gusel'ceva M. S.* (2016) Tvorčestvo V. A. Romenca v evolúcii psihologičeskogo znaniâ // *Akademik V. A. Romenec': tvorčist' i praci / uporâd. P. A. M'âsoïd; vïdp. red. L. O. Šatirko. K.: Libid'. S.* 146–170.
- Lektorskij V. A.* (2001) Èpistemologiâ klassičeskaâ i neklassičeskaâ. M.: Èditorial URSS.
- Leont'ev A. N.* (1983) Deâtel'nost'. Soznanie. Ličnost' // A. N. Leont'ev. Izbr. psihol. proizv.: v 2 t. T. 2. M.: Pedagogika. C. 94–231.
- Leont'ev D. A.* (2008) Neklassičeskij podhod v naukah o čeloveke i transformaciâ psihologičeskogo znaniâ // *Psihologiâ, lingvistika i meždisciplinarnye svâzi: sb. nauč. rabot k 70 letiû so dnâ roždeniâ Alekseâ Alekseeviča Leont'eva* / pod red. T. V. Ahutinoj, D. A. Leont'eva. M.: Smysl. S. 205–225.
- Loginova N. A.* (2017) Problema čeloveka v sovremennoj rossijskoj psihologii // *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Čelovek i mir. № 1. S.* 81–110.
- Maslou A.* (1997) Psihologiâ bytiâ. M.: Refl-buk; K.: Vakler.
- Maslow A.* (1966) *The psychology of science: a reconnaissance*. N.Y.: Harper & Row.
- Mâsoed P. A.* (2009) S. L. Rubinštejn: ideâ živogo čeloveka v psihologii // *Voprosy psihologii. № 4. S.* 108–118.
- Mâsoed P. A.* (2010) Istoriâ, logika i psihologiâ «parallelogramma Leont'eva» // *Voprosy psihologii. № 6. S.* 113–124.
- Mâsoed P. A.* (2013) Tvorčeskoe nasledie V. A. Romenca v istoriko-psihologičeskom znanii // *Psihologičeskij žurnal. № 3. S.* 51–59.
- Mâsoed P. A.* (2015a) Kategoriâ praktiki i metodologii psihologii // *Voprosy psihologii. № 3. S.* 106–115.
- Mâsoed P. A.* (2015b) Plûralizm i monizm v metodologii psihologii // *Metodologiâ sovremennoj psihologii. Vyp. 5. / pod red. V. V. Kozlova i dr. M.; Ârosavl': ÂRGU; LKIISI; MAPN. S.* 146–159.
- Mazilov V. A.* (2006) O predmete psihologii // *Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 1. S.* 55–72.
- Piaže Ž.* (1994) Genetičeskaâ èpistemologiâ // *Voprosy filosofii. № 5. S.* 54–63.
- Rojs Dž. R.* (2006) Èpistemologiâ psihologičeskaâ // R. Korsini, A. Auërbah. *Psihologičeskaâ ènciklopediâ*. SPb.: Piter. S. 1788.
- Romenec' V. A.* (1972) Analiz tvorčogo procesu // *Filosofs'ka dumka. № 1. S.* 52–62.
- Romenec' V. A., Manoha Ĭ. P.* (1998) Istoriâ psihologii XX stolittâ. K.: Libid'.
- Rubinštejn S. L.* (1973) Teoretičeskie voprosy psihologii i problema ličnosti // S. L. Rubinštejn. *Problemy obšej psihologii*. M.: Pedagogika. S. 241–252.
- Rubinštejn S. L.* (2003) Čelovek i mir // S. L. Rubinštejn. *Bytie i soznanie. Čelovek i mir*. SPb: Piter. C. 281–426.
- Sokolova E. E.* (2001) «Neklassičeskaâ» psihologiâ A. N. Leont'eva i ego školy // *Psihologičeskij žurnal. № 6. S.* 14–24.
- Stepin V. S.* (2004) Važno, čtoby rabota ne prekrašalas': besedy // *Voprosy filosofii. № 9. S.* 16–71.

Teoriâ poznaniâ: v 4 t. (1991–1995) / pod red. V. A. Lektorskogo, T. I. Ojzermana. M.: Mysl'.

Ulanovskij A. M. (2007) Fenomenologičeskij metod v psihologii, psihiatrii i psihoterapii // Metodologîâ i istoriâ psihologii. Vyp. 1. S. 130–150.

Ūrevič A. V. (2005) Psihologiâ i metodologîâ. M.: Institut psihologii RAN.

Section W. S. MERLIN'S 120th ANNIVERSARY

HISTORY AND METHODOLOGY OF STUDYING HUMAN STYLES IN THE THEORY OF W. S. MERLIN (to the 120th anniversary of the birth of a scientist)

B. A. Vyatkin

Perm State Humanitarian

Pedagogical University,

Perm, Russia,

e-mail: brislav.vyatkin@gmail.com

M. R. Shchukin
Perm State Humanitarian
Pedagogical University,
Perm, Russia

The article is devoted to the analysis of the history of the creation and development of the doctrine of an individual style of activity developed by W. S. Merlin and his disciples. In the development of ideas about human styles in the scientific school of W. S. Merlin, several lines characterize the transition from one research stage to another: 1) from the study of a style in connection with the basic properties of the nervous system to its study in connection with the different levels of integral individuality; 2) from the characteristics of a style in a narrow plan that reflects the procedural and operational characteristics of activity, behavior, etc., to the characterization of its structure on a broader scale, which includes features in the productive side of a style, to the system of its internal conditions and the reflection by a subject of external conditions of vital activity; 3) from the study of a style at the level of its sufficient formation to the study of different levels of its development, 4) from the characteristics of a style as a system to its polysystem characteristic, 5) from the allocation of adaptive and compensatory functions of a style to the isolation of new functions: system-forming, integrative, developing, etc., 6) from

predominantly adaptive schemes to the consideration of the interaction of a style with the world to schemes that reflect the activity of a subject in this interaction, that associated with the application of a subjective approach to the study of a style, 7) from the learning styles of different activities to the study of the styles of other aspects of human life: activity, behavior, self-organization, etc. This indicates the fairly well-formed theory of a style, which acts as one of the leading, along with the theory of an integral individuality and a subject. These theories provide a holistic knowledge of man in Russian psychology.

Keywords: style, vital activity, activity, behavior, traits, integral individuality, procedural side of style, productive side of a style, internal conditions, external conditions, style functions, style development, system, polysystem, integration.

DOI: 10.7868/S1819265318030081

Citation: Vyatkin B. A, Shchukin M. R. (2018) Istoriâ i metodologiâ issledovaniâ stilej čeloveka v škole V. S. Merlina (k 120-letiu so dnâ roždeniâ učenogo) [History and methodology of studying human styles in the theory of W. S. Merlin (to the 120th anniversary of the birth of a scientist)] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 3. P. 127–150.

References

- Dorfman L. Â.* (1993) *Metaindividual'nyj mir: metodologičeskie i teoretičeskie problemy*. M.: Smysl.
- Individual'nost' rastuščego čeloveka v usloviâh sovremennoj školy (2015) / pod red. B. A. Vâtkina. Perm': PNIPU.
- Ismagilova A. G.* (2003) *Psihologiâ stilâ pedagogičeskogo obšeniâ: polisistemnoe issledovanie*. Perm': Perm. gos. ped. un-t.
- Klimov E. A.* (1969) *Individual'nyj stil' deâtel'nosti v zavisimosti ot tipologičeskikh svojstv nervnoj sistemy*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta.
- Merlin V. S.* (1970) *Problemy eksperimental'noj psihologii ličnosti (glavy iz monografii)* // V. S. Merlin. *Problemy eksperimental'noj psihologii ličnosti*. Sb. nauč. tr. Perm': PGPU. S. 7–212.
- Merlin V. S.* (1977) *Ob integral'nom issledovanii individual'nosti* // *Problemy integral'nogo issledovaniâ individual'nosti* / red. V. S. Merlin. Perm': B. i. S. 7–23.
- Merlin V. S.* (1986) *Očerki integral'nogo issledovaniâ individual'nosti*. M.: Pedagogika.
- Polisistemnoe issledovanie individual'nosti čeloveka* (2005) / pod red. B. A. Vâtkina. M.: PER SÈ.
- Psihologiâ integral'noj individual'nosti: Permskaâ škola* (2011) / sost. B. A. Vâtkin, L. Â. Dorfman, M. R. Šukin. M.: Smysl.
- Psihologiâ stilej čeloveka: hrestomatiâ* (2013) / sost. B. A. Vâtkin, M. R. Šukin. Perm': Kniznyj mir.
- Sosnina D. N.* (2011) *Osobennosti ispolnitel'skoj deâtel'nosti artista baleta v usloviâh sceničeskogo stressa* // *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Â. Vaganovoj*. 2011. № 1 (25). S. 28–70
- Šukin M. R.* (1990) *Psihologičeskie osnovy individual'nogo podhoda k učašimsâ v processe proizvodstvennogo obučeniâ*. M.: Vyššaâ škola.
- Šukin M. R.* (1995) *Individual'nyj stil' i integral'naâ individual'nost': problemy i podhody* // *Psihologičeskij žurnal*. 1995. T. 16. № 2. S. 103–113.
- Šukin M. R.* (2005) *O funkcijâh stilej deâtel'nosti, aktivnosti i obšeniâ* // *HH Merlinskie čtenia «V. S. Merlin i sistemnoe issledovanie individual'nosti čeloveka»*: *Materialy mežregion-*

al'noj ŭbilejnoj naučno-praktičeskoj konferencii. Č. I. Perm': Perm. gos. ped. un-t. S. 208–213.

Tipologičeskie issledovaniâ po psihologii ličnosti i po psihologii truda (1964) / otv. red. V. S. Merlin. Perm': Perm. gos. ped. in-t.

Vâtkin B. A. (2007) Lekcii po psihologii integral'noj individual'nosti čeloveka. M.: Izd-vo MPSI; Voronež: Izd-vo NPO «MODEK».

Vâtkin B. A., Kovtun E. V. (2013) Stil' deâtel'nosti v êkstremaal'nyh usloviâh kak èmerdžentnoe svojstvo integral'noj individual'nosti rukovoditelej tušeníâ požarov // Psihopedagogika v pravooohranitel'nyh organah. № 1 (52). S. 3–7.

Vâtkin B. A., Popova V. V. (2012) Stil' sovladaniâ psihičeskim stressom v sportivnyh sor-evnovaniâh // Materialy VIII Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii «Rudikovskie čteniâ». M.: RGUFKSMiT. S. 128–130.

Vâtkin B. A., Sambikina O. S. (2016) Individual'nost' i stil' učeniâ rastušego čeloveka. Perm': Permskij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogičeskij universitet.

Vâtkin B. A., Šukin M. R. (2007) Čelovek–Stil'–Socium: polisistemnoe vzaimodejstvie v obrazovatel'nom prostranstve. Perm': Perm. gos. ped. un-t.

Vâtkin B. A., Šukin M. R. (2013) Psihologiâ stilej čeloveka: učebnoe posobie. Perm': Knižnyj mir.

Vâtkin B. A., Šukin M. R. (2016a) O triedinstve teorij i podhodov k celostnomu poznaniû čeloveka v sovremennoj psihologii // Pedagogika, Psihologiâ, Obščestvo – 2016: Sbornik statej 1-j sessii meždunar. naučn. konf. (Rossiâ, Moskva, 29–30 marta 2016 g.). M.: RusAl'âns So-va. S. 102–115.

Vâtkin B. A., Šukin M. R. (2016b) Stil' kak sub''ektnââ harakteristika individual'nosti čeloveka // Psihologiâ razvitiâ čeloveka kak sub''ekta truda: Razvitie tvorčeskogo naslediâ E. A. Klimova. Materialy meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii. M., 12–15 oktâbrâ 2016 g. S. 638–640.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакшутова, Екатерина Валерьевна — историк, кандидат психологических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, профессор кафедры философии Самарского государственного технического университета. Самара, Россия.

Эл. адрес: bakshutka@gmail.com

Вяткин, Бронислав Александрович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь, Россия.

E-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com

Дорфман, Леонид Яковлевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Пермского государственного института культуры. Пермь, Россия.

Эл. адрес: dorfman07@yandex.ru

Леонтьев, Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор департамента психологии, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации. Москва, Россия.

Эл. адрес: dmleont@gmail.com

Маланов, Сергей Владимирович — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования Московского института психоанализа. Москва, Россия.

Эл. адрес: malanovsv@mail.ru

Мясоед, Петр Андреевич — кандидат психологических наук, доцент, психолог Полтавской специализированной школы-интерната № 2. Полтава, Украина.

Эл. адрес: pmjasojid@hotmail.com

Петренко, Виктор Федорович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН. Москва, Россия.

Эл. адрес: victor-petrenko@mail.ru

Решетников, Михаил Михайлович — доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор Венского Зигмунд Фрейд Университета, ректор Восточно-европейского института психоанализа. Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: veip@yandex.ru

Рулина, Татьяна Константиновна — филолог, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета. Самара, Россия.

Эл. адрес: tatrul@yandex.ru

Щукин, Марат Родионович — доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь, Россия.

Научный теоретико-методологический и историко-психологический журнал
«МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»

Сайт журнала: <http://mhp-journal.ru>

Международный стандартный номер периодического издания: ISSN 1819-2653

Свидетельство о государственной регистрации: ПИ ФС77-35640 от 17.03.2009

Адрес редакции: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект,
д. 34, стр. 14, ком. 300. E-mail: ignikkar@mail.ru

Ответственный редактор: И. Н. Карицкий.
Редактор английского языка: А. А. Костригин.
Корректоры: Н. С. Самбу, А. А. Соболева.
Компьютерная верстка: Г. Ю. Федотова.

Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 14,3.

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г./кв.м. Гарнитура Newton.

Тираж 200 экз. Заказ № .

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский переулок, д. 6.

Сайт: www.tnauka.ru. Тел.: 8-499-241-9464

Scientific journal
«Methodology and History of Psychology»

The journal is published since 2006

Website: <http://mhp-journal.ru/eng>

ISSN 1819-2653

The journal is published 4 times a year

Editorial Team

V. F. Petrenko (Editor-in-Chief, Moscow, Russia),
Yu. I. Aleksandrov (Moscow, Russia),
V. M. Allakhverdov (St. Petersburg, Russia),
A. A. Demidov (Moscow, Russia),
I. N. Karitsky (Deputy Editor, Moscow, Russia),
D. A. Leontiev (Moscow, Russia),
V. A. Mazilov (Yaroslavl, Russia),
S. P. Senuschenkov (Krasnodar, Russia),
A. V. Yurevich (Deputy Editor, Moscow, Russia)

International Advisory Board

Ch. I. Abramson (Stillwater, Oklahoma, USA), H. Luck (Hagen, Germany),
R. Smith (Lancaster, UK), K. Shigemasu (Tokyo, Japan),
J. Valsiner (Aalborg, Denmark), V. A. Yanchuk (Minsk, Belarus)

Address of the editorial office: 121170, Russia, Moscow, Kutuzovsky prospect,
34, building 14, room 300. E-mail: ignikkar@mail.ru

